

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Тюменский государственный университет»

На правах рукописи

Парфенов Александр Дмитриевич

**МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ЗАПАДНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

5.7.7 Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
Чубаров Игорь
Михайлович

Тюмень – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА	24
1.1 Понятие и сущность консерватизма.....	24
1.2 Философские основания и базовые принципы консерватизма	33
1.3 Понятие, сущность и предпосылки возникновения культурного консерватизма ^{б1}	
1.4 Базовые принципы культурного консерватизма	81
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА.....	108
2.1 Основания выделения теоретических моделей культурного консерватизма .	108
2.2 Либертарианская модель культурного консерватизма	111
2.2.1 Базовые положения либертарианской политической философии	111
2.2.2 Особенности консервативно-либертарианского синтеза	125
2.2.3 Место и роль культуры в работах Ф. А. фон Хайека	127
2.2.4 Культурный традиционализм Л. фон Мизеса.....	130
2.2.5 Фузионизм Ф. Мэйера.....	133
2.2.6 Палеолибертарианство	135
2.3 Коммунитарные модели культурного консерватизма.....	144
2.3.1 Особенности коммунитарных моделей культурного консерватизма.....	144
2.3.2 Националистическая и радикальная модели коммунитарного консерватизма	149
2.3.3 Плюралистическая модель коммунитарного консерватизма.....	154
2.3.4 Национальная модель коммунитарного консерватизма.....	163
2.4 Гибридная (синтетическая) модель культурного консерватизма	170
2.4.1 Оценка коммунитарных и либертарных моделей: возможности синтеза	170

2.4.2 Институционально-инструментальные (политические) следствия синтетической модели	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Консерватизм наряду с социализмом и либерализмом многими исследователями характеризуется как идеология, стиль мышления, разновидность социальной и политической теории и философии. Вопрос об истоках консерватизма является спорным. Одни исследователи видят истоки консерватизма в реакции на Великую французскую революцию¹, другие же отмечают, что консервативная интеллектуальная традиция имеет корни в далёком прошлом². Ещё античные авторы подчёркивали важность социального порядка, воспитания добродетелей в гражданах и правителях, указывали на социальную природу человека и на необходимость контроля над страстями, свойственными людям. Все эти идеи, представленные ещё в работах Платона и Аристотеля, воспринятые и дополненные мыслителями Средневековья и Нового времени (Августин, Фома Аквинский, Макиавелли, Гоббс и др.), нашли своё отражения в работах философов и исследователей, которых принято относить к консервативному направлению.

Эдмунд Бёрк, автор работы «Рассуждения о революции во Франции», имеющей для многих консерваторов статус *opus magnum*, впервые явно артикулировал важнейшие для консервативного мышления положения, подчёркивая особую роль традиции, авторитета, иерархии, собственности для поддержания социального порядка. Он же заложил базовые для западной консервативной традиции опоры в виде рыночной экономики (защита частной собственности) и традиционных ценностей и норм (защита и сохранение культурных и социальных институтов), которые должны поддерживаться

¹ См., например, Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. М. Левиной // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 113–169.; Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572–670.

² См., например, Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М.: Университетская книга, 1999. 224 с.

государственными институтами и быть центральной заботой политики государства.

Впоследствии постоянные изменения социально-экономического и политического характера заставляли консерваторов адаптировать свои идеи к новым ситуациям. Однако ядро ключевых установок оставалось прежним. На Западе постепенно формировались две консервативных традиции, континентальная и англо-американская. Для первой был более характерен антилиберальный настрой, акцент на особой роли государства и иные государственноческие тенденции. Для второй, напротив, была характерна связь с либерализмом и более сдержанное отношение к государству, в котором английские и американские консерваторы порой усматривали угрозу из-за возможности нарастания в нём деспотических тенденций в случае чрезмерной централизации. Эти отличительные черты отдельных «подтрадиций» или течений внутри консерватизма оформились в период XIX – начала XX века.

Противостояние социалистических и капиталистических идей в период Холодной войны на определённый период подтолкнуло западных культурных консерваторов к союзу с либералами. И в силу того, что основная полемика в интеллектуальных кругах велась по вопросу эффективности социалистической и капиталистической моделей построения общества для решения социально-экономических проблем, консерваторы сблизилась с либералами именно на основе общей поддержки рыночных институтов. Сам консерватизм стал приобретать формы экономического консерватизма, превращаясь постепенно в неолиберализм, а также максимально сближаясь с либертарианством, становясь похожим на позиции, отстаивающие идеалы классического либерализма. Однако это привело к тому, что часть консерваторов, сосредоточившись на экономических проблемах, меньше внимания уделили изменениям, произошедшим в культуре³. Несмотря на то, что это замечание относится в

³ Прежде всего, значительное снижение роли религии, на которую консерваторы полагались как на институт не только поддерживающий и легитимирующий определённый политический порядок, но и играющий важнейшую роль в вопросах морали, ценностей, интеграции граждан. Постепенная секуляризация привела к сильнейшим сдвигам в культуре,

большей мере к английским и американским консерваторам, нежели к континентально-европейским⁴, тенденции, связанные с социальными и культурными изменениями в западных странах, оказали, в целом, влияние на большинство направлений консервативной мысли и на континенте.

После завершения активной части интеллектуального противостояния между «левыми» (социалисты) и «правыми» (либералы в союзе с консерваторами), когда основной акцент в дебатах сместился на сферу культуры, среди консерваторов также стали преобладать идеи об особой роли культурной проблематики. По мнению Джереми Райнера, это даже привело к сближению консерваторов с социалистами, которые до этого были их главным противниками⁵. Либерализм, особенно в его эгалитаристской форме стал одним из главных объектов критики консерваторов, при этом всё чаще они стали солидаризироваться в своём анализе с левыми интеллектуалами, которые исследовали проблемы культурного и морального характера. Однако выводы и изначальные цели такой критики у них существенно отличаются. Это связано с

оказав влияние не только на понимание власти, общества и государства, но и на понимание отдельными индивидами своего места в мире, социальной структуре, определении ими жизненных приоритетов, степени осознания роли традиций. Изменения коснулись и вопроса о роли рациональности в познании мира и его преобразовании. Секуляризация, с одной стороны, став последствием идей Модерна и Просвещения, сама привела к ещё большему упрочению этих идей, но в тоже время стала порождать и противоположные тенденции, получившие выражение в ряде изменений в интеллектуальной и культурной сферах, которые исследователи стали связывать с новой эпохой Постмодерна и постмодернистскими идеями. Особый интерес представляет тот факт, что многое из того, что приписывается Постмодерну, исследователи стали связывать с развитием капитализма (см., например, Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Республика, Культурная революция, 2006. 269 с.).

⁴ Многие авторы, принадлежащие к континентально-европейской традиции, могут быть как раз охарактеризованы как явные культурные консерваторы, которые в своём творчестве развивали идеи культурного пессимизма, связанные с понятиями упадка культуры, кризиса западной цивилизации и так далее (например, О. Шпенглер). Эта же тенденция прослеживалась и в среде российских консерваторов, особенно среди сторонников цивилизационного подхода (см., например, Леонтьев К.Л. Византизм и славянство. М.: АСТ, 2007.; Данилевский Н. Россия и Европа. СПб.: Азбука, 2020. 672 с.)

⁵ Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism // British Journal of Political Science. 1986. Vol. 16, № 4. P. 455–473.

различным пониманием роли традиционных ценностей и институтов, различными взглядами на методы и стратегии решения политических задач.

Таким образом, культуризм стал альтернативой экономикоцентризму, тенденции, характерной для западных неоконсервативных течений в период 1970-х годов (тэтчеризм и рейганизм)⁶. Культурный консерватизм также стал ответом на культурный прогрессизм в странах Запада⁷, а также естественной реакцией на крайности либерального индивидуализма⁸. Консерватизм был вынужден реагировать на переориентацию левых теоретиков с проблем экономики на проблемы культуры⁹. Пространство конфликта между левыми и правыми постепенно сместилось в сферу культурного противостояния, в борьбу за утверждение определённых ценностей. Помимо этого важнейшим фактором возникновения

⁶ Более подробно о кризисе консерватизма в западных странах в связи с его постепенной трансформацией в позицию защиты рыночных институтов можно прочитать в работах Дж. Райнера, Дж. Грея, П. Вайриха, У. Линда, У. Маршнера. Ссылки на них будут представлены далее по тексту в разделе «Степень разработанности проблемы». Речь идёт в первую очередь о кризисе консерватизма в его практическом преломлении, экономикоцентристской риторикой консервативных политиков. Однако это привело к тому, что «апологическая» риторика консервативных идеологов и философов, направленная на защиту традиционных институтов и ценностей, находящихся в кризисном состоянии, должна была вновь актуализировать вопрос о «границах» рынка, государства, роли общества в изменяющихся условиях. Потребовалась необходимость на интеллектуальном уровне вновь сосредоточить внимание на культурных проблемах и факторах, которым уделялось недостаточное внимание консервативными политиками и партиями, делавшими больший акцент на экономических вопросах и защите рыночных институтов.

⁷ Культурный прогрессизм можно охарактеризовать как установку в области ценностей и культурных практик, цель которой состоит в переориентации базовых ценностей и норм общества в соответствии с идеалами свободы и равенства. Культурные прогрессисты критикуют традиционные нормы и ценности как преграды, стоящие на пути к более справедливому обществу.

⁸ Trimcev E. Conservatism: Empirical or Metaphysical? // *Cosmos+Taxis*. – 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 4.

⁹ Некоторые исследователи указывают на то, что смена ориентации с экономической на социокультурную связана с интеллектуальной победой правых доктрин в экономике, кризисом социализма и успехом капитализма (см. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. Шуваловой. – М.: РИПОЛ классик, 2021. С.265–291). В капиталистических западных обществах наметился ценностный раскол между сторонниками традиционных ценностей и прогрессистами (см. Hunter J. D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: Basic Books, 1991. 432 p.).

и развития культурного консерватизма становятся глобализационные процессы, и прежде всего связанные с ними проблемы «столкновения культур»¹⁰.

Разнообразные современные консервативные теории, которые принято характеризовать такими терминами как «постмодернистский консерватизм», «постлиберальный консерватизм» (иногда просто – «постлиберализм») могут, на наш взгляд, рассматриваться как различные проявления культурного консерватизма. Подобные теории и концепции всё чаще возникают в западной интеллектуальной среде.

При этом культурные консерваторы помимо критической реакции и замечаний в сторону современного либерализма и «левых» теорий начинают отмечать необходимость формулировки и обоснования собственных положений, которые могли бы стать полноценной альтернативой в рамках политической философии. Эта проблема на данный момент остаётся решённой не полностью. Многие культурно-консервативные исследователи, философы, теоретики всё также в большей мере сосредотачиваются на критике. Однако разнообразные попытки представить направления и стратегии построения и обоснования некоторых позитивных предложений уже делаются. Среди консерваторов растёт понимание того, что их собственные взгляды нуждаются в некоторой теоретической проработке и аргументации, обнаруживается недостаточность простого постулирования общих принципов и догм. Для этого может понадобиться анализ тех попыток обоснования консервативных взглядов, которые уже предпринимались или предпринимаются различными философами и исследователями.

Отдельные стратегии построения и обоснования культурно-консервативных теорий, характерные для западной интеллектуальной традиции, могут быть полезны и для российской политической философии консерватизма с дальнейшей их переработкой с учётом отечественной специфики. Изучение политико-философских моделей культурного

¹⁰ См., например, Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

консерватизма, таким образом, обладает актуальностью и требует особого внимания к способам построения отдельных консервативных теорий.

Степень разработанности проблемы. Основные идеи классического западного консерватизма представлены в работах Э. Бёрка, Ж. де Местра, Л. Бональда¹¹. Среди работ, оказавших значительное влияние на консервативную интеллектуальную традицию, можно отметить труды Платона, Аристотеля, Цицерона, Фомы Аквинского, Августина, Фукидида, Ж. Бодена, Н. Макиавелли, Т. Гоббса.

Значительное влияние на идеи англо-американского консерватизма оказали работы либеральных и консервативно-либеральных авторов, прежде всего, Дж. Локка, А. де Токвиля, А. Смита, Д. Юма, Дж. Ст. Милля. Особое значение в работах культурных консерваторов имеют идеи, изложенные в работах «О демократии в Америке»¹² Токвиля и «Теория нравственных чувств» А. Смита¹³. Например, консерваторы Р. Скрутон и Р. Нисбет в своих работах ссылаются на них для обоснования идей о противоречии между принципом свободы, ведущей к неравенству, и принципом равенства, характерного для современного либерального эгалитаризма. При интерпретации соотношений между свободным рынком и культурными факторами (моральными нормами и ценностями) английские и американские западные культурные консерваторы также находят аргументы у Смита и Токвиля для обоснования своих позиций.

Среди философов и мыслителей, которые повлияли как на англо-американский, так и на континентально-европейский консерватизм можно отметить Г. Гегеля, Ф. Ницше, И.Г. Гердера, М. Вебера¹⁴. Отдельные

¹¹ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. С. Векслер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 411 с.; Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.

¹² Токвиль А. де. О демократии в Америке / пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

¹³ Смит А. Теория нравственных чувств / пер. с англ. П. Бибилова. М.: Издательство АСТ, 2022. 512 с.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель М., 1978. 438 с.; Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского. М.: АСТ, 2018. 320 с.; Ницше Ф. Генеалогия морали / пер. с нем. В.А. Вейнштока. СПб: Азбука, 2014. 144 с.; Ницше Ф. Воля к власти / пер. с нем. СПб: Азбука, 2021. 448 с.; Гердер И. Г. Идеи к философии истории

концепции консерваторов строятся на основе идей, изложенных в работах вышеперечисленных авторов.

Попытки выявить сущность, отличительные признаки консерватизма делаются в работах как зарубежных, так и отечественных авторов. Среди зарубежных авторов наибольший вклад в понимание консерватизма внесли К. Мангейм¹⁵, М. Оукшотт¹⁶, С. Хантингтон¹⁷, Р. Кирк¹⁸, Р. Нисбет¹⁹, Р. Скрутон²⁰, Дж. Кекеc²¹ и др. Отечественные исследователи, такие, как М. Ремизов²², И.В. Дёмин²³, Л.Г. Ионин²⁴, А.М. Руткевич²⁵ и др., в своих работах анализировали понятие консерватизма, его базовые принципы и отличительные черты, а также представили различные способы классификации консервативных теорий.

человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 704 с.; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. М.: АСТ, 2021. 352 с.

¹⁵ Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. М. Левиной // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 113–169.; Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572–670.

¹⁶ Оукшотт М. Рационализм в политике. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.; Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437.

¹⁷ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231–250.

¹⁸ Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. 535 p.

¹⁹ Nisbet R.A. Conservatism and Sociology // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 58, No. 2. P. 167–175; Nisbet R.A. Conservatism: Dream and Reality (Library of Conservative Thought). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 113 p.

²⁰ Скрутон Р. Как быть консерватором / пер. с англ. Б. Дынина. Москва, 2021. 211 с.; Scruton R. The Meaning of Conservatism. Harmondsworth: Penguin Books, 1980. 198 p.

²¹ Kekes J. What Is Conservatism // Philosophy. 1997. Vol.72, №281. P.351-374.

²² Ремизов М. В. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // Тетради по консерватизму. 2014. № 1. С. 79–83; 94. Ремизов М. В. Миссия консерватизма в современном мире // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 4. С. 97–106; Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. №5. С.147–164; Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены истории» // Логос. 2004. №6 (45). С.154–169.

²³ Дёмин И.В. К вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политика и Общество. 2017. № 9. С. 42–58; Демин И. В. Границы консерватизма и консерватизм границ / И. В. Демин // Диагностика современности : глобальные вызовы – индивидуальные ответы : сборник материалов / отв. ред. Ю. А. Разинов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 161–174.

²⁴ Ионин Л. Консерватизм // Логос. 2005. № 3 (48). С. 3–73; Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

²⁵ Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М.: Университетская книга, 1999. 224 с.

Произведения британских культурных консерваторов, таких, как С.Т. Кольридж, Т.С. Элиот, Дж. Коэн, М. Арнольд развивают альтернативное понимание культурного консерватизма как не связанного напрямую с политикой направления.

В работах Р. Скрутона²⁶, Р. Кирка²⁷, И. Кристола²⁸, Дж. Райнера²⁹, Т. Алексеевой³⁰, П.Ю. Рахшмира³¹ делаются попытки выявления специфических черт культурного консерватизма, выявляются его базовые принципы и анализируются основные аспекты. Отдельно можно выделить ряд работ американских культурных консерваторов, которые использовали понятие «культурный консерватизм» в качестве названия отдельного политического и интеллектуального движения. Прежде всего, среди подобных работ можно отметить труды Пола Вайриха³², Уильяма Линда, Уильяма Маршнера³³.

Обоснованию синтеза либертарианства (и классического либерализма) и культурного консерватизма посвящены работы Л. фон Мизеса³⁴, М. Ротбарда³⁵,

²⁶ Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. St. Martin Press, 2018. 176 p.

²⁷ Kirk R. The Cultural Conservatives // The Heritage Lectures. 1988. №151. URL: https://thf_media.s3.amazonaws.com/1988/pdf/hl151.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

²⁸ Кристола И. Неоконсервативное убеждение / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2004. №6 (45). С.170–174.

²⁹ Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism // British Journal of Political Science. 1986. Vol. 16, № 4. P. 455–473.

³⁰ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 479 с.; 272. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 623 с.

³¹ Рахшмир П.Ю. Культурный консерватизм в США / Перм.ун-т. Пермь, 1995. 138 с.

³² Weyrich P.M. Cultural Conservatism and Conservative Movement // Cultural Conservatism. Theory and Practics. Lind W.S., Marshner W.H. eds. Free Congress Foundation. Center for Cultural Conservatism. Washington, D.C., 1991. P. 19–31.

³³ Lind W.S., Marschner W.H. Cultural Conservatism: Toward a New National Agenda. Washington, D.C.Free Congress Foundation, 1987. 146 p.

³⁴ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. 416 с.

³⁵ Rothbard M. N. Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays. Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. 321 p.; Rothbard M. N., Rockwell L. Why the Report? // Rothbard-Rockwell Report, April 1990; Rothbard M. N. Why Paleo? // Rothbard-Rockwell Report, May 1990.

Л. Роквелла, Дж. Такера³⁶, Ф. Мэйера³⁷, Э. Фезера³⁸, Х.-Х. Хоппе³⁹, Р. Райко⁴⁰ и др. С критикой такого синтеза связаны отдельные статьи У. Блока⁴¹, М. Чмиеловски⁴², Л.Б. Бозелла⁴³. Ряд работ Э. Грегори и Г. Кейси⁴⁴ направлен на исследование попыток либертарианско-консервативного синтеза.

Отдельные идеи и концепции, оказавшие большое влияние на либертарианство и перенятые некоторыми культурными консерваторами были отражены в работах Ф. фон Хайека, М. Фридмана. Особое значение имеет книга Хайека «Пагубная самонадеянность»⁴⁵, в которой представлена теория культурной эволюции, опирающаяся на идеи спонтанного порядка, нерациональной природы традиционных норм, институтов и ценностей. Хайек оказал влияние не только на представителей либертарных направлений культурного консерватизма, но и на коммунитарных культурных консерваторов. Причём его теории и концепции среди культурных консерваторов нередко вызывают диаметрально противоположную реакцию. Негативные оценки влияния хайековского интеллектуального наследия на

³⁶ Rockwell L. The Case for Paleo-libertarianism // *Liberty*. 1990. Vol. 3, № 3. P. 34–38; Tucker J. A., Rockwell L. H. The Cultural Thought of Ludwig von Mises // *The Journal of Libertarian studies*. 1995. Vol. 10, № 1. P. 23–52.

³⁷ Meyer F. In Defense of Freedom: A Conservative Credo. Chicago: Henry Regnery, 1962. 179 p.

³⁸ Feser E.C. Hayek On Tradition // *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol.17, no.1. P.17-56.

³⁹ Hoppe Н.-Н. Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. New Brunswick: Transaction Publishers, 2007. 304 p.; Хоппе Х.-Х. Понимая либертарианство правильно / пер. с англ. Парфенюк. Москва: Библиотека Шевцова, 2018. 129 с.

⁴⁰ Raico R. Is libertarian amoral? // Mises Institute. 2019. URL: <https://mises.org/library/libertarianism-amoral> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴¹ Block W. Plumb-Line Libertarianism: a Critique of Hoppe // *Reason Papers*. 2007. Vol. 29. P. 151–163; Block W. E. Libertarianism Is Unique And Belongs Neither To The Right Nor The Left: A Critique Of The Views Of Long, Holcombe, And Baden On The Left, Hoppe, Feser, And Paul On The Right // *Journal Of Libertarian Studies*. 2010. Vol.22. P.127–170; Block W.E. Contra Hoppe and Brat on Immigration // *MEST Journal*. 2016. Vol.4, №1. P.1–10;

⁴² Chmielowski M. Murray N. Rothbard's paleolibertarianism. In search for a political success during the Republican party presidential primaries 1992 // *Res Publica. Revista de Historia de las Ideas Potaticas*. 2016. Vol. 19, № 2. P. 371–387.

⁴³ 45. Bozell L. B. Freedom or Virtue? // *Freedom and Virtue. The Conservative/ Libertarian Debate* / Ed. G. W. Carey. Revised, updated ed. Wilmington, Delaware: Intercollegiate Studies Institute, 1998. P. 23–37.

⁴⁴ Casey G. Feser On Rothbard As A Philosopher // *Libertarian Papers*. 2009. Vol.1, №34. P.1–13.

⁴⁵ Хайек Ф. А. фон. Пагубная самонадеянность / пер. с англ. Т. Виноградовой. М.: АСТ, 2023. 288 с.

консерватизм можно встретить, например, в работах А. де Бенуа, П. Бьюкенена, Дж. Грея. В более позитивном ключе об австрийском экономисте и политическом философе высказывался в своих работах Р. Скрутон, который использовал его наработки для обоснования некоторых своих идей. Среди либертарианцев теория Хайека о культуре также стала предметом дискуссий и разнообразных оценок, что связано с её эмпирическим характером и коммунитарными методологическими аспектами.

В работах Р. Нисбета⁴⁶, Дж. Грея⁴⁷, П. Денина⁴⁸, Н. О'Салливана⁴⁹, А. де Бенуа⁵⁰, А. Макинтайра⁵¹, Дж. Кекеса⁵² представлена коммунитарно-консервативная критика либерализма, его методологических оснований (договорной теории в её классических (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) и современных (Дж. Ролз, Р. Дворкин) вариантах) и его культурного влияния. Делается акцент на роли идей Просвещения в развитии современного либерализма. Проводится критика универсализма, крайнего индивидуализма и эгалитаристских тенденций, как характеристик современной либеральной

⁴⁶ Nisbet R. *Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins* // *Modern Age*. 1980. Vol. 24, № 1. P.2–8; Nisbet R. *Community and Power (formerly The Quest for Community)*. New York: Oxford University Press, 1962. 303 p.; Nisbet R. A. *The New Despotism* // *Studies in Social Theory* № 6. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. P. 3–34; Nisbet R. A. *The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom*. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p.

⁴⁷ Грей Дж. *Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности* / пер. с англ. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. Фетисова. М.: Праксис, 2003. 368 с.; Gray J. *Two Faces of Liberalism*. New York: The New Press, 2002. 161 p.; Gray J. *Post-Liberalism: Studies in Political Thought*. New York; London: Routledge, 1993.

⁴⁸ Deneen P. *Regime Change: Toward a Post-Liberal Future*. New York, NY: Sentinel, 2023. 288 p.; Deneen P. J. *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.

⁴⁹ O'Sullivan J. *Conservatism and cultural identity* // *Conservative Realism*, ed. by K. Minogue. London: HarperCollins, 1996. P. 23–43.

⁵⁰ Бенуа А. де. *Против либерализма (к Четвертой политической теории)* / пер. с фр. А. Дугина. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 476 с.; Бенуа А. де. *По ту сторону прав человека* / пер. с фр. С. Денисова. М.: ИОИ, 2015. 144 с.

⁵¹ Макинтайр А. *После добродетели: исследования теории морали* / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

⁵² Kekes J. *The Illusions of Egalitarianism*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 228 p.; Kekes J. *Objections to Democratic Egalitarianism* // *Journal of Social Philosophy*. 2002. Vol.33, No2. P.163–169; Kekes J. *Against Egalitarianism* // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 2006. Vol.58. P.137–156; Kekes J. *The Dangerous Ideal of Authonomy* // *Criminal Justice Ethics*. 2011. Vol.30, Issue 2. P. 192–204; Kekes J. *Justice: A Conservative View* // *Social Philosophy and Policy*. 2006. Vol.23, Issue 2. P.88–108.

идеологии. На основании критического анализа формулируются основные предложения, которые раскрываются в виде плюралистических культурно-консервативных концепций.

Работы континентально-европейских политических философов (прежде всего, «Новых правых»: А. де Бенуа, Г. Фай), а также ряда американских (палеоконсерваторы: П. Бьюкенен⁵³, П. Готфрид⁵⁴) консервативных теоретиков развивают подход, близкий теоретикам «Новых левых» с опорой на концепцию «культурной гегемонии» А. Грамши, а также на наследие представителей «консервативной революции» (К. Шмитт, Э. Юнгер, Ю. Эвола, О. Шпенглер). Анализу политической философии Новых правых и идей консервативной революции посвящены работы А. Спектровски, М. Варга, О.Э. Терехова, А.Б. Голобородько, А.М. Руткевича, М. Ремизова, Дж. Бэкмана⁵⁵ и др.

Ряд работ либертарианцев (Р. Нозик, Д. Боуз) и коммунитаристов (Ч. Тейлор, А. Этциони, М. Уолцер, А. Макинтайр, М. Сэндел и др.) посвящены критике теорий либерального эгалитаризма⁵⁶. С этой критикой или её

⁵³ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.

⁵⁴ Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / пер. с англ. П. Паршина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 77–84; Gottfried P. E. Carl Schmitt: Politics and Theory. New York: Greenwood Press, 1990; Gottfried P. E. On Liberal and Democratic Nationhood // The Journal of Libertarian Studies. 1991. Vol.10, №1. P.1–10; Gottfried P. E. Liberalism vs. Democracy // The Journal of Libertarian Studies. 1996. Vol.12, №2. P.233–255; Gottfried P. E. The Conservative Movement. Boston: Twayne Publishers, 1988. 140 p.

⁵⁵ Spectorowski A. The New Right: Ethno-regionalism, ethno-pluralism and the emergence of a neo-fascist «Third Way» // Journal of Political Ideologies. 2003. Vol. 8, Issue 1. P. 111–130; Varga M., Buzogany A. The Two Faces of the «Global Right»: Revolutionary Conservatives and National-Conservatives // Critical Sociology. 2021. №48 (9). P.1–19; Терехов О.Э. Традиционализм, культурпессимизм, модерн: к идейным истокам немецкой «Консервативной революции» // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №3 (41). С.88–92; Голобородько А.Б. Консервативная революция: контрпросветительский модерн // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. С.27–33; Руткевич А.М. Консервативный анархизм. Французские критики «антропологической ошибки» // История философии. 2020. Т. 25, №2. С.81–95; Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены» истории // Логос. 2004. №6 (45). С.155–156; Pankakoski T., Backman J. Relativism and radical conservatism / The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism, edited by Martin Kusch. Abingdon: Routledge, 2020. P. 219–227.

⁵⁶ См., например, Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.; Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический проект;

отдельными частями солидаризируются культурные консерваторы, ссылаясь на неё в своих исследованиях. Коммунитаристы и мультикультуралисты (У. Кимлика, С. Бенхабиб, Ч. Кукитас) также способствовали актуализации «культурной» проблематики. Некоторые идеи, представленные в их работах, стали одновременно предметом критики, другие – предметом одобрения со стороны различных культурных консерваторов.

Исследование коммунитарных оснований консервативных теорий проводится в работах Т.Е. Вудса, П. Айленда, Н.А. Кокрэма, Л.С. Шихана, Д.Е. Янга⁵⁷. Эти авторы исследуют творчество Р. Нисбета, Р. Скрутона, А. Макинтайра, Дж. Грея и других культурных консерваторов, проводят их сравнительный анализ.

Отдельный пласт работ посвящен проблемам социологического исследования культурного консерватизма. В работах Дж. Д. Хантера, И.Т. Томсона, Р. Чепмена, Э. Хартмана, С. Протеро и др. проводится социологический анализ культурного консерватизма и культурного прогрессизма как противоположных предпочтений и двух идеологических лагерей в рамках «культурных войн» в странах Запада. Проблемам культурной идентичности в условиях глобальных и цивилизационных процессов посвящены работы С. Хантингтона, опирающегося на цивилизационный подход.

Взаимоотношениям между современным консерватизмом и постмодернизмом посвящены исследования М. Макмануса, С. Андерсона, Б.

Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.; MacIntyre A. *Whose Justice? Which Rationality?* Notre Dame (Indiana): Univ. of Notre dame Pres, 1988 и др.

⁵⁷ Woods T. E. *Defending the «Little Platoons»*; *Communitarianism in American Conservatism // American Studies*. 1999. Vol. 40, № 3. P. 127–145; Cockram N. R. *The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // Cosmos+Taxis*. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 66–77; Ireland P. *Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society*. 1995. Vol. 22, № 2. P. 189–211; Sheahan L. C. *Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke // Studies in Burke and His Time*. 2019. Vol. 28. P. 28–63; Sheahan L. C. *State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism*. Ph.D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. 286 p.; Young D. E. *A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition // Journal of Religion, Culture & Democracy*. 2022. Vol. 1. P. 1–16.

Пилбима, Б. Девина, Г.И. Мусихина⁵⁸ и др. Данные исследования могут быть полезны для изучения культурного консерватизма, так как в них отмечается общая ориентированность современных консервативных концепций и постмодернистской мысли на проблемы культурного характера. В то же время работы перечисленных авторов помогают увидеть специфические черты консерватизма, которые проявляются в его политической направленности на «сохранение» и «возобновление», что отличает его от большинства постмодернистских концепций.

Отдельные идеи и концепции, характерные для культурных консерваторов, можно найти у отечественных исследователей, развивавших цивилизационный подход. Прежде всего, можно отметить работы К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, С.П. Трубецкого, Н.А. Бердяева. Хотя исследования данных авторов не направлены на изучение западных консервативных концепций, в них можно проследить идеи и установки, схожие с теми, которые встречаются в работах западных культурных консерваторов. Анализ некоторых работ этих авторов может помочь в понимании отдельных общих черт, характерных для культурного консерватизма.

Несмотря на разнообразие проявлений культурного консерватизма, в отечественной науке западные культурно-консервативные теории и концепции изучены недостаточно. Отсутствуют исследования, в которых бы обобщались основные положения, характерные для культурного консерватизма и анализа методов обоснования и построения культурно-консервативных концепций и теорий. Настоящее исследование имеет своей целью закрыть данный

⁵⁸ McManus M. The Decline Of Traditional Conservatism And The Rise Of The Postmodern Conservative. – URL: <https://areomagazine.com/2018/07/22/the-decline-of-traditional-conservatism-and-the-rise-of-the-postmodern-conservative/> (дата обращения: 20. 05. 2022); Anderson W. T. The Fontana Postmodernism Reader. London: Fontana Press, 1996; Pilbeam B. Conservatism and postmodernism: Consanguineous relations or «different' voices» // Journal of Political Ideologies. 2001. Vol.6, Issue 1. P.33–54; Devigne R. Recasting Conservatism: Oakeshott, Strauss, and the Response to Postmodernism. Yale University Press, 1994. 284 p.; Мусихин Г.И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью // Общественные науки и современность. 2011. №3. С.119–133.

теоретический пробел. Одновременно нами делается попытка впервые представить различные современные консервативные модели как варианты культурного консерватизма, сделав акцент на способах, при помощи которых в них решаются различные теоретические и концептуальные проблемы и на их практических следствиях.

Объект исследования. Культурный консерватизм как форма и разновидность консервативной политической философии.

Предмет исследования. Культурно-консервативные концепции в западной консервативной политической философии второй половины XX – начала XXI века.

Цель исследования состоит в выявлении возможностей и перспектив построения гибридной (синтетической) теоретической модели на основе сравнительного анализа и синтеза элементов основных культурно-консервативных концепций в западной политической философии.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть и проанализировать основные подходы к пониманию консерватизма, выявить специфические черты и философские основания консервативного стиля мышления.
2. Раскрыть сущность и обозначить базовые принципы культурного консерватизма.
3. Выявить и проанализировать основные теоретические модели культурного консерватизма.
4. Сравнить основные модели культурного консерватизма, обозначить их общие и отличительные черты, проблемы и перспективы.
5. Проанализировать возможности и перспективы построения гибридной (синтетической) теоретической модели культурного консерватизма.

Теоретико-методологические основы исследования.

При проведении исследования в целях концептуализации понятия «культурный консерватизм» были использованы подходы, предложенные Карлом Мангеймом, Михаилом Ремизовым, Роджером Скрутоном, Алексеем

Руткевичем, Джереми Райнером. Подход к консерватизму как специфическому стилю мышления используется с целью выявления отдельных философских основ, характерных для консервативных социальных и политических теорий. Дополненный замечаниями, сделанными Михаилом Ремизовым, который уделяет внимание подходам Карла Мангейма и Самюэля Хантингтона, консерватизм представлен в нашей работе как теория, имеющая «миссию», но отличающаяся от идеационных идеологий (либерализма и социализма).

Подход Алексея Руткевича помогает рассмотреть консерватизм как интеллектуальную традицию, восходящую корнями к античным политико-философским концепциям, что позволяет увидеть связь отдельных консервативных положений с идеями ранних авторов.

Выделение культурного консерватизма в качестве формы и разновидности консервативной теории связано с работами Р. Скрутона, Дж. Райнера, Р. Кирка, И. Кристола, Т.А. Алексеевой. На основе сравнительного анализа подходов, предложенных данными исследователями, выявляются базовые черты и принципы культурного консерватизма.

Выявление, сравнение и классификация основных моделей культурного консерватизма производится на основе «трёхуровневого» подхода, предложенного нами. В рамках данного подхода культурно консервативные концепции анализируются на идейно-аксиологическом, методологическом и инструментально-институциональном уровнях. Это позволяет, во-первых, выделить общие идейные и ценностные установки, характерные для культурного консерватизма. Во-вторых, классифицировать культурно-консервативные теории и концепции по их методологическим основаниям. В-третьих, выделить разновидности моделей культурного консерватизма по политико-инструментальному критерию, что позволяет анализировать выводы и инструменты, предлагаемые в рамках различных культурно-консервативных концепций.

В исследовании использованы различные общенаучные методы (анализ, синтез, классификация, индукция, дедукция).

Научная новизна исследования.

1. Предложен вариант концептуализации культурного консерватизма и предложено его понимание как культуροцентристской формы консерватизма, противопоставленной экономоцентристскому консерватизму. Предложена концепция культурно-экономической осцилляции как колебания тенденций внутри западной консервативной интеллектуальной традиции и политики, при которой консерватизм может реагировать на приоритетную для определённого исторического периода установку в социально-политических исследованиях и на изменения в стратегиях теоретического обоснования в рамках альтернативных политических теорий.

2. Обозначены основные проблемы и задачи культурного консерватизма как формы и разновидности социальной и политической теории. Показано, что к основным задачам культурного консерватизма можно отнести обоснование способов легитимации власти и поддержания политического и социального порядка, решение проблем соотношения государства, рынка и гражданского общества, а также проблем соотношения национальной и локальных культур (сообществ, идентичностей) в рамках построения оптимальной модели на основе консервативных установок и ценностей.

3. Разработан трёхуровневый подход анализа культурного консерватизма. Анализ возможных теоретических моделей может быть представлен как исследование аксиологических и базовых философских общих принципов культурного консерватизма, выявление основных методологических и концептуальных допущений и инструментально-политических выводов.

4. Выявлены основные теоретические модели (и их разновидности) культурного консерватизма на основе трёхуровневого подхода.

5. Показаны сильные и слабые стороны либертарных и коммунитарных моделей теоретического обоснования культурного консерватизма.

6. Проанализированы возможности и перспективы гибридной (синтетической) теоретической модели культурного консерватизма на основе

концептуальной доработки, выявления антагонистичных и комплиментарных аспектов различных моделей.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Культурный консерватизм может рассматриваться как форма и разновидность консервативной теории, для которой характерен культуроцентризм в качестве базовой исследовательской установки. Культуроцентризм является альтернативой экономоцентризму, политикоцентризму как установкам, ставящим культуру в зависимость от экономических и политических факторов, не уделяющих должного внимания культуре и её влиянию на экономических и политических процессы и функционирование институтов.

2. Культурный консерватизм наследует основные характеристики консервативной мысли, ориентацию на «защиту границ» (апологию ограниченности) в онтологическом, эпистемологическом, антропологическом аспектах. Подобные установки проявляются и в морально-аксиологических позициях культурных консерваторов.

3. К базовым основаниям культурного консерватизма можно отнести культуроцентризм, антиэгалитаризм, традиционализм, понимание свободы как самоуправления.

4. Основные задачи и проблемы, которые пытаются разрешить культурно-консервативные концепции, связаны с обоснованием легитимности неравенства, порождаемого консервативными ценностями; соотношением взаимного влияния государства, гражданских ассоциаций и рынка и их роли в поддержании / разрушении социального порядка и обуславливающих его устойчивость культурных факторов; вопросом о соотношении национальной и локальных культур. Различные модели культурного консерватизма по-разному решают данные вопросы.

5. Либертарные концепции культурного консерватизма, опирающиеся на идеи естественного порядка, позволяют анализировать отношения между государством и гражданским обществом через праксеологический подход и

рассмотреть роль стимулов, порожденных государством, оценив их влияние на ключевые для культурных консерваторов ценности. Достоинством либертарной модели можно считать попытку обоснования необходимости ограничения государственного вмешательства, которое одновременно может отвечать и либертарианским и консервативным принципам. Однако проблемы данных концепций и теорий лежат в области методологического обоснования синтеза культурного консерватизма и либертарианства.

6. Коммунитарные культурно-консервативные концепции решают некоторые ключевые методологические проблемы, с которыми сталкиваются либертарная модель, и более последовательно обосновывают переход от коммунитарных методологических оснований к конкретным выводам. Наиболее обоснованными можно считать плюралистическую и национальную коммунитарные модели.

7. Отдельные концептуальные и методологические проблемы культурного консерватизма могут быть решены в рамках синтетической модели, в которой можно учесть плюсы и минусы обоснований, исследованных моделей. Благодаря решению этих проблем и учёту различных аргументов существует возможность обозначить некоторые выводы относительно институциональных принципов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения различных проблем политической философии консерватизма, современных западных культурно-консервативных концепций, а также при обосновании отдельных положений консерватизма. Результаты работы будут полезны и при анализе других идеологических и политико-философских течений, проблем соотношения различных способов построения и обоснования политических теорий и концепций. В исследовании также затрагиваются проблемы культурной политики, отдельные замечания могут быть использованы для дальнейшего изучения подходов и методов её осуществления. Ключевые положения и выводы также можно использовать в

преподавании общих и специальных учебных курсов, посвящённых политической и социальной философии, истории политических учений, политической теории, политическим идеологиям, культурной политике.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования и основные положения были изложены в научных публикациях и апробированы на научных конференциях. Итоги работы представлены в четырёх статьях в рецензируемых журналах из списка, входящего в перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук (перечень ВАК)⁵⁹. Основные тезисы и выводы были представлены на международных научно-практических конференциях: «Омские научные чтения» (2023, 2024), «Развитие политических процессов и институтов: зарубежный и отечественный опыт» (2022, 2023, 2024), «Инновационный потенциал молодёжи: гражданственность, профессионализм, творчество» (2020). По итогам выступлений опубликованы тезисы и статьи в сборниках конференций⁶⁰.

⁵⁹ Парфенов А. Д. Либертарианская модель культурного консерватизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 60-66; Парфенов А. Д. К проблеме обоснования ценностей в западных политикофилософских моделях культурного консерватизма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып.3. С.199–211; Парфенов А. Д. Коммунитарные модели культурного консерватизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 75–84; Парфенов А. Д. Антиэгалитаризм как идейная установка философии культурного консерватизма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып.1. С.183–196.

⁶⁰ Парфенов А. Д. Эвристические возможности концепта «культурный национализм» // Инновационный потенциал молодёжи: гражданственность, профессионализм, творчество : сборник научных трудов / под ред. А. В. Пономарева. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. С. 370–375; Парфенов А. Д. Понятие врага и войны в политической теории Карла Шмитта // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: / отв. ред. Н. В. Кефнер, Ю. В. Попова. Омск : Издательство Омского государственного университета, 2022. С.67–71; Парфенов А. Д. Сравнительный коммунитарной и либертарианской моделей культурного консерватизма (на примере теорий Р. Скрутона и Х.-Х. Хоппе) // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: отв. ред. Н. В. Кефнер, Ю. В. Попова. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2023. С. 118–122; Парфенов А. Д. Политико-философские модели культурного консерватизма // Омские научные чтения: материалы VI Всероссийской научной конференции (Омск, 1–28 февраля 2024 г.): в 2 ч. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2024. С.547–554.

Структура и объём исследования. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Первая глава содержит 4 параграфа, вторая глава – 4 параграфа, разделённые на 11 подпараграфов. Объём диссертации – 219 страниц. Библиографический список включает 283 источника (155 источников на русском языке, 128 – на английском).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Консерватизм является сложным понятием и явлением в силу многообразия проявлений и различий в интерпретации самого термина. Вопрос об общем и универсальном определении консерватизма является непростой теоретической проблемой. Сложности при этом возникают не только у исследователей консерватизма, но и у самих консервативных теоретиков и философов, которые зачастую сами априорно постулируют «нетеоретичность» или «неидеологичность» консерватизма. Однако взгляд на консерватизм как на «антитеорию», «практику без теории» не является универсальным для консервативных мыслителей и исследователей консерватизма.

1.1 Понятие и сущность консерватизма

Слово «консерватор» впервые было использовано французским писателем и противником революции Франсуа Рене де Шатобрианом в заголовке журнала «Le Conservateur», издававшегося в первой четверти XIX века, в котором пропагандировались идеи Реставрации. Однако позже термин «консерватизм» стал широко использоваться вне Франции, его также стали применять для обозначения концепций, восходящих к идеям Эдмунда Бёрка. В XX веке появился даже термин «консервативная революция» для обозначения течения, в которое входили в основном немецкие мыслители⁶¹. Широкое использование понятия «консерватизм» привело к тому, что смысл его стал размываться.

Многие исследователи ставили и ставят перед собой задачу анализа основных подходов к понятию «консерватизм». На данный момент существует

⁶¹ Молер А. Консервативная революция в Германии 1918—1932 гг. / Пер. с нем. А. Васильченко. М.: Тотенбург, 2017. 312 с.

огромное множество разных интерпретаций. Однако зачастую многие из этих интерпретаций содержат некоторые общие элементы, что позволяет выделить две основные группы подходов.

Первая группа связывает консерватизм с особыми психологическими установками (склонностями, темпераментом), а также с простой реакцией на изменения. Несмотря на некоторые отличия, данные подходы связывает общий взгляд на консерватизм не как на какую-то особенную теорию, а как на реакцию на изменения, скептическое отношение к переменам, стремление сохранять институты, ценности. Не столь важно, «что» сохраняется, важнее сама установка на то, что стабильность, основанная на отказе от радикальных изменений предпочтительнее, чем движение, разрушающее то, что есть. Вторая группа подходов связана с пониманием консерватизма как особого рода стиля мышления, теории, идеологии, предполагающей некоторые общие установки, принципы, идеи, ценности.

Э. Гамильтон, автор статьи о консерватизме в Стэнфордской энциклопедии философии, предлагает различать «консерватизм в широком смысле» и «консерватизм в узком смысле»⁶². Консерватизм в широком смысле связан с осторожным отношением к переменам. В силу своего естественного характера такой род консерватизма существовал всегда. Ему противопоставляется сознательный консерватизм, который основан на скептицизме в отношении рационализма в политике. Консерватизм в узком смысле может быть понят именно как «сознательный» (осозанный, отрефлексированный) консерватизм, оппонирующий политическому рационализму. Таким образом, от простой естественной реакции на перемены мы переходим к определённой эпистемологической установке, которая принимается в качестве отправной точки для формирования специфической позиции. В этом смысле консерватизм – это позиция, опирающаяся на

⁶² Hamilton A. Conservatism / The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition). Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/conservatism/> (Дата обращения: 03.05.2022).

скептицизм в отношении применения разума в политике, а также на предпочтение опыта, привычки и традиции априорным рационалистическим построениям, свойственным для социалистических и либеральных теорий.

Такой «сознательный» консерватизм выражен, например, в работах английских и американских консервативных мыслителей, опирающихся на интеллектуальную традицию, восходящую к Эдмунду Бёрку (М. Оукшотт, Р. Скрутон, Р. Кирк, Р. Нисбет и др.). Однако представители данного направления зачастую помимо эпистемологических аспектов делают акцент и на других постулатах, общих для консервативной мысли.

Интерес представляет подход Майкла Оукшотта, который представляет собой одновременно и попытку интерпретировать консерватизм как простую склонность, реакцию и как некоторую осознанную позицию, выраженную в скептицизме и критике рационализма. «Осознание» (рефлексия) является важным моментом для перехода от первой группы подходов ко второй, связанной с вычленением базовых отличительных идей и ценностей и возможным дальнейшим построением теории.

Оукшотт предлагает следующий набор черт консервативного темперамента: склонность радоваться тому, что есть, а не тому, что было или может быть; предпочтение знакомого неизвестному, факта – тайне, действительного – возможному, ограниченного – неограниченному, умеренного – чрезмерному, удобного – совершенному. Для консерватора сохранять и культивировать то, что уже есть куда более важно, чем приобретать что-то и расширять границы чего-либо⁶³.

Термин «консервативный темперамент» получил распространение и среди других консерваторов. Например, Роджер Скрутон отмечал, что такого рода темперамент связан с осторожностью в отношении изменений, что позволяет человеку или сообществу адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свою идентичность. Чуткость и осторожное отношение к

⁶³ Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. – Indianapolis: Liberty Fund, 1991. – P. 407-437.

нововведениям связаны с несколькими моментами в консервативном мышлении. Во-первых, они связаны со внимательностью к вопросу о соотношении потерь и получаемых выгод от введения той или иной инновации, во-вторых, с позицией, согласно которой следует предпочитать инновации, направленные на устранение определённых ошибок, нововведениям, направленным на достижение некоторого идеала или совершенства⁶⁴.

Схожий подход развивал американский консерватор Самюэль Хантингтон. Он предложил ситуационную трактовку консерватизма. Суть данного подхода состоит в том, что консерватизм «рассматривается в качестве идеологии, возникающей при особых, но повторяющихся исторических ситуациях, когда существует фундаментальная угроза устоявшимся институтам и при которых сторонники данных институтов используют консервативную идеологию в качестве защиты. Таким образом, консерватизм здесь является системой идей, направленной на оправдание любого установленного общественного порядка, независимо от того, где и когда он существует, он выступает против любых фундаментальных угроз его бытию и природе, от какой бы стороны они ни исходили. Суть консерватизма состоит в страстном утверждении ценности существующих институтов»⁶⁵. Ситуация угрозы институтам является условием появления консерватизма. Направленность на защиту устоявшихся институтов является общей консервативной чертой. Консерватизм может быть понят как неидеационная идеология, то есть система идей, не имеющая сущностного идеала. Данный подход противопоставляется аристократическому и автономному определениям консерватизма. С. Хантингтон считает их неудовлетворительными в силу разных причин. Аристократический подход трактует консерватизм как идеологию аристократического класса, возникшую как ответ на события Французской революции. Слабость такого определения состоит в том, что оно ограничивает

⁶⁴ Скрутон Р. Как быть консерватором? / Пер. с англ. Б. Дынина. 2021. С.1–4.

⁶⁵ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016, №1. С.232.

консерватизм рамками конкретного класса в определённый исторический период. Автономное определение связано с пониманием консерватизма как автономной системы общезначимых идей, которая появляется независимо от определённой конфигурации политических сил. Данный подход, по мнению С. Хантингтона, также является несостоятельным в силу того, что он постулирует независимость консерватизма от конкретной социально-политической обстановки в определённый момент истории. Будучи не привязанным к какой-то конкретной одной универсальной традиции консерватизм в рамках ситуационного подхода рассматривается в качестве концепции, пригодной для защиты любого существующего порядка.

Подходы, предложенные С. Хантингтоном и М. Оукшоттом, можно отнести к реакционно-ситуативной группе теорий консерватизма. Недостатки такой интерпретации консерватизма вполне ясны, они связаны с отказом от принятия и признания каких-либо общих теоретических положений, помимо базовых эпистемологических допущений в отношении политического знания и вытекающего из этого предпочтения сохранения существующего порядка.

Как отмечал М.В. Ремизов, с С. Хантингтоном можно согласиться относительно отсутствия в консерватизме некоторого общего идеала устройства общества. Однако у него всё же есть миссия, связанная с сохранением или восстановлением некоторых общественных ресурсов, под которыми понимаются трудовая этика, семейная этика, традиционные ценности сообщества, материальные ресурсы и т.д.⁶⁶. Соглашаясь с этим положением, мы не сводим консерватизм к простой защите статус-кво. Здесь он уже понимается не в реакционно-ситуативном смысле, а как теория, система идей и ценностей, имеющая свою «миссию».

Консерватизм, конечно, в данном подходе не перестаёт быть реакцией. Но это уже не просто реакция на любые общественно-политические перемены и даже не просто скептическое отношение к революционному пути развития. Консерватизм, как совершенно верно отмечает М. Ремизов, есть реакция на

⁶⁶ Ремизов М.В. Консерватизм и современность // Свободная мысль. 2012. №9–10. С.65–66.

ситуацию Современности. Консерватизм, действительно, должен мыслиться исходя из конкретной ситуации, но из этого Хантингтоном делает неверный вывод о дискретности консерватизма, тем самым, ставится под сомнение наличие консервативной интеллектуальной традиции. Однако о такой традиции у нас есть полное право говорить, если мы отказываемся от дискретного понимания, от восприятия того, что каждая новая ситуация порождает новый консерватизм⁶⁷.

При таком подходе либерализм, социализм и консерватизм в равной степени могут пониматься как способы реакции на перемены, произошедшие в результате распада традиционного порядка, порождающие различные специфические проекты и стратегии, а также опирающиеся на различные стили мышления.

Подобный взгляд на консерватизм восходит к Карлу Мангейму, который предлагает понимать его как идеологию и/или стиль мышления. Для того, чтобы отличить консерватизм от простой реакции, он противопоставляет его традиционализму, под которым понимается психологическая реакция на изменения и который лежит в основе стремления человека к сохранению привычного. Консерватизм же, понимаемый как стиль мышления, представляет собой социальную, политическую и философскую позицию⁶⁸. Конечно, здесь стоит оговориться, что иногда понятие «традиционализм» также используется для обозначения некоторых течений внутри консервативного направления (например, иногда традиционалистами называют французских консерваторов Л. де Бональда, Ж. де Местра, Ф.Р. де Ламенне; также этот термин используется в отношении интегральных традиционалистов, таких, как Р. Генон, Ю. Эвола и т.д.). Поэтому стоит отличать два этих понимания. Как отмечает Л. Г. Ионин, консерватизм как стиль мышления может совпадать с традиционализмом как психологической установкой и склонностью, а может и

⁶⁷ Ремизов М. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // Тетради по консерватизму. 2014. №1. С. 79–80.

⁶⁸ Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

не совпадать. Но существенными чертами именно консерватизма в таком случае можно назвать то, что он систематичен, осмыслен, контекстуально обусловлен, предполагает историю и систему общих философских установок⁶⁹.

К. Мангейм в своей работе «Идеология и утопия» характеризует консерватизм как идеологию. При этом он предлагает различать понятия «частичной идеологии» и «радикальной тотальной идеологии». В первом значении она означает осознанное искажение действительных фактов. Во втором значении идеология отражает своеобразие и характер структуры сознания эпохи и какой-либо конкретной социальной группы. Во втором значении на приверженность к той или иной идеологии определяющее влияние оказывает социальное бытие человека (идеологии здесь понимаются как идеи-функции их носителя). Формирование идеологий в определённых исторических условиях порождает некоторые «объективные структуры мышления», которые выражаются в рамках конкретных стилей мышления⁷⁰.

Несмотря на то, что появление стилей мышления (идеологий) связано с конкретными социальными группами, после исчезновения изначальных групп-носителей они никуда не пропадают. Это связано с тем, что стиль мышления, будучи объективной мыслительной структурой, обретает независимое существование. Поэтому чтобы быть в современном мире либералом, необязательно быть буржуа; чтобы быть социалистом, не обязательно иметь отношение к рабочему классу, а чтобы быть консерватором, совсем не нужно иметь аристократическое происхождение. Как указывает Л. Ионин: «...между социальным положением индивидуума и тем, как он персонально мыслит и представляет себе мир, появляется ещё одна «инстанция» — объективная мыслительная структура, стиль мышления. Такой подход не исключает ни социального детерминизма мышления, поставленного под сомнение нынешним

⁶⁹ Ионин Л.Г. Консерватизм // Логос. 2005. №3 (48). С.5–8.

⁷⁰ Мангейм К. Идеология и утопия. С. 113–169.

социальным развитием и культурой постмодерна, ни свободного выбора стилей мышления, отрицаемого социальным детерминизмом»⁷¹.

Замечания, сделанные Леонидом Иониным и Михаилом Ремизовым, помогают скорректировать понимание консерватизма, представленное в подходе Карла Мангейма. Это важно, поскольку это помогает «снять» с консерватизма клеймо «идеологии аристократов» и попробовать рассмотреть его в качестве отдельной теории со специфическими философскими основаниями и принципами.

Однако если ряд исследователей, о которых мы упомянули выше, рассматривали подход Карла Мангейма как «отправную точку» для возможного осмысления консерватизма как отдельной политической философии, то некоторые исследователи обращают внимание на его недостатки. Так, Алексей Руткевич видит в данном подходе акцент на реакции и отмечает, что Мангейм (или, точнее, сторонники его подхода, особенно из среды «левых»), интерпретируя консерватизм просто как реакцию на революцию, Просвещение, рационализм и так далее, отказывают ему в философских истоках и более глубокой интеллектуальной традиции, уходящей корнями в Античность⁷². А. Руткевич указывает также на то, что можно говорить о существовании самостоятельной «консервативной семьи» наряду с либеральной и социалистической идеологическими (теоретическими) семьями. При этом консерватизм черпает свои установки, идеи, ценности и принципы из работ Платона, Аристотеля, Цицерона и других античных, а также средневековых авторов и ранних мыслителей Нового времени (Т. Гоббс, Н. Макиавелли и так далее)⁷³.

Таким образом, к консерваторам в том смысле, о котором говорят представители второго подхода, нельзя относить тех, кто просто пытается

⁷¹ Ионин Л.Г. Консерватизм. С.54.

⁷² Руткевич А.М. Что такое консерватизм? Москва – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1994. 224 с.

⁷³ Среди многих консерваторов мы можем найти отсылки к идее справедливости Платона, его иерархическому устройству государства и меритократическому принципу формирования элит, описанных в диалоге «Государство».

сохранить устоявшийся порядок. Консервативная традиция имеет свои интеллектуальные истоки, не сводится к простой реакции на революцию или на идеи Просвещения. Как отмечает, И. Дёмин есть некоторые виды консерватизма, которые не являются антипросвещенческими или антимодернистскими ⁷⁴. Например, консерватизм Эдмунда Бёрка и его последователей в США и Англии (Р.Кирк, Р. Нисбет, М. Оукшотт, Р. Скрутон и др.) нельзя считать отрицанием идей Модерна или Просвещения. Однако подход Михаила Ремизова позволяет рассматривать консерватизм как систему взглядов и идей, которая, не отрицая полностью идей Просвещения и Нового времени, стремится «сохранить» или «возобновить» ресурсы, которые современные общества утрачивают в процессе своего развития под действием определённых тенденций. Последние включают в себя акцент на эмансипации, идеале равенства, прогресса, преувеличение способностей и роли разума в преобразовании социально-политической реальности, гиперболизацию роли экономических интересов, гедонизм и утилитаризм в морали, которые подрывают важнейшие социокультурные и моральные основы, ответственные за стабильное существование общества, его сохранение и воспроизводство.

Американский политический философ Джон Кекес указывал, что те «инструменты» («ресурсы»), за сохранения которых борются консерваторы, имеют своей целью обеспечение «хорошей жизни». Сам консерватизм он предлагал понять в качестве политической и моральной теории, содержащей взгляды на политические институты, которые делают общество «хорошим». Под последним он подразумевал современное национальное государство, устроенное так, что жизнь в нём приносит удовольствие и пользу. Фундаментальной же целью консерватизма должно являться сохранение политических механизмов, которые показали себя способными обеспечивать хорошую жизнь. Кекес отмечает, что общим для консерваторов является отрицание политических механизмов, выведенных из контрактных теорий,

⁷⁴ Дёмин И. В. К вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политика и общество. 2017. № 9. С. 42–57.

отказ от универсализма, опору на традиции и историю⁷⁵. Таким образом, американский философ предлагает рассматривать консерватизм как самостоятельную политическую философию и теорию, которая носит не только реакционный и критический характер, но может опираться на аргументированные нормативные положения. Подход Дж. Кекеса можно считать одним из продуктивных вариантов развития консервативной теории.

Таким образом, консерватизм может пониматься как особый стиль мышления наряду с либерализмом и социализмом, который также представляет одну из теоретических «семей» в современной политической философии. В рамках следующего пункта мы постараемся выявить общие философские и социально-политические основания консерватизма.

1.2 Философские основания и базовые принципы консерватизма

К. Мангейм одним из первых попытался описать специфические черты консервативного стиля мышления, сопоставив его с либерально-демократическим и социалистическим стилями. Понятие «консервативный» немецкий социолог применяет при анализе двух типов мышления (идеологий): бюрократическо-консервативного и историко-консервативного⁷⁶. Для первого характерно преобразование проблем политики в проблемы теории управления: «Чиновник отождествляет позитивный порядок, предписанный конкретным законом, с порядком как таковым и не понимает того, что любой рационализированный порядок есть не что иное, как особый вид порядка, компромисс между метарациональными борющимися в данном социальном

⁷⁵ Kekes J. What Is Conservatism // Philosophy. 1997. Vol.72, №281. P.351–374.

⁷⁶ Мангейм К. Идеология и утопия. С.101–104.

пространстве силами»⁷⁷. Довольно близок к такому пониманию был М. Оукшотт, который отождествлял сферу политики со сферой управления⁷⁸.

Исторический консерватизм (или консервативный историзм), который восходит к Бёрку, опирается на ряд философских установок методологического, эпистемологического и онтологического характера. Сфера социального и политического мыслится как подчинённая волевым импульсам и потому во многом иррациональная. Именно отсюда исходят методологические и эпистемологические установки, характерные для данного стиля мышления: скептицизм в отношении возможности рациональных априорных построений для решения вопросов совершенствования государства, опора на опытное, практическое знание (интерпретация политической науки как практического, а не теоретического знания).

Либерально-демократический стиль мышления, по Мангейму, исходит из противоположных консервативному историзму эпистемологических установок. В нём наблюдается «крайний интеллектуализм», который проявляется как убеждённость в возможности построения теории на основе общих принципов, которая могла бы представить рационально обоснованный взгляд на правильное устройство общества и государства. Любые политические проблемы могут быть решены при помощи рационального анализа и доработки теории.

Социалистический стиль мышления исходит из подхода, имеющего общие черты с вышеперечисленными подходами. Однако в нём делается акцент на новом понимании связи между теорией и практикой, наблюдается отказ от «чистой» теории, принимается установка на социальную обусловленность мышления. Таким образом, в социалистическом мышлении, по Мангейму, происходит синтез интуитивизма и стремления к крайней рационализации.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437.

Стоит отметить и другие отличительные черты консервативной идеологии по К. Мангейму. Во-первых, антиутопизм, который проявляется в ориентации на конкретный опыт, а не на построение утопий. Иногда консервативное мышление прибегает к созданию антиутопий, которые позволяют сохранить некоторый существующий порядок или вернуться к утраченному упорядоченному состоянию. Этим обусловлено неприятие некоторыми консерваторами априорно выстроенных нормативных теорий и склонность к апелляции к опыту, традиции и конкретным историческим, социологическим и иным данным.

Во-вторых, для консерватизма свойственно особое восприятие времени, которое также полностью противоположно либеральному отношению. Для либерализма, как, впрочем, и для социалистических теорий, которые мы можем рассматривать в качестве проявления прогрессистского стиля мышления, свойственна ориентация на будущее и пренебрежение к прошлому. Стремление к прогрессу и к изменениям опирается на оценку современного состояния как несовершенного, которому предшествовало ещё менее совершенное положение дел. Для консерваторов же настоящее и прошлое выступают некоторым темпоральным единством, при котором прошлое, по словам К. Мангейма, виртуально присутствует в настоящем⁷⁹. При этом стоит добавить к мысли немецкого социолога, что различные варианты консерватизма по-разному расставляют акценты во временной триаде «прошлое-настоящее-будущее», что, на наш взгляд, не случайно. Появление различных радикальных консерваторов нередко связано с резкой критикой настоящего. В этом случае можно говорить о попытках с опорой на прошлое двигаться к изменению настоящего. Для классических консерваторов, особенно консерваторов-эволюционистов и, тем более, консерваторов статус-кво, характерен акцент на сохранении настоящего, неразрывно связанного с прошлым и постепенными изменениями в будущем, которые не должны разрушать жизненно важные для поддержания стабильности и порядка в том или ином обществе институты и ценности.

⁷⁹ Мангейм К. Идеология и утопия. С.193–200.

Поэтому разница в расстановке акцентов во временной триаде (и, в особенности, разница в оценке «настоящего») может интерпретироваться как различные способы оценки существующей действительности на наличие и состояние жизненно важных институтов и ценностей в обществе в данный момент времени. Если признаётся, что в данный момент времени основополагающие для поддержания стабильности и порядка в обществе ценности и институты утрачены, существенно деформированы, изменены, при этом господствуют тенденции, которые направлены на дальнейшее разрушение подобных оснований и приводящие к растрате моральных, материальных и социальных ресурсов, тогда появляется возможность оформления радикальных течений внутри консерватизма (например, консервативная революция, американские палеоконсерваторы, европейские «Новые правые»). Умеренные же консерваторы цепляются за те институты, которые всё ещё способны обеспечить стабильность и порядок в обществе, выступают в качестве защитников ценностей, которые способны данные институты поддержать, но при этом оказываются менее пессимистично настроенными в отношении существующего положения дел, считая, что ситуация не столь трагична, как она выглядит в глазах радикальных консерваторов.

Интересные замечания в отношении философских оснований консерватизма сделал Леонид Ионин, обозначив их термином «метафизика консерватизма»⁸⁰. Философские (или «метафизические») основания и установки здесь будут пониматься как общие принципы восприятия и осмысления реальности, выходящие за пределы социальных и политических постулатов. Л. Ионин предлагал выделять в качестве общих метафизических оснований консерватизма представление об иррациональности действительности, ориентацию на конкретное, принципы историчности, индивидуальности и органичности. Иррациональность действительности означает не то, что действительность не поддаётся рациональному познанию, а, скорее, то, что многие из процессов, особенно социальных, не поддаются

⁸⁰ Ионин Л.Г. Консерватизм. С.8.

полноценному рациональному познанию. Поэтому можно лишь говорить об ограниченной рациональности. Ориентация на конкретное проявляется как стремление отталкиваться в рассуждениях от наличной ситуации, а не опираться на априорные или абстрактные принципы. Принцип историчности предполагает рассмотрение любых явлений не только в их настоящем состоянии, но также видеть их как темпорально протяжённые, рассматривать их историю. Принцип индивидуальности следует отличать от либерального методологического индивидуализма. Индивидуальность человека создаётся совокупностью черт, связанных с его социальными, культурными характеристиками. В рамках консервативного мышления человек предстаёт как исторически, социально и культурно обусловленное существо, а не как абстрактный индивид либеральной теории.

Можно согласиться с тем, что большинство вышеперечисленных особенностей характерно для консервативных концепций. Однако среди исследователей существуют разногласия насчёт того, можно ли каждую из перечисленных установок считать универсальной для консерватизма. Это во многом связано с абстрактным характером самих перечисленных характеристик, что нередко позволяет в зависимости от интерпретации приписывать им статус общих установок или, напротив, отказывать в таком статусе.

Базовой онтологической, эпистемологической и антропологической установкой консерватизма можно назвать «защиту границ». Об этой общей характеристике, лежащей в основании консервативного мировоззрения, в своих статьях упоминает российский исследователь И.В. Дёмин⁸¹. Он отмечает, что такие характеристики, как антиуниверсализм, антиутопизм, антипрогрессизм,

⁸¹ Дёмин И.В. К вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политика и Общество. 2017. № 9. С. 42–58. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23418 ; Демин, И. В. Границы консерватизма и консерватизм границ / И. В. Демин // Диагностика современности : глобальные вызовы – индивидуальные ответы : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Ю. А. Разинов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 161–174.

действительно, встречаются во многих консервативных теориях. Это создаёт соблазн признать одну из них (или все вместе) некоторым «общим знаменателем» консервативного мышления. Однако при более детальном анализе разнообразных теорий, которые относят к консервативным, обнаруживается, что ни одна из перечисленных характеристик не имеет универсального характера в рамках консервативной мысли. Действительно, в предложенном И.В. Дёминым критическом анализе есть зерно истины. Можно, конечно, рассмотреть более детально каждую установку, провести более подробный концептуальный анализ, при котором будет показано, что при определённой интерпретации некоторые из характеристик всё же могут претендовать на универсальный статус. Например, антипрогрессизм понятый как критика отдельных аспектов идеи прогресса (предпочтение нового старому, критикуемое в среде либеральных консерваторов, ориентирующихся на сохранение сложившихся институтов и изменение их, если оно будет делом крайней необходимости; критика идеи постоянного роста, свойственная для большинства консерваторов и т.д.). Также является спорным и отказ антиуниверсализму в качестве основания консервативного мышления, здесь, скорее, можно говорить о том, что отдельные теории, имеющие явно универсалистские черты, порой можно назвать в определённой степени неконсервативными, синкретичными и так далее. Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении того, насколько описанные характеристики могут претендовать на статус общих установок консервативного мышления, вопрос здесь, скорее, в концептуальных тонкостях данных характеристик. Важно отметить, что сам по себе принцип «защиты границ» и «апологии ограниченности», который имеет ещё более общий и более абстрактный характер по отношению к описываемым характеристикам (антиуниверсализма, антиутопизма, антипрогрессизма) справедливо, на наш взгляд, может быть назван фундаментальным для консервативной мысли. Он проявляется по-разному в различных теориях. Также он имеет своё антропологическое, онтологическое и эпистемологическое преломление.

Консервативная онтология базируется на восприятии социального мира как плюралистического в культурном, социальном, политическом смысле пространства. Представление о разнообразии мира также опирается на идею о «границах», которые существуют между культурами и обществами. Будучи укоренённым в онтологических установках социокультурное разнообразие приобретает для консерваторов также важное аксиологическое значение. Самобытность, уникальность, присущая различным социальным, политическим и культурным системам становится своего рода ценностью. Это связано с тем, что сами культуры, институты, практики являются ценными для консерваторов, выступают объектом защиты и сохранения.

На уровне социально-онтологических установок консерваторы, таким образом, часто выступают сторонниками антиуниверсализма, иногда в форме номинализма⁸². Сами границы позволяют существовать социокультурным и политическим сообществам, и потому их защита имеет экзистенциальное значение. К. Шмитт придавал такое значение границам политических сообществ, нарушение или разрушение которых со стороны «врага» приводит к уничтожению политического единства⁸³.

В антропологическом ракурсе защита границ и апология ограниченности проявляется в консервативных теориях как ориентация на сохранение идентичности. При этом идентичность формируется в результате членства человека в разнообразных сообществах. Отсюда же распространённая среди консерваторов критика либеральной концепции абстрактного индивида, рассматриваемого вне своих социальных ролей, оторванного от сообществ. Защита онтологических границ бытия человека как защита условий, которые формируют его идентичность и критика теорий, которые рассматривают концепцию автономного индивида в качестве методологической предпосылки

⁸² Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены истории» // Логос. 2004. №6 (45). С.154–169.

⁸³ Парфенов А.Д. Понятие врага и войны в политической теории Карла Шмитта // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С.67–71.

для построения нормативной теории, являются важной частью консервативной политической философии. Ещё большую неприязнь у консерваторов вызывают концепции, которые в качестве своего ценностно-нормативного идеала постулируют полностью эмансипированного от всех традиций, сообществ индивида.

Вышеописанные аспекты онтологических ориентаций консерваторов могут по-разному комбинироваться в различных концепциях. Ключевым остаётся то, что все они, так или иначе, опираются на представления о некоторой «ограниченности». Проблема границ, как указывает Дёмин, имеет три аспекта (полагание границ, удержание границ, нарушение границ), а консерватор выступает в роли «пограничника», защитника границ. Как нами было показано выше, в ракурсе онтологии речь может идти о «границах» в антропологическом, социокультурном, политическом смысле.

Установка на «ограниченность» в эпистемологическом преломлении фактически сводится к критике полного рационализма в социальной теории. Критикуя рационализм как инструмент получения социального знания, консерваторы отдают предпочтение опыту, особенно тому опыту, который был накоплен в течении нескольких поколений и воплощён в традиции. Последователи Бёрка, например, Р. Скрутон, Р. Кирк, М. Оукшотт и др. высказывались на тему пределов рационального подхода в области социального знания и указывали на особую эпистемологическую роль традиции.

М. Оукшотт в своих работах и, в первую очередь, в своём труде «Рационализм в политике» дал общую характеристику консервативному скептицизму как базовой эпистемологической установке в отношении рационально обоснованного социального знания. Он противопоставил два типа знаний: интеллектуальное (техническое) и практическое. Первое связано с абстракциями и теоретическими умозаключениями, второе – с опытом и практикой. М. Оукшотт полагает, что политическое знание основано на сочетании технического и практического знаний. Он критикует рационалистов, которые делают акцент только на первом и почти полностью отрицают второе.

Кроме того, М. Оукшотт указывал на необходимость изменить представление о рациональном поведении: «Мы считаем, что единственным содержательным использованием слова «рациональный» применительно к поведению является то, под которым мы разумеем верность имеющемуся в нашем распоряжении знанию о том, как осуществлять ту конкретную деятельность, которой мы занимаемся»⁸⁴.

«Рационально вести себя - значит поступать таким образом, чтобы не нарушать, а по возможности утверждать язык той деятельности, разновидностью которой является данное поведение. А это, конечно, не то же самое, что верность принципам или правилам или целям деятельности. Принципы, правила и цели суть не более чем сокращённые выражения внутреннего единства деятельности — храня верность этим последним, вполне можно утратить связь с самой деятельностью»⁸⁵.

Весьма близким к консервативному пониманию «истинной» рациональности можно считать эпистемологическую идею Ф. фон Хайека⁸⁶. Он критикует понимание индивидуализма и рациональности, присущее социалистическим теориям. Рациональный подход, реализующийся через государственное планирование, подвергается в работах Хайека критике. «Истинный индивидуализм» исходит из того, что общественные институты являются «непредвиденным результатом взаимодействия множества людей»⁸⁷. Здесь речь идёт о спонтанном порядке, при котором в результате свободной деятельности индивидов возникают упорядоченные нормы, правила, лежащие в основе общественных институтов. Сторонники другого типа индивидуализма выступают приверженцами взгляда, согласно которому «порядок» может создаваться только сверху и для которого необходимо рациональное начало в виде власти. Если заглянуть глубже, что и делает в своей работе Хайек, то

⁸⁴ Оукшотт М. Рационализм в политике. М.: Идея-Пресс, 2002. С.74.

⁸⁵ Там же. С.75–76.

⁸⁶ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшникова. Челябинск. Социум. 2011.

⁸⁷ Хайек Ф.А. Указ. соч. С.3.

можно увидеть, что сторонники первой интерпретации признают ограниченность человеческого разума, и именно поэтому не стремятся свести всю человеческую деятельность и объяснить общественный порядок разумными установлениями человека. «Ложный индивидуализм», напротив, исходит из неограниченной мощи человеческого интеллекта, и потому его сторонники верят в возможность переустройства общества по собственному усмотрению человека⁸⁸. Как отмечает сам Хайек: «Индивидуализм учит нас, что общество – это нечто более великое, чем человек, только пока оно свободно. Покуда оно контролируется или управляется, оно ограничено мощью контролирующих его или управляющих им индивидуальных умов»⁸⁹.

Р. Скрутон очень часто называет именно эпистемологические идеи Хайека основным вкладом австрийского экономиста в консервативную теорию⁹⁰. Эта идея связана с ограниченной рациональностью конкретных индивидов и позволяет обосновать идею о превосходстве спонтанно возникающих институтов (прежде всего, рынка) перед целенаправленным конструированием и планированием. Поэтому в рамках некоторых консервативных теорий достаточно часто подчёркивается естественный характер таких институтов, как рынок, мораль, право и так далее. Таким образом, нередко ссылки на «естественность» как показатель прочности, укоренённости в опыте поколений и в традиции выступают в качестве важной части в аргументации консерваторов. Приоритет опыта поколений (традиции) над абстрактным рационалистическим основанием в данном случае оказывается близким к эпистемологической концепции, предложенной Хайеком.

Интересно, что сам Ф. фон Хайек пытался избегать ярлыка «консерватор», однако его идеи были близки к некоторым интуициям, свойственным консерваторам, особенно последователям Э. Бёрка.

⁸⁸ Там же. С.19 – 24 .

⁸⁹ Там же. С.36.

⁹⁰ Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. P.29.

Множество раз в исследованиях подчёркивались именно эпистемологические особенности консервативной мысли. Это привело к тому, что некоторые исследователи предлагают понимать консерватизм не как теорию, идеологию или социальную и политическую философию, а как специфическую эпистемологию. Такой подход опирается, прежде всего, на англо-американскую консервативную традицию, восходящую к Э. Бёрку. Как было показано выше, именно бёркианцы внесли основной вклад в обоснование консервативного эпистемологического подхода. Но богатство взглядов, идей и теорий, которые принято относить к консерватизму, включая континентальные консервативные политико-философские концепции, указывает нам на крайнюю узость подобного подхода. Кроме того, даже сами бёркианцы далеко не всегда ограничивались сведением консерватизма к эпистемологической позиции, а старались также выделить некоторые иные аспекты.

Однако помимо того, что апология границ и установка на ограниченность проявляется в онтологических, эпистемологических и антропологических взглядах консерваторов, она также может быть рассмотрена в ракурсе аксиологических установок консервативного стиля мышления.

Аксиологическую базу консерватизма составляют идеи о порядке, безопасности, преданности, идентичности. Важно отметить, что перечисленные ценности не имеют единой трактовки. Однако они являются типичными для консервативного дискурса.

Порядок часто ассоциируется с моральным порядком, гражданским порядком, государственным порядком. Консервативные мыслители могут значительно расходиться в вопросе того, какие методы должны использоваться для поддержания порядка в обществе. Однако сам по себе порядок зачастую ставится выше справедливости, так как ассоциируется с «выживанием» общества, нации, сообщества или государства. Соответственно, разрушение порядка ведёт к смерти сообщества, общества, нации или государства и является самой большой опасностью. Именно поэтому консерваторы стремятся сохранять все те механизмы, которые обеспечивают стабильность и

поддержание порядка в обществе. Появление радикальных консерваторов (консервативных революционеров, французских «Новых правых», американских палеоконсерваторов) в этом смысле может пониматься как ответ на современную ситуацию, когда многие из институтов, поддерживавших в прошлом порядок, позволяющий обществу выживать и возобновляться, ушли в прошлое, сохранять стало нечего, остался лишь путь переустройства общества. Такое переустройство должно возобновить в новой форме институты и условия, которые позволили бы обществу вновь получить необходимые ресурсы для существования и воспроизводства.

Преданность как аксиологическая установка также является одной из ключевых для консервативного мышления. Речь идёт о преданности в широком смысле. Она может предполагать преданность местному сообществу, государству и так далее. Р. Скрутон использовал слово «ойкофилия», переводимое как «любовь к дому» в качестве аналога «патриотизма», позволяющего избежать узкого понимания слова Родина как государства, и в то же время включить в это понятие преданность более локальным сообществам. Некоторые консервативные теоретики особо подчёркивают именно преданность местным сообществам (Р. Нисбет), другие отдают приоритет преданности национальному государству. Тем не менее, ценность дома, родины является важной чертой консервативного мышления. В некоторых современных версиях консерватизма можно встретить и экстерриториальные версии подобного рода преданности, которые проявляются как преданность культуре, этносу. Как правило, даже в таких вариантах имеется некоторое представление о территории-родине, утраченной в ходе истории.

Этические основания консерватизма выстраиваются вокруг центрального метафрейма ответственности⁹¹. Ориентация на добродетель и общее благо, свойственная консервативным концепциям, опирающимся на аристотелевскую и томистскую традицию, ориентация на благочестие, благоразумие и

⁹¹ Константинов М.С., Николаев И.В. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма // Политическая концептология. 2013. №4. С.213-226.

умеренность в бёркианской традиции, ориентация на служение в концепциях консервативных революционеров являются различными проявлениями ответственности в качестве основного морально-этического ориентира.

Таким образом, можно сделать несколько выводов об общих для консерватизма философских основаниях. Здесь имеет смысл сопоставить философские установки консервативного мышления с философскими основаниями либерально-прогрессистского стиля мышления (Табл.1).

Таблица 1. – Сравнение философских оснований консервативного и либерально-прогрессистского стилей мышления

	Консервативный стиль мышления	Либерально-прогрессистский стиль мышления
Общая установка (в экзистенциальном преломлении)	Апология границ	Преодоление границ
Эпистемология	Ограниченная рациональность / опора на опыт, традицию	Рационализм / опора на априорные положения, логику
Онтология (в антропологическом срезе)	Сохранение идентичности для сохранения человека Человек – социально и культурно конституированное существо	Преодоление границ как способ раскрытия сущности человека (эмансипация как путь к раскрытию естественного человека) Человек – рациональный автономный индивид
Онтология (в социальном срезе)	Общество и сообщества – органические единства	Общество и сообщества – договорные ассоциации
Аксиология	Свобода, идентичность, порядок	Свобода и равенство как ценностные ориентиры
Этика	Ответственность, долг, обязанности. Критика индивидуалистической морали (субъективизма, эмотивизма, гедонизма) и утилитаризма.	Различные варианты этических систем

В действительности при анализе различных вариантов концепций и теорий, которые принято называть консервативными, можно отметить, что универсальными для консерваторов является установка на «апологию ограниченности», как верно, на наш взгляд, в своих работах отмечает И.В. Дёмин, а также этические, аксиологические и антропологические аспекты. Остальные же (социально-онтологические и эпистемологические) характеристики можно считать не столько универсальными, сколько наиболее распространёнными. В этом смысле перечисленные характеристики можно считать именно чертами консервативного стиля мышления (в его идеально форме), а не всех консервативных концепций. Например, либертарианские культурные консерваторы вполне разделяют установки, характерные для консервативного стиля мышления в области аксиологии, этики, антропологии, и потому подчёркиваю важную роль именно культурных факторов, но при построении своих теорий исходят из принципов, характерных для либерального стиля мышления. В этом, как будет показано, во второй главе корень трудностей и проблем, с которыми они сталкиваются, пытаюсь совместить элементы, характерные для разных стилей мышления, в которых лежат противоположные философские и методологические принципы и допущения.

Представленные выше положения в более эксплицитной форме пытались представить в своих работах различные консерваторы.

Попробуем рассмотреть и проанализировать некоторые списки общих мировоззренческих положений, которые предлагались различными консервативными мыслителями. Для этого обратимся к идеям Э. Бёрка, С. Хантингтона, Р. Кирка, Р. Нисбета, Р. Скрутона, К. Манхейма, А. де Бенуа.

Общие положения консерватизма были сформулированы Э. Бёрком в его работе «Размышления о революции во Франции»⁹². С. Хантингтон попытался систематизировать эти положения, составив следующий список⁹³:

⁹² Бёрк Э. Размышления о революции во Франции /Пер. с англ. С. Векслер, 1992. С.63-361.

⁹³ Хантингтон С. Консерватизм как идеология. С.233-234.

1. Человек – религиозное животное, религия – основа гражданского общества и социального порядка.
2. Общество – результат медленного естественного развития. Существующие институты воплощают мудрость поколений.
3. Человек руководствуется в своей жизни не только разумом, но и инстинктами, эмоциями. Благоразумие, предрассудки, привычки, опыт более предпочтительны, чем абстракции, разум и метафизика в социально-политической сфере.
4. Приоритет сообщества над индивидом. Права людей проистекают из их обязанностей. Зло проистекает от людей и их конкретных поступков, а не из институтов.
5. Люди не равны. Дифференциация и иерархия являются неотъемлемыми элементами гражданского и политического порядков.
6. Проверенные схемы управления и организации общества имеют приоритет перед непроверенными проектами.

Опираясь на работу самого Э. Бёрка можно уточнить ещё некоторые важные моменты. Во-первых, стоит дополнить приведённую выше характеристику общества в понимании консерваторов. Общество для консерваторов понимается не просто как совокупность ныне живущих людей, оно представляет собой партнёрство между живыми, ещё не родившимися и умершими. Это важная мировоззренческая установка внутри консервативного мышления и консервативной философии, так как именно она обуславливает важность ответственности перед прошлыми и будущими поколениями. Различные ценностные и этические аспекты консерватизма, чувство долга, понимание важности обязанностей, сохранения некоторых важных духовных и материальных благ для будущих поколений, умение ценить то, что передали наши предки, особая роль традиций и обычаев – всё это, так или иначе, связано именно с восприятием общества как протяжённого во времени и истории. Чувство идентичности в таком случае принимает также исторический характер, так как мы оказываемся связанными не просто с какими-то сообществами,

которые не имеют своей истории, через традицию мы становимся членами исторических сообществ, воплощённых в нации, государстве и так далее. Во-вторых, обычаи, привычки, передающиеся через традицию, имеют эпистемологическое, аксиологическое и даже онтологическое значение. В эпистемологическом аспекте традиции представляют собой практическое знание, содержащее в себе опыт поколений. Это знания, включающие в себя различные элементы социальных, политических, культурных практик. Эти знания зачастую не выражены в явном виде, научиться им можно также путём включения в практику, а не через обучение. Для консерватора особую ценность имеют морально-нравственные и политические традиции, позволяющие обществу поддерживать единство, стабильность и продолжать своё существование. Таким образом, аксиологический аспект традиций связан, с одной стороны, с тем, что сами традиции служат способом сохранения, передачи ценностей, с другой стороны, ценность самих традиций заключается именно в их важной и разносторонней роли, на которую мы здесь указываем. Онтологическая роль традиций заключается в том, что именно они с точки зрения консерваторов являются условием существования общества как темпорального единства, позволяя сохранять некоторые важнейшие сущностные характеристики и общее чувство идентичности. В-третьих, стоит отдельно отметить, ещё один важный момент, на котором делал акцент Э. Бёрк. Речь идёт о подчёркивании важнейшей роли малых групп, небольших сообществ, которые оказывают огромное влияние на жизнь человека и лежат в основе общества. Сам Э. Бёрк называл такие группы «маленькими отрядами» (little platoons). Речь идёт, прежде всего, о семье. Хотя в это понятие можно включить различные профессиональные, родственные, соседские объединения и ассоциации, именно семья выступает в качестве важнейшей социальной единицы, а также в качестве одной из важнейших ценностей, защищаемых консерваторами вне зависимости от конкретной интеллектуальной традиции. Семья часто рассматривается как «мини-общество», идеальная модель

социальных отношений, воплощающая в себе органическое единство, связи в котором имеют характер *Gemeinschaft* (органического сообщества)⁹⁴.

Р. Кирк, Р. Нисбет, Р. Скрутон соглашались с перечисленными общими положениями консервативной мысли. Это неудивительно, так как все они развивали именно англо-американскую традицию консерватизма, ссылаясь на своих работах на её отца-основателя Э. Бёрка.

Р. Кирк считал, что консерватизм не является фиксированным и неизменным сводом догм, отдельные убеждения должны соответствовать конкретной исторической эпохе, они могут меняться со временем, эволюционировать и трансформироваться. Общей сущностью консервативного осмысления социальной действительности можно назвать ориентацию на сохранение древних нравственных традиций. В целом же, консервативная мысль, по мнению Р. Кирка, может быть сведена к шести основным базовым канонам⁹⁵.

1. Вера в трансцендентный порядок или совокупность естественных законов;
2. Пристрастие к растущему разнообразию в противоположность сужающему однообразию, эгалитаризму и утилитарным целям радикальных систем;
3. Убежденность в том, что цивилизованное общество требует рангов и классов в противоположность тому, за что выступают сторонники «бесклассового общества»;
4. Неразрывная связь свободы и собственности;

⁹⁴ Немецкий социолог Ф. Тённис предложил получившее популярность у многих социологов противопоставление двух типов социальных типов общностей, отличающихся характером связей. Термином *Gemeinschaft* (сообщество) он предложил называть общности, основанные на тесных связях, характерных для семей и местных сообществ. Термин *Gesellschaft* (общество) означает общности, связанные рациональными личными интересами, договорными отношениями, которые приходят на смену *Gemeinschaft* при переходе от традиционного общества к современному (Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.).

⁹⁵ Kirk R. *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. Seventh Revised Edition. P. 23.

5. Вера в предписания и недоверие к «софистам, вычислителям и экономистам», которые реконструируют общество по абстрактным схемам;
6. Отказ от поспешных изменений, развитие и использование добродетели благоразумия в государственных делах.

Из выше представленного списка видно, что фактически консервативные установки в отношении социально-политической сферы, у Р. Кирка являются прямым следствием тех философских оснований, которые являются базовыми для консервативного стиля мышления, которые подчёркивал и Э. Бёрк. Американский философ при формулировке перечисленных принципов опирался также на представление о неразрывной связи политики, этики и религии. Он также точно и ёмко описал общие черты политического прогрессизма, зачастую принимающего форму радикализма – это: пренебрежение традициями (разум как средство достижения общественного благополучия), политическое и экономическое выравнивания (осуждение порядка и привилегий, настаивание на демократии, централизации и консолидации; перераспределение вместо защиты прав собственности).

Важным моментом, на который указывает Р. Кирк, но который не отмечает С. Хантингтон, приводя список основных положений консервативной мысли, это роль собственности. Сам Э. Бёрк в своём «Размышлении» подчёркивает, что собственность имеет ценность не только как условие свободы, но и как наследие, которое мы можем передать нашим потомкам⁹⁶. Таким образом, она наполняется дополнительным содержанием, приобретая, в том числе, и символический характер, ассоциируясь со связью поколений. Подобно тому, как ценности и институты посредством определённых традиций и обычаев связывают воедино ныне живущих с их предками и потомками, так и собственность на уровне отдельных семей выполняет схожую функцию. В этом смысле собственность связывается с идеей наследия. Бёрк уточняет: «Возможность хранить и приумножать собственность в рамках семьи есть одно

⁹⁶ Бёрк Э. Указ.соч. С.100.

из наиболее ценных и интересных качеств, ей принадлежащих; это качество, наиболее способствующее вечной сохранности самого общества. Оно ставит наши слабости на службу нашей добродетели, оно сообщает благотворность даже алчности. Обладатели фамильного богатства и того достоинства, какое имеет наследственная собственность (как самый почтенный вид собственности), являются естественным обеспечением ее передачи из поколения в поколение»⁹⁷.

Об особом отношении к собственности писал и Л. Ионин, отмечая, что консервативное понимание собственности контрастирует с современным абстрактным пониманием. Консервативное понимание опирается на традиционный подход, для которого характерна «живая» связь между собственностью и её хозяином. В этом смысле она предполагает выход за пределы простых договорных отношений. Особую роль играет в этом смысле связь собственника с землёй, так как последняя нередко наделяется символическим значением⁹⁸. Можно отметить, что консервативное отношение к семейной собственности экстраполируется на отношение к государственной территории, формируя привязанность, чувство родины.

Консерваторы различных направлений используют разные методы обоснования важной роли собственности. Для консерваторов англо-американской традиции, которая является близкой к либерализму в ценностном смысле, собственность неразрывно связана со свободой. Она также является неотъемлемой частью семьи и общества, в целом. Как бы собственность не интерпретировалась, в консервативной мысли она занимает важное место.

М. Оукшотт не соглашался в некоторых моментах с Р. Кирком, считая, что консервативный подход в политике не имеет ничего общего с естественным законом или трансцендентным порядком, а также не основан на морали и

⁹⁷ Там же. С.121–122.

⁹⁸ Ионин Л. Консерватизм. С.11–16.

религии⁹⁹. Однако позиция М. Оукшотта всё так же основана на базовых принципах эпистемологической и антропологической ограниченности. Он считал, что основой консервативного политического мышления и деятельности является наблюдение за нашей нынешней жизнью в сочетании с верой в то, что управление является специфической и ограниченной деятельностью, направленной на создание и поддержание правил поведения, которые понимаются не как планы навязанные действительностью, а как инструменты, позволяющие людям заниматься свободно выбранной деятельностью.

Отдельно можно отметить коммунитарный подход американского социолога и консервативного мыслителя Р. Нисбета, который выделял следующие основные идеи, лежащие, по его мнению, в основе консерватизма¹⁰⁰:

1. Понимание общества как органической сущности с внутренними законами развития, а не просто как механической совокупности (представление Э. Бёрка об обществе как партнёрстве мёртвых, живых и нерождённых).
2. Примат общества над личностью в историческом, логическом и этическом смысле.
3. Особая роль предубеждений в сохранении и поддержании общества (опора на традиции и обычаи).
4. Традиционные ценности, мораль и институты являются механизмами сдерживания «аппетитов», пагубных желаний, способных разрушить индивидуальную жизнь, жизнь группы или общества.
5. Особая роль малых групп, которые являются базовыми единицами общества. Разрушение таких важных малых групп, как семьи, соседские, локальные и профессиональные ассоциации способно привести к социальной и моральной дезинтеграции общества.

⁹⁹ Oakeshott M. On Being Conservative.

¹⁰⁰ Nisbet R.A. Conservatism and Sociology // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 58, No. 2. P. 167–175.

6. Сообщества (малые группы) являются источником развития и укрепления индивидуальной идентичности.
7. Подчёркивание ценности нерациональных, неутилитарных элементов человеческого существования.
8. Принцип иерархии и статуса. Иерархическое социальное устройство является условием стабильного существования и развития.
9. Легитимность власти опирается на соответствие обычаям и традициям конкретного народа (легитимность власти проистекает не из аксиом права или разума, а из верований и привычек, заложенных в потребностях членов сообщества, которым власть должна служить).

Большинство из указанных Р. Нисбетом признаков консерватизма, в целом, разделяется и другими консервативными мыслителями, особенно теми, кто принадлежит к интеллектуальной традиции Э. Бёрка. Однако Р. Нисбет явно делает больший акцент на коммунитарных особенностях консервативных установок. Некоторые разновидности консерватизма могут иметь менее коммунитарный характер, меньше, например, заботиться о вопросах поддержки локальных сообществ. Это не всегда означает, что этим сообществам не уделяется внимание, однако иногда консерваторов могут больше интересовать проблемы государства, нации, а вопросы сообществ отходить на второй план.

Р. Скрутон предлагал эволюционистский подход к консерватизму, рассматривая его подобно Э. Бёрку, как позицию, выступающую за постепенное реформирование. В этом смысле консерватизм можно было бы противопоставить реакционизму как простому сохранению статус-кво. По мнению Р. Скрутона, реформирование необходимо для сохранения общества и его адаптации к меняющимся условиям. Признавая современный консерватизм продуктом эпохи Просвещения Р. Скрутон также указывал, что большинство идей, выдвинутых консерваторами, были предвосхищены Аристотелем в его

трактате «Политика». Британский философ в одной из своих поздних работ предлагает свой список общих идей консервативного мировоззрения¹⁰¹:

1. Акцент на сообществах как на источнике идентичности, которая является условием лояльности сообществу, обеспечивающая стабильность. Личность – артефакт, созданный обычаями и институтами общества. Сообщества являются условием безопасности и благополучия. Социальная принадлежность связана с индивидуальной привязанностью к сообществам и обеспечивает существование доверительных отношений между его членами.
2. Идея мирной конкуренции как условия нормального и естественного развития человеческого общества, исходящая из самой человеческой природы.
3. Идея ограниченной рациональности. Для консерватизма характерен, по Р. Скрутону, аристотелевский рационализм, при котором разум оценивается как инструмент и условие развития добродетелей. Однако индивидуальная рациональность ограничена, поэтому общество должно руководствоваться обычаями и традициями, превышающими индивидуальный разум.
4. Свобода личности. Истинная свобода основана на культуре послушания, в которой закон и общество являются общим достоянием, обеспечивающим общее благо. Консерватизм понимает свободу как результат консенсуса между частным выбором и требованиями общества.
5. Идея взаимосвязи между легитимностью правительства и согласием народа.
6. Идея естественного закона. Акцент на божественном праве должен рассматриваться не как черта консервативного мышления, а как проявление реакционизма, так как в последнем содержится призыв к возвращению к старым представлениям, а не к адаптации к

¹⁰¹ Scruton R. Conservatism An Invitation to the Great Tradition. P.6–15.

существующей ситуации с сохранением некоторых необходимых элементов.

В списке консервативных мировоззренческих установок, предложенном Р. Скрутоном, явно прослеживается желание «реформировать» консерватизм, отказавшись от установок, которые он называет реакционными. Это связано, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Во-первых, Р. Скрутон изначально применяет термин «консерватизм» для обозначения довольно узкого спектра теорий, который связан по большей части с именем Э. Бёрка и который получил некоторое теоретическое оформление лишь в рамках англо-американской традиции. Во-вторых, английский консерватор подчёркивал именно эволюционный характер консерватизма, который имеет мало общего, например, с идеями консервативных революционеров. Отсюда же явный уклон в сторону либеральной традиции. Фактически для Р. Скрутона консерватизм родился в рамках либеральной традиции, но по иному в отличие от либерализма расставил акценты по ряду вопросов, связанных с соотношением свободы и порядка, роли государства, границ рынка, подчеркнув особую важность гражданского общества. Также между консерватизмом и классическим либерализмом, по Р. Скрутону, имеются разногласия по поводу методологических вопросов. Отсюда консервативная критика концепции автономного индивида, игнорирующей роль сообщества и идентичности, а также критика либеральной теории общественного договора. К сферам согласия консерваторов и классических либералов Р. Скрутон относит необходимость ограничения правительства, поддержку представительных институтов, важную роль института разделения властей, защиту прав и в особенности права собственности. Несмотря на это, Р. Скрутон отдавал себе отчёт о специфическом характере консерватизма, указывая на то, что «консерватизм по своей природе не является интернациональным», различные формы консерватизма появляются в разных исторических и культурных условиях. Здесь стоит отдать британскому философу должное, отметив, что те пункты, которые касаются важности принадлежности человека к сообществу,

идеи ограниченной рациональности и идеи особого понимания свободы, отличной от простой свободы в эмансипирующем значении, действительно, распространены среди большинства консервативных мыслителей.

В более ранних работах Р. Скрутон помимо вышеперечисленных положений выделял также в качестве общих оснований консерватизма и другие установки. Среди них можно отметить скептическое отношение к идеалам, принятие и признание необходимости социальной дифференциации и социальных иерархий как необходимое условие социальной стабильности и порядка¹⁰². В своей ранней работе «Значение консерватизма» тремя основными принципами консерватизма британский философ называет опору на авторитет, преданность и традиции¹⁰³.

Рассмотрим также представителей континентальной консервативной традиции. А. де Бенуа представляет собой пример континентального консервативного мыслителя, чья позиция не столько опирается на традицию Э. Бёрка, сколько на традицию, связанную с консервативной революцией, К. Шмиттом, Ф. Ницше и так далее. Обращаясь к его идеям, к его видению общих положений консервативной или, точнее, правой социально-политической мысли, можно, с одной стороны, увидеть некий контраст с теми общими положениями, которые выделяют представители англо-американской традиции, а, с другой стороны, попытаться понять, какие же из положений можно считать действительно общими. А. де Бенуа считает, что в рамках правой позиции «разнообразие мира и относительное неравенство как его неизбежное следствие, рассматриваются как благо, а тенденция к увеличению однородности мира, являющееся результатом двухтысячелетнего господства эгалитарной идеологии, — как зло...»¹⁰⁴. Таким образом, для правой ориентации характерны такие черты, как признание многообразия мира в социокультурном смысле (критика гомогенизирующих идеологий), признание

¹⁰² Scruton R. *Conservative Texts: An Anthology*. London: Palgrave Macmillan, 1991. 352 p.

¹⁰³ Scruton R. *The Meaning of Conservatism*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1980. P.27.

¹⁰⁴ Benoist Alain de. *Vu de droite*. P. 16

неравенства как естественного явления, порождаемого разнообразием людей, социальных общностей (критика эгалитаризма), акцент на таких смыслообразах, как «существование», «силовые отношения», «становление», «сражение», «история», «жизнь»¹⁰⁵.

Иногда как консервативные характеризуют также идеи некоторых американских интеллектуалов, которые находились под влиянием работ Л. Штрауса¹⁰⁶. Однако его взгляды не так просто идентифицировать с какой-либо идеологической позицией и стилем мышления. Опирающиеся на идеи Л. Штрауса концепции американских неоконсерваторов (Дж. Киркпатрик, И. Кристал и др.) также не поддаются чёткой и однозначной идентификации. Безусловно, в них имеются некоторые из элементов, свойственных для консервативного мировоззрения, однако есть и такие аспекты, которые обычно связываются с либерально-прогрессистским стилем мышления (универсализм, более широкий рационализм, идеализм и т.д.). Вероятно, мысль неоконсерваторов может быть рассмотрена, скорее, как форма либерализма с более явным акцентом на его универсалистском и глобалистском характере, где консервативные ценностные элементы (патриотизм, акцент на морали и т.д.), скорее, имеют инструментально-идеологическое назначение. Более того, неоконсерватизм, скорее, является именно внешнеполитической идеологией, поэтому интересует нас в рамках данного исследования незначительно.

Итак, проведённый анализ философских и мировоззренческих оснований консерватизма даёт нам возможность сделать некоторые важные выводы. Во-первых, консервативный стиль мышления опирается на представление о границах, что может проявляться в онтологических, эпистемологических, аксиологических аспектах. Для большинства консервативных теорий характерна ориентация на конкретное, опора на опыт и традицию, что

¹⁰⁵ Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены» истории // Логос. 2004. №6 (45). С.155–156.

¹⁰⁶ Блохин К.В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Вып. 21, №4. С.729-744.

проявляется во внимании к истории, а также особому акценту на прошлом и настоящем.

Во-вторых, консерватизм направлен не на какой-либо политический идеал. Его миссия связана с поддержанием, сохранением и возобновлением условий, поддерживающих стабильность, порядок и выживание сообщества. Соответственно, консервативная мысль направлена на критику явлений и тенденций, ведущих к разрушению институтов и ценностей, которые позволяют обществу существовать, поддерживая в нём порядок. В том числе консерватизм направлен на борьбу за сохранение и поддержание важнейших материальных и моральных ресурсов, которые позволяют обществу поддерживать стабильность, позволяющих избежать дезинтеграции и развиваться¹⁰⁷. Ориентация на сохранение важных для общества моральных, социальных и материальных ресурсов есть общая характеристика консервативных теорий. В этом смысле, как писал Р. Скрутон, консерватизм и сохранение есть два аспекта единой политики бережного отношения к ресурсам, включая социальный капитал, воплощённый в законах, обычаях и институтах и материальный капитал окружающей среды¹⁰⁸. Часто среди важнейших ресурсов консерваторы называют мораль, традиционные ценности, семью, локальные сообщества, нацию, государство, культуру, собственность, законы и так далее.

В-третьих, моральные и аксиологические позиции консерваторов выстраиваются вокруг чувства ответственности, долга, что порождает особое отношение к обязанностям перед семьёй, обществом, государством. Для консерваторов характерен больший упор именно на обязанности, нежели права, хотя последние являются для многих из них (в особенности для наследников интеллектуальной традиции Э. Бёрка) важным условием поддержания порядка, стабильности в обществе и обеспечения личного и общего блага. Особое

¹⁰⁷ Ремизов М. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // Тетради по консерватизму. 2014. №1. С.79–81.

¹⁰⁸ Scruton R. A Political Philosophy: Arguments for Conservatism. London: Continuum, 2007.

внимание также консерваторы уделяют ценностям порядка и безопасности. Это раскрывается через требование уважения к закону, авторитету, признание важной роли естественных иерархий. В конце концов, порядок расценивается как необходимое условие поддержания «жизни» и воспроизводства. Понятие «жизни» является важнейшим для консервативного мировоззрения. При этом те социальные, моральные, материальные, культурные ресурсы, на сохранении которых делают акцент консервативные мыслители, необходимо сохранять именно потому, что от них зависит, выживет ли конкретное сообщество, нация или государство или исчезнет. Ценности справедливости, равенства являются второстепенными. Более того, если они вступают в противоречие с ценностью порядка и безопасности, то безусловный приоритет консерваторы отдадут именно порядку. Поэтому эгалитаристские теории, а также концепции, направленные на разрушение институтов и ценностей, которые, по мнению консерваторов, поддерживают общество, вызывают резкую критику. То же самое касается и любых нигилистических движений, а также теорий эмансипирующей свободы, выходящей за рамки обеспечения равноправия, также зачастую в консервативном дискурсе воспринимаются как опасные, способные привести к дезинтеграции общества и его распаду.

В-четвёртых, среди общих мировоззренческих установок консервативного стиля мышления можно отметить представление о различиях, существующих между людьми и группами, которые обуславливают естественное неравенство, получившее своё отражение в существовании социальных иерархий, наличии властных отношений, формировании элит. Все эти явления оцениваются консерваторами как необходимые условия поддержания порядка в обществе, обеспечивающие его стабильное развитие и выживание. Соответственно, эгалитаристские проекты, нацеленные на борьбу с естественными неравенствами и разрушающие при этом важные для поддержания стабильного развития общества институты и ценности, оцениваются крайне негативно.

В-пятых, ещё одной важной мировоззренческой позицией консервативного мышления является понимание общества как партнёрства между мёртвыми, живыми и нерождёнными. Это представление глубоко укоренено в указанных нами философских основаниях консервативной мысли. Онтологический аспект этого взгляда связан с распространённой среди консерваторов позицией о первичности сообщества (общества) по отношению к отдельному индивиду, о неразрывной связи человека и его идентичности с теми социальными, политическими сообществами, к которым он принадлежит. Эпистемологический аспект в ракурсе данной установки проявляется как признание опыта, накопленного в течение нескольких поколений и выраженного в традициях и обычаях в качестве наиболее приемлемого источника социального и политического знания. Антропологический аспект, характерный для консервативного мышления проявляется здесь через возможность человека идентифицировать себя с сообществом, которое имеет свою историю, систему институтов, ценностей, порождающих смыслы, чувство привязанности и принадлежности. Такое понимание общества позволяет обосновать необходимость ответственного отношения к обществу, государству, основополагающим институтам и морали, на которые они опираются. Это позволяет обосновать и развивать в членах конкретного общества (или сообщества) чувство долга, понять важность обязательств перед другими.

В рамках следующих параграфов мы попытаемся рассмотреть, как обозначенные нами черты консерватизма, а также его философские основания проявляются в рамках такой его формы и разновидности, которую можно охарактеризовать как «культурный консерватизм».

1.3 Понятие, сущность и предпосылки возникновения культурного консерватизма

Можно выделить два основных подхода к понятию «культурный консерватизм»: узкий (неполитический) и широкий (социально-политический). Эти подходы объединяет то, что «культура» в них связана в первую очередь со сферой ценностей и норм (правил), а также формами поведения и практиками, основанными на них. Второй подход опирается на понимание культуры, прежде всего, в значении «общей культуры» (common culture), при этом «высокая культура» воспринимается как её важная часть. Она включает в себя разнообразные элементы, связанные с ценностями, обычаями определённого народа, проявляется через язык, искусство, религию и так далее. Этот тип культуры порождает чувство общей идентичности у её носителей. Традиция такого понимания культуры восходит к работам И.Г. Гердера и нередко противопоставляется более узкому подходу, опирающемуся на термин «высокая культура» (high culture). В отличие от общей культуры, к которой относится любой член сообщества, в котором данная культура господствует, высокая культура требует определённых усилий, чтобы индивид мог стать её носителем. Р. Скрутон также выделяет третий тип понимания культуры – популярную культуру. Сам британский философ считал, что все три понимания взаимосвязаны¹⁰⁹.

В рамках «узкого» (неполитического) подхода к понятию «культурный консерватизм» прилагательное «культурный» обычно интерпретируется либо как то, что имеет отношение к «высокой» культуре, либо же как отдельная сфера жизни общества, отличная от социальной, политической, экономической. При этом консерватизм здесь может интерпретироваться в понимании, которое было предложено М. Оукшоттом. Подобно тому, как политический консерватизм понимается в качестве применения консервативной установки к сфере государственного управления, так и культурный консерватизм имеет

¹⁰⁹ Scruton R. Modern Culture. London: Bloomsbury, 1998. P.8–11.

отношение к применению установки на сохранение, приоритете привычного над новым, но только уже к сфере культуры (творчества, искусства, науки, образования, философии и так далее). Конечно, М. Оукшотт не стал бы спорить, что различные сферы пересекаются и оказывают серьёзное влияние друг на друга. Но всё же он считал необходимым проводить линии разграничения между отдельными областями и допускал, что консерватизм в одних сферах совсем не обязательно предполагает консерватизм в других. Тут можно вспомнить и о разграничении консерватизма и естественного традиционализма, предложенном К. Мангеймом. При данном подходе культурный консерватизм в неполитическом значении можно интерпретироваться как проявление традиционалистской установки к области культуры. В этом значении культурный консерватизм связывается с работами Т.С. Элиота¹¹⁰, Г.А. Коэна¹¹¹, С.Т. Кольриджа, Дж. Раскина, М. Арнольда, отдельными работами Р. Скрутона¹¹². Таким образом, культурный консерватизм в «узком» (неполитическом) понимании означает форму консерватизма, применённую к сфере культуры как относительно самостоятельной области, рассматриваемую отдельно от вопросов, связанных с политическими институтами. Характерными для подобного рода консерваторов являются идеи защиты различных культурных институтов, таких, как религия, акцент на сохранении традиций в сфере образования, искусства, литературы и так далее.

Если мы рассмотрим второй вариант трактовки культурного консерватизма (в широком понимании), то здесь явно возникает трудность с отделением «политического» и «культурного», а сфера социального либо отождествляется с культурой, либо образует с ней некоторое взаимно обуславливающее единство.

¹¹⁰ Eliot T.S. *Tradition and the Individual Talent / Selected Essays*. London: Faber, 1999.

¹¹¹ Cohen G.A. *Rescuing Conservatism / R.J. Wallace, Rahul Kumar, Samuel Freeman (eds.). Reasons and Recognition: Essays on the philosophy of T.M. Scanlon*, 2007.

¹¹² Scruton R. *Conservatism. An Invitation to the Great Tradition*. New York: St. Martin Press, 2018. 176 p.

Культура будет рассматриваться нами как фактор, оказывающий значительное влияние на политические и социальные институты, их характер, форму и содержание. Культурно-консервативное понимание культуры (в том значении, в котором культурный консерватизм рассматривается в нашей работе) ближе ко второму подходу. Однако особенностью является то, что культура в нём рассматривается как область норм и ценностей, воплощённых в институтах, учреждениях и практиках. Такой подход близок к пониманию культуры как отдельной подсистемы, которая оказывает существенное влияние на иные подсистемы (экономическую, политическую, социальную). Для культурных консерваторов важен акцент на сохранении ценностей и норм, обеспечивающих стабильность и воспроизводство социального порядка.

Как указывал один из идеологов современного американского культурного консерватизма Уильям Линд, фокус культурных консерваторов сосредоточен на ценностях, идеях, сложившемся образе жизни¹¹³. Это, по его мнению, отличает культурных консерваторов от всех иных течений, которые принято относить к консервативным, но которые делают акцент либо на сохранении исключительно определённых политических институтов, либо экономических институтов, не уделяя при этом должного внимания культурным факторам, способствующим устойчивости данных институтов. В таком случае политические и экономические консерваторы могут выступать, например, в защиту монархии (ограниченной или абсолютной), демократии и так далее, опираясь на то, что данные институты традиционны, но при этом не уделять должного внимания вопросам ценностей, морали и образа жизни, которые могли существенно измениться и подорвать их устойчивость. То же самое касается и экономических консерваторов, которые могли бы выступать за сохранение рыночных институтов, полностью свободную экономику, аргументируя такой консервативный настрой эффективностью в достижении благосостояния, однако забывая о тех негативных последствиях, к которым может привести ничем неограниченный рынок, для традиционных сообществ.

¹¹³ Lind W.S. What is Cultural Conservatism? // Essays on Our Time. 1986. Vol.2. №2. P.2.

В обоих случаях консерватизм рассматривается в соотношении с конкретной общественной сферой (экономической, политической). Именно таким ограниченным формам консерватизма во многом и противопоставляют себя современные консервативные теории и концепции, которым мы в рамках данного исследования приписываем прилагательное «культурный». Важно также отметить, что далеко не все современные консерваторы используют понятие «культурный консерватор» в качестве самоназвания и самоопределения. По большей части этот термин носит инструментальный характер, позволяющий концептуализировать совокупность различных современных консервативных концепций и теорий, которые вновь заострили внимание на неотъемлемой роли культурных факторов (прежде всего, ценностей, моральных и иных социальных норм и практик, а также на обычаях и традициях как способах их сохранения и трансляции) для успешного функционирования экономических и политических институтов.

В этом плане культурные консерваторы делают акцент на том, что консерватизм не ограничивается сохранением статус-кво относительно экономических и политических институтов. Он также должен брать во внимание культурные условия, в которых возможно их нормальное функционирование, а также те ценности и нормы, которые позволяют отдельным индивидам и сообществам обеспечивать то, что американский консерватор Джон Кекес в своих работах называл «хорошей жизнью»¹¹⁴.

Консерватизм в целом как социальная и политическая философия и/или идеология всегда содержал в себе акцент на культуре как важном факторе развития общества и государства. Например, пессимистическая антропология консерваторов заставляла их искать культурные инструменты и механизмы, направленные на «укрощение злой природы» человека. Культура в этом смысле ответственна за поддержание порядка в обществе через культивирование порядка в каждом отдельном человеке. Разрушение культуры ассоциируется консерваторами с упадком традиционных ценностей и системы правил. При

¹¹⁴ Kekes J. *Moral Wisdom and Good Lives*. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 237 p.

этом поведение людей «становится менее контролируемым, но это означает не большую свободу (как это представляется сторонникам «эмансипации»), а рост инстинктивности поведения»¹¹⁵. Однако следует отметить, что культура в консервативном понимании способна выполнять свои воспитательную и нормативную функции, если она опирается на традицию. Разрушение традиций в целях эмансипации и равенства мыслится многими из консерваторов как деградация, приводящая к росту субъективизма, гедонизма, нигилизма в обществе. Как отмечает А.М. Руткевич: «Такой субъективизм разрушителен, поскольку на формализованных привычках покоятся и высокая дисциплина труда рабочего, и профессиональные умения юристов, профессоров, чиновников, их корпоративная ответственность»¹¹⁶. Эти функциональные аспекты роли культуры подчёркивались и подчёркиваются консерваторами ещё со времён Эдмунда Бёрка и Жозефа де Местра.

Но помимо этого многие консерваторы также делают постоянный акцент на культурной специфике различных народов и обществ, обуславливающих конкретные формы практик, характерных для них. Так как экономические, политические и социальные институты всегда функционируют в рамках определённой культурной среды, мы должны учитывать это в нашем анализе.

Такие известные сторонники цивилизационного подхода в изучении культурно-исторических процессов, как О. Шпенглер, Н. Данилевский, К.Н. Леонтьев, в своих трудах рассматривали специфику разных культур и цивилизаций, а также пытались продемонстрировать, как разрушение традиционных институтов и ценностей способно приводить к культурной деградации. Причём нередко культурная деградация связывалась ими с нарастанием эгалитаристских тенденций. Например, К.Н. Леонтьев в своей работе «Византизм и славянство» описывал нарастание тенденций к эгалитаризму и эмансипации как процесс «вторичного смесительного упрощения», свидетельствующего о возврате культуры к примитивному

¹¹⁵ Руткевич А.М. Что такое консерватизм? С.86–87.

¹¹⁶ Там же. С.88.

состоянию, предшествующему окончательной смерти определённого общества¹¹⁷. Н. Бердяев также отмечал разрушительное воздействие на культуру, которое оказывают эмансипационно-эгалитаристские тенденции в ней¹¹⁸.

Таким образом, консервативная традиция всегда отводила важное место культуре и различным культурным факторам. Однако противостояние либерально-капиталистических и социалистических держав в XX веке привело к формированию также экономикоцентристских вариантов консерватизма, которые на определённый период времени стали преобладать в консервативной риторике и политике в ряде стран Запада. Неоконсервативная мысль, которая стала идейной основой тэтчеризма и рейганизма во второй половине XX века, опиралась, прежде всего, на идеи о преимуществах свободной рыночной экономики. В это время консерваторы в США сближаются с либертарианцами, в Европе они всё больше становятся похожими на классических либералов. Сохраняя в качестве одной из консервативных ориентаций акцент на традиционных ценностях, неоконсерваторы отдавали приоритет экономическим вопросам и проблемам.

Возможность экономикоцентристских тенденций в консерватизме (особенно в его англо-американских вариациях) была заложена ещё с самого зарождения консерватизма. Уже у Эдмунда Бёрка акцент на традициях, иерархии и авторитете сочетается с защитой частной собственности и рыночных институтов. Дальнейшее развитие консерватизма в США и Великобритании было очень тесно связано с либерализмом и либеральными рыночными ценностями. Об этом в своих работах постоянно упоминают различные англо-американские консервативные философы, такие, как Р. Нисбет, Р. Скрутон, Дж. Грей, Р. Кирк, М. Оукшотт, П. Денин и другие.

¹¹⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/leontjev/leontjev_vizantizm_i_slavyanstvo.html (дата обращения: 01.08.2023).

¹¹⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.

Таким образом, в развитии консервативной мысли можно заметить своеобразную осцилляцию между культуроцентризмом и экономикоцентризмом. Более наглядно эта характеристика консерватизма наблюдается в англо-американской среде.

Современный культурный консерватизм как форма консервативной идеологии, консервативной социальной и политической теории и философии стал оформляться во второй половине XX века. В это время сразу несколько факторов заставляют консервативных интеллектуалов и политиков переориентироваться с экономических вопросов на проблемы культуры. В определённой мере культурный консерватизм можно считать ответом на общественные изменения, ускорение глобализации, распространение идей эгалитаризма и эмансипации.

Со второй половины XX века отмечается серьёзный рост исследований в области культуры. Анализируется культура массового капиталистического общества, популярность набирают конструктивистские, структуралистские, постструктуралистские подходы, делающие акцент на социально-культурных факторах, обуславливающих процесс познания и восприятия действительности, а также метод деконструкции. Набирают популярность работы Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, Ж. Деррида и др. Нередко для описания этих изменений и тенденций в интеллектуальной и культурной среде используется термин «постмодернизм», который является спорным и неоднозначным. Однако это не мешает нам рассматривать его в качестве инструментального понятия, чтобы определённым образом сделать акцент на некоторых общих тенденциях в социально-гуманитарной мысли.

Весьма интересным видится попытка сравнения некоторых общих консервативных установок с чертами, свойственными для постмодернизма. С одной стороны, постмодернизм характеризуется моральным субъективизмом и релятивизмом, что вступает в противоречие с консервативной мыслью. Однако в нём также присутствует акцент на ограничениях разума, что в определённой степени сближает его с консерватизмом. Вообще вопрос о близости некоторых

типичных для Постмодернизма установок к консервативным лежит на поверхности, однако достаточно мало изучен, на что обратил внимание в своих работах российский исследователь Г.И. Мусихин¹¹⁹. Основными столпами постмодернизма можно считать представление о социокультурной сконструированной личности (отличие от консерватизма здесь в том, что идентичность человека формируется не традицией, а иными культурными факторами), морально-этический релятивизм, отказ от разграничения «высокой» и «низкой» культуры, отказ от «границ» (в социальном, моральном и иных смыслах), ставящих преграды свободе человека (границы - социальные конструкты, которые можно реконструировать)¹²⁰. Х. Плакроуз и Дж. Линдси в качестве двух основных принципов постмодернизма отмечают скептицизм в отношении возможности получения объективно истинного знания (это связано с культурной сконструированностью знания) и политический принцип,

¹¹⁹ Мусихин Г.И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью // *Общественные науки и современность*. 2011. №3. С.119–133. Мусихин отмечает, что несмотря на схожесть некоторых консервативных и постмодернистских установок полноценный синтез между ними блокируется политическими различиями, связанными с разнонаправленными векторами идеологических ориентаций: консерватизм опирается на традицию, а постмодернизм на новаторство. Теоретическая близость, таким образом, не может преодолеть идеологической пропасти между этими интеллектуальными течениями. Помимо предложенного Мусихин анализа возможностей синтеза консерватизма и либерализма также существуют попытки интерпретации современных культурно-консервативных концепций как постмодернистскую форму консерватизма. Прежде всего, речь идёт о теории либерального постмодернистского консерватизма Джона Грея, сочетающей агональный либерализм, культурный консерватизм и постпросвещеннический дискурс. Также современные концепции палеоконсерваторов и французских Новых правых, которые дистанцируются от классического либерализма бёрковского типа и наследуют идеи радикального консерватизма, восходящие к работам идеологов консервативной революции, некоторые исследователи интерпретируют как новую популистскую форму консерватизма, являющуюся продуктом постмодернистской культуры. При этом нередко те культурные консерваторы, в идеях которых исследователи находят проявления постмодернистской «деформации» сами позиционируют себя как антипостмодернисты. В определённом смысле современные культурные консерваторы, безусловно, не проигнорировали постмодернистский сдвиг в культуре и философии и заимствовали методы постмодернистских мыслителей, чего они никогда и не скрывали. Однако используют эти методы они исключительно в своих консервативных целях. Таким образом, культурные консерваторы, в чьих трудах мы можем найти элементы постмодернистских взглядов (Ален де Бенуа, Джон Грей, О’Салливан, П. Готфрид и в некоторой мере Роджер Скрутон и др.), частично соглашаясь с выводами постмодернистов, рассматривают само это явление как кризисное для культуры и стремятся найти пути его преодоления.

¹²⁰ Anderson W. T. *The Fontana Postmodernism Reader*. London: Fontana Press, 1996. P. 10–11.

связанный с убежденностью, что допустимость того или иного знания определяется властью. Помимо этого постмодернизм включает в себя четыре основных сюжета: размывание границ, власть языка, культурный релятивизм, утрату индивидуального и универсального¹²¹. Эти сюжеты стали популярными среди левых интеллектуалов, которые противопоставляют свои идеи консерватизму и классическому либерализму, в коих они видят идеологических врагов.

Культурный прогрессизм может быть представлен как совокупность позиций, разделяемых целым рядом движений, связанных с борьбой за социальную справедливость. Культурные прогрессисты взяли на вооружение ряд идей, которые могут свидетельствовать о переориентации левых теоретиков с проблем экономического характера на вопросы культуры. Прежде всего, стоит отметить значительную роль в современном культурно-прогрессистском дискурсе идей Антонио Грамши.

Грамши считал, что культура играет решающую роль в поддержании доминирования правящего класса в обществе путем формирования убеждений, ценностей и норм общества. Это достигается посредством контроля над культурными институтами, такими как образование, средства массовой информации и религия, которые распространяют доминирующую идеологию и формируют коллективное сознание общества. Итальянский мыслитель также считал, что подчиненным классам необходимо развивать контргегемонистскую культуру, которая бросит вызов доминирующей идеологии и создаст пространство для альтернативных точек зрения и ценностей¹²².

Концепция А. Грамши оказала влияние на представителей Франкфуртской школы. Такие ученые, как Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, расширили концепцию Грамши и исследовали роль культуры и средств массовой информации в формировании общественного мнения и поддержании

¹²¹ Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / пер. с англ. Д. Виноградов. Индивидуум-Принт, 2022. С.13–19.

социального контроля. Значительное влияние Грамши испытали сторонники постколониальной теории, такие как Хоми Бхабха и Гаятри Спивак.

Кроме того, именно под влиянием идей Грамши во многом сформировался проект культурных исследований, особенно на работы Стюарта Холла и Бирмингемской школы. Холл применил концепцию культурной гегемонии Грамши для анализа того, как доминирующие идеологии создаются, распространяются и сопротивляются в массовой культуре.

Культурные исследования (cultural studies) развивались левыми интеллектуалами во многом как политико-теоретический проект, были направлены на изучение форм проявления власти в культуре, на исследование того, как проявляет себя культура в обществе как в пространстве политического конфликта. Именно поэтому культура в рамках данных исследований не рассматривается как нечто нейтральное. По словам В. Куренного: «Она продуцирует и репродуцирует политические и социальные идентичности, которые могут в определенной ситуации конвертироваться в прямой политический конфликт»¹²³.

Феминистская и мультикультуралистская политическая и социальная философия также сформировались под действием культуроцентристских концепций в социально-гуманитарных науках.

В целом, под влиянием идей вышеупомянутых мыслителей, которые опирались на концепцию А. Грамши, получили развитие различные прогрессистские движения (феминистское движение, антирасистское движение и т.д.), которые во многом «политизировали» понимание культуры.

По мнению С. Хикса, смена ориентации с экономической на социокультурную связана с интеллектуальной победой правых доктрин в экономике, кризисом социализма и успехом капитализма¹²⁴. В капиталистических западных обществах наметился ценностный раскол между

¹²³ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. №1(85). С.18.

¹²⁴ Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. Шуваловой. М.: РИПОЛ классик, 2021. С.265–291.

сторонниками традиционных ценностей и прогрессистами, который стал именоваться в исследовательской литературе «культурными войнами»¹²⁵.

Именно изменение интеллектуальной и культурной ситуации привело к тому, что в консерватизме возникла необходимость собственного ответа, а поле борьбы сместилось из сферы экономических проблем в сферу культурных вопросов, ценностей, образов жизни и практик.

Однако помимо «левого грамшизма» мы можем видеть влияние концепции культурной гегемонии и на «правых» мыслителей¹²⁶. Прежде всего, речь идёт о французских «Новых правых», американских палеоконсерваторах, которых можно отнести к современным культурным консерваторам. Объединяя идеи Грамши с пониманием политики в духе Карла Шмитта, они предлагают вариант установления доминирования традиционных консервативных ценностей через приход к власти консервативных национально ориентированных политических сил и проведение культурной политики, направленной на достижение данной цели. Однако далеко не все культурные консерваторы согласны с методами указанных течений, хотя и осознают, что культура на данный момент действительно представляет собой одну из основных арен политического противостояния.

Таким образом, одним из факторов, повлиявшим на переориентацию консерваторов на проблемы культуры с проблем экономики в конце XX века является актуализация культурной проблематики и переориентация левых интеллектуалов на культурно-прогрессистские установки. Культурный прогрессизм можно охарактеризовать как установку в области ценностей и культурных практик, цель которой состоит в переориентации базовых ценностей и норм общества в соответствии с идеалами свободы и равенства. Культурные прогрессисты критикуют традиционные нормы и ценности как преграды, стоящие на пути к более справедливому обществу. При этом слово

¹²⁵ Hunter J. D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: Basic Books, 1991. 432 p.

¹²⁶ Моисеев Д., Сигачёв М.И., Харин А.Н., Артеев С.П. Концепция глобального консерватизма // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т.21.№5 (123). С.117.

«прогрессизм» не означает в данном контексте поддержку самой идеи прогресса независимо от конкретной сферы. Кроме того, сама концепция прогресса применительно к некоторым сферам культурными прогрессистами активно критикуется. В данном случае под «прогрессивным» понимается такое состояние общества и культуры, при котором должно быть обеспечено равенство, свобода и социальная справедливость. Культурные прогрессисты активно выступают за проведение государственной культурной политики через систему образования и СМИ, направленную на борьбу с дискриминацией, осуществляемую на основании требований политкорректности.

При этом культурные прогрессисты противостоят культурным консерваторам и на теоретико-идеологическом уровне. Культурные консерваторы одной из ключевых установок считают «защита границ» или «апология ограниченности», которая проявляется в защите традиционных институтов и ценностей, на которые опирается социальный порядок, и которые выполняют функцию «сдерживания» внутренних пороков. Эти институты и ценности, связанные с чувством ответственности и долга, с уважением к авторитету, с преданностью и так далее также направлены на обеспечение свободы, но такой свободы, которая трактуется как самоуправление и обеспечивается за счёт самодисциплины и воспитания. Культурные прогрессисты же зачастую видят в традиционных институтах, ценностях, нормах и практиках условия и инструменты, поддерживающие неравенство, несправедливость, дискриминацию и угнетение. Поэтому в прогрессистском дискурсе всё то, что для консерваторов является «священным», для их оппонентов является злом, с которым необходимо бороться. При этом если культурные консерваторы по-разному рассматривают вопрос о необходимости проведения государственной культурной политики (мнения разнятся от полного невмешательства до активных государственных мер), то культурные прогрессисты обычно выступают за использование государственных институтов для реформ в сфере культуры, которые должны обеспечить и социально-политические изменения.

Помимо ответа на культурный прогрессизм левых культурный консерватизм также стал следствием кризиса экономикоцентристского неоконсерватизма и либерализма. Либеральная мысль стала всё больше отталкивать консерваторов своим универсализмом, крайним индивидуализмом. Ещё большую критику у консерваторов стали вызывать эгалитаристские тенденции внутри либеральной традиции, которые были связаны с социально-либеральными политико-философскими концепциями Дж. Ролза, Р. Дворкина. Одновременно для многих консерваторов стало понятно, что акцент на экономике, свойственный для неоконсерваторов, приводит к тому, что консерватизм становится формой неолиберальной теории и перестаёт выполнять свою функцию защиты традиций и социальных институтов, обеспечивающих процветание общества.

Британский политический философ Джереми Райнер назвал появление культурного консерватизма после кризиса экономико-ориентированного неоконсерватизма «консервативным возрождением»¹²⁷. Если на Западе для неоконсерваторов, которые практически полностью к 1970-ым годам слились с либералами, главными оппонентами были социалисты, то главными политическими и интеллектуальным противниками культурных консерваторов вновь стали либералы, некоторые из которых стали сочетать свою позицию с культурным прогрессизмом и эгалитаризмом.

Проявлениями культурного консерватизма можно назвать различные теории, которые отказались от экономикоцентризма и вновь возвратились к вопросам культуры. Среди наиболее известных можно назвать традиционалистский консерватизм Рассела Кирка и Роджера Скрутона, постмодернистский либеральный консерватизм Джона Грея и Н. О'Салливана, постлиберализм Патрика Денина. Помимо этого ряд либертарианских мыслителей также опирались и опираются на консервативные ценности в сфере культуры (Мюррей Ротбард, Ханс-Херман Хоппе и др.). Помимо этого к

¹²⁷ Rayner J. *Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism*. P. 455–473.

культурным консерваторам также можно отнести упомянутых выше «правых грамшистов» (Ален де Бенуа, Пол Готтфрид и др.).

Большой вклад в теоретическое оформление культурного консерватизма внесла британская группа Солсбери, начавшая свою деятельность в 1978 году¹²⁸. Помимо уже упомянутого Роджера Скрутона в неё входили М. Коулинг, Дж. Кейси. Значительное влияние на представителей группы Солсбери оказали работы Л. Витгенштейна¹²⁹. Особое значение для культурных консерваторов имела его концепция языка, согласно которой структура и логика языка опираются на культуру и практики, а культурные и моральные ценности неизбежно укореняются в общественных формах социальной жизни и легитимизируются благодаря социальному обучению и образованию¹³⁰. Витгенштейн подобно Оукшотту настаивает на «исторической и социальной ситуативности» языка, мышления и разума, а также на том, что индивиды рождаются в системе ценностей, которые они не способны полностью понять и потому не имеют возможности их полностью изменить и переустроить (в этом смысле, как полагают консерваторы, следует полагаться лишь на постепенные эволюционные изменения и корректировки)¹³¹. Таким образом, культурные консерваторы нашли опору для своих аргументов в идеях Л. Витгенштейна о

¹²⁸ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С.223.

¹²⁹ Интерпретация идей Витгенштейна как консервативных нашла отражения в ряде работ. Среди переведённых на русский язык можно отметить статьи Эндрю Лагга и Дэвида Блур, посвящённые анализу интерпретаций взглядов Витгенштейна как консервативных. Лагг отмечает, что в творчестве австрийского философа, возможно, не стоит искать прямых заявлений о предпочтительности консерватизма, однако у него можно найти новое и более глубокое его обоснование, которое выражено, скорее, в косвенной форме. В частности консерватизм Витгенштейна нередко видят в его пессимизме и критике современной культуры, покорности авторитету, презрению к идее прогресса, а также в интересе к работам некоторых консервативных мыслителей (например, к работе О. Шпенглера “Закат Европы”). Блур отмечает, что мысль Витгенштейна отражает элементы консервативного стиля мышления, выделенные Карлом Мангеймом. Это отражается, по мнению Блур, в том, что Людвиг отдавал приоритет бытию перед мышлением (мы всегда исходим из некоторых правил, которые принимаем в качестве фундамента наших практик и мышления), также в том, что он предпочитал конкретное и качественное абстрактному и количественному, холистских тенденциях в его работах.

¹³⁰ Алексеева Т.А. Современные политические теории. С.224.

¹³¹ Lugg A. Was Wittgenstein a Conservative Thinker? // The Southern Journal of Philosophy. – 1985. – Vol.23, №4. – 465-474.

«формах жизни», «языковых играх», которые увязывают язык с определёнными ценностями, убеждениями и практиками, укоренёнными в конкретных культурах.

Если группа Солсбери акцентировала внимание и усилия на том, чтобы обосновать культурный консерватизм через апелляцию к коммунитарным положениям о социокультурной конституированности индивидов, роли традиций, ценностей и практик в формировании идентичности людей, то либертарианские культурные консерваторы из Института Мизеса ставили перед собой задачи совмещения эмпирических и прагматических аргументов в защиту культурного консерватизма с либертарианской методологией, опирающейся на индивидуализм и номиналистский подход. Подробнее эти теоретические модели нами рассмотрены и проанализированы во второй главе.

Рассел Кирк указывал, что культурный консерватизм связан с сохранением обычаев, институтов, знаний и нравов общества. То есть фактически очень близок к тому, что принято ранее было называть традиционалистским консерватизмом. Практической задачей культурных консерваторов, по его мнению, является сохранение культуры, которая является неотъемлемой частью общества и человеческой природы. Сама культура по словам американского консерватора связана с образом мышления и поведения конкретного народа. Она также связана с моралью и привычками, которые передаются по наследству, содержит в себе стандарты и правила. Р. Кирк подобно Р. Скрутону и П. Денину указывает на неразрывную связь между «высокой культурой» и «общей». По его словам высокая культура должна возвращаться на общей культуре народа и задавать высшие стандарты морали и саморазвития, к которым должны стремиться представители народа. Важнейшим отличием культурного консерватизма Кирк называет её акцент на культуре, а не на политике или экономике. Либерализм же, учитывающий лишь экономические соображения, не способен решить проблемы «пролетаризации культуры», который с точки зрения американского философа, скорее, является

антикультурой, а идеология эмансипации приводит к упадку культуры и может привести к разрушению социального порядка, который с ней связан¹³².

Джон Грей отмечал, что одна из важнейших проблем либерализма (как, впрочем, и социализма) лежит в том, что его методология и базовые представления опираются на идеи и принципы Просвещения, которые в настоящее время переживают период кризиса. Однако консерватизм в классической своей форме также не способен дать ответ на новые вызовы. Более того, Грей делает замечание в отношении классического консерватизма на Западе, что «гегемония неолиберальной идеологии в консервативной мысли и политике имеет настолько абсолютный характер, что сегодня нет ни малейшей исторической – политической или интеллектуальной – возможности возвращения к традиционному консерватизму»¹³³. Это английский философ говорил о ситуации, в которую попал западный консерватизм в конце XX века. Однако тот же культурный консерватизм, тем не менее, ищет новые рецепты для «возрождения» или «сохранения» тех институтов и ценностей, которые могут быть (или были) утеряны и противостоит дальнейшим тенденциям, подрывающим основы существования общества и утраты духовных и материальных ресурсов, необходимых для его воспроизводства. Неоконсерватизм же, который фактически представляет собой форму либерализма, нежели консерватизма, страдает теми же недостатками, что и рыночный либерализм, так как мало внимания уделяет конфликту между рыночными интересами и спецификой отдельных культур. Неоконсерватизм, по мнению Дж. Грея, представляет собой «одну из разновидностей проекта всеобщей эмансипации и единой цивилизации, выдвинутый Просвещением»¹³⁴. Английский философ видел в необузданных рыночных механизмах те силы, которые привели к уничтожению тех институтов и практик, которые когда-то

¹³² Kirk R. The Cultural Conservatives // The Heritage Lectures. 1988. №151. URL: https://thf_media.s3.amazonaws.com/1988/pdf/hl151.pdf (дата обращения: 21.07.2022).

¹³³ Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. С.8.

¹³⁴ Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. С.8.

защищали традиционные консерваторы. Далеко не все культурные консерваторы могли бы согласиться с такой радикальной оценкой даже в отношении западных стран, о которых и говорил Грей. Ведь ряд социальных институтов, ценностей и практик, таких, как семья, мораль (в христианской форме), остались и не перестали выполнять свою важнейшую роль, хотя и претерпели некоторые (порой весьма значительные) изменения. Приоритетные для консерваторов ценности, связанные с дисциплиной, ответственностью, свободой, традициями могут поддерживаться и сейчас. Сам Грей также не ставит крест на попытках исправить социально-политическую ситуацию, возникшую под воздействием проекта Просвещения, предлагая свой альтернативный вариант либерального консерватизма, опирающийся на идеи ценностного плюрализма (агональный либерализм), постмодернистскую оппозицию крайнему рационализму и консервативно-коммунитарную критику методологических оснований договорных концепций, а также антимиелиоризм, антиуниверсализм и примат культурных форм (то есть акцент на зависимости политических структур и рыночных институтов от культуры, которой они служат).

Одну из современных постлиберальных концепций также предложил в своей работе «Почему либерализм потерпел неудачу?» Патрик Денин. Он во многом повторяет идеи Джона Грея. Критикует крайний индивидуализм, методологические, антропологические и аксиологические основания либеральной концепции, уделяет внимание критике прогрессистских теорий с их идеалами эгалитаризма и эмансипации. Денин рассматривает либерализм и прогрессизм (леволиберализм) как «антикультуру»¹³⁵. Претензии либеральной теории на универсальность, по его мнению, являются главной угрозой для традиционных локальных культур, содержащих в себе механизмы, культивирующие ответственность, преданность сообществу, чувство долга, моральные принципы. Он также делает акцент на традиционном понимании свободы как самоуправления на уровне отдельного индивида. Такая свобода

¹³⁵ Deneen P. J. *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.

может рассматриваться как следствие воспитания в человеке добродетелей, ответственных за самодисциплину, контроль над своими желаниями. На уровне же общества свобода как самоуправление должна пониматься как свобода сообществ от деспотии и крайнего политического монизма и централизации. Оба этих уровня (общественный и индивидуальный) самоуправления взаимосвязаны и поддерживают друг друга, так как самодисциплина позволяет людям быть ответственными перед друг другом, осознавая свои обязанности. В то же время свобода сообществ позволяет сохранять независимость от центральной власти и предотвращать деспотизм и тиранию¹³⁶. Подобно Грею Денин видит в «рыночной логике» опасность для традиционных ценностей сообществ и потому старается избегать идеализации свободного рынка, хотя, как и Грей, Скрутон и другие культурные консерваторы, признает его ценность как механизма обеспечения общественного благосостояния и эффективного распределения материальных ресурсов.

Далеко не все культурные консерваторы однозначно согласны с тем, что именно свободный рынок является источником подрыва традиционных институтов и ценностей. Либертарианские культурные консерваторы, напротив, видят источник опасности в государстве, которое ответственно за разрушение стимулов, связанных с ними ценностей и норм (институтов). Эта проблема и спор между «рыночниками» и «государственниками» будут подробнее освещены в следующем пункте и следующей главе, они касаются конкретных методологических позиций и сформулированных на их основе аргументов с конкретными выводами, которые дают возможность говорить о различных теоретических моделях культурного консерватизма. Здесь стоит лишь предварительно отметить, что культурные консерваторы не отрицают важнейшей роли рынка как механизма перераспределения материальных ресурсов (в этом плане абсолютное большинство из них являются

¹³⁶ Эту концепцию и аргументацию в её пользу Патрик Денин заимствует у американского консерватора и социолога Роберта Нисбета. Сам же Нисбет в своих работах опирался на труды Алексиса де Токвиля, Эдмунда Бёрка, а в качестве основного оппонента рассматривал Жан-Жака Руссо.

«рыночниками»), однако многие из них обращают внимание на возможные негативные последствия свободного рынка, особенно те, которые каким-то образом могут привести к распаду институтов, иногда даже тех, без которых сам рынок невозможен. А так как большинство из них убеждены, что рыночные механизмы опираются на определенные ценности и вплетены в сеть институтов, характерных для конкретных культур, которые они и должны обслуживать, они должны не разрушать их, а поддерживать и приносить ту пользу, которая от них требуется. В этом плане даже консервативные либертарианцы, являющиеся противниками государства, осознают, что отсутствие определенных ценностей и норм, связанных с ответственностью, долгом, семьей и так далее, способно привести не только к кризисным явлениям в обществе, но и к проблемам нормального функционирования рыночных механизмов вплоть до их полного уничтожения. Ещё М. Вебер и А. Смит в своих работах отмечали, что само функционирование рынка напрямую связано с ценностями и нормами, которые являются составными элементами морали, характерной для западных культур¹³⁷.

Ещё одним фактором, оказавшим влияние на становление культурного консерватизма можно считать концепции, связанные со столкновением цивилизаций. Один из главных авторов данной концепции Самюэль Хантингтон отмечал, что в современном мире «культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта»¹³⁸. Таким образом, для многих из консерваторов стала актуальной проблема сохранения культурной идентичности. У культурных консерваторов можно встретить обширную критику мультикультурализма, рассуждения о важности сохранения национальной культуры и идентичности, а также описание различных способов и методов, необходимые для этого.

¹³⁷ Речь идет о работах «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера и «Теория нравственных чувств» Адама Смита.

¹³⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С.15.

Таким образом, культурный консерватизм представляет собой форму консервативной политической теории и философии, для которой характерна культуроцентристская тенденция. Одной из главных задач современного культурного консерватизма является обоснование того, как «неравенства, которые естественным образом возникают из консервативных ценностей, обретают легитимность в практиках собственной культуры»¹³⁹. Это требует не просто описания реальных фактов о том, почему в некоторых обществах неравенства не вызывают протестов среди большинства населения, но также и обоснования того, почему неравенства следует считать справедливыми или способствующими достижению тех или иных целей (блага, социального порядка, мира и так далее). Ещё одной задачей, которая стоит перед культурными консерваторами является определение роли государства, рынка и гражданского общества в поддержании/уничтожении традиционных институтов и ценностей. Именно в отношении этого вопроса культурные консерваторы занимают диаметрально противоположные позиции. Если в отношении гражданского общества большинство консерваторов сходятся на том, что оно является источником тех ценностей и институтов, за которые выступают консерваторы, то рынок и государство оцениваются ими совершенно по-разному. Для одних полная свобода рынка – причина уничтожения традиционных институтов, разрушения традиций и сообществ. Для других государство – главный механизм, подрывающий процессы спонтанного порядка, которые являются источником отбора традиций, а также институтов, которые существуют благодаря традициям и проверенным временем правилам. Третья задача, стоящая перед культурными консерваторами, состоит в том, чтобы объяснить, каким образом необходимо выстраивать отношения между культурами одного порядка (например, между разными локальными культурами в одном государстве) и разного порядка (например, между национальной и локальными культурами).

¹³⁹ Rayner J. *Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism*. P. 455–473.

Эти задачи могут по-разному решаться в рамках различных теоретических моделей культурного консерватизма. В рамках данного исследования мы предлагаем выделять три основные группы моделей культурного консерватизма: коммунитарную, либертарную (либертарианскую) и радикально-коммунитарную. Методологический индивидуализм либертарных моделей противопоставляется холистическому подходу коммунитарных (националистических, плюралистических, национальных). Более детальный анализ обозначенных теоретических моделей представлен в главе 2. В рамках данной главы стоит сделать акцент на общих базовых принципах культурно-консервативных теорий

1.4 Базовые принципы культурного консерватизма

Центральной чертой культурного консерватизма можно назвать его *культуроцентризм*. Особое место, которое данный тип консерватизма уделяет культуре, её сохранению и защите, связано с её основными функциями. Наиболее важными для культурных консерваторов можно считать нормативно-регулятивную и ценностно-смысловую функции.

Первая связана с системой правил и норм, которые регулируют жизнь индивида, сообществ и общества в целом. В рамках культуры определяются конкретные стандарты, задаются необходимые ограничения, которые призваны дисциплинировать человека, приучить его управлять своими желаниями, тем самым, подавляя негативные проявления животной природы в человеке.

Ценностно-смысловая функция культуры связана с тем, что в рамках неё создаются смыслы и ценности¹⁴⁰. Общая культура также придаёт смысл институтам и практикам, которые опосредуют взаимоотношения людей. Для некоторых из культурных консерваторов (государственно-ориентированных)

¹⁴⁰ Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society. 1995. Vol. 22, № 2. P. 189–211.

государство выступает как высшее выражение общей культуры, его задачи связаны с её защитой от внутренних и внешних врагов. Для либертарных культурных консерваторов, напротив, общая культура наилучшим образом формируется и поддерживается при минимальном государстве или при его отсутствии. Данный вопрос поэтому является дискуссионным. Общим же для консерваторов можно считать саму роль культуры, выраженную в ценностно-смысловой и иных функциях. По Роджеру Скрутону культура может быть понята как совокупность ценностей и практик, наделяющих мир смыслом.

Аристотель указывал, что эвдемония может быть достигнута, только тогда, когда мир рассматривается с позиции ценностей. Коммунитарные консерваторы, опирающиеся на концепцию «сконструированного Я», делают особый акцент на взаимосвязи между идентичностью индивида и выбираемыми им целями. Например, коммунитарный консерватор Р. Скрутон критикует либеральный «поиск смысла вне сообщества», а также марксистские поиски смысла в обществе будущего. Он считает, что для того, чтобы избежать ситуации отчуждения, которую он связывает с чувством бессмысленности, индивид должен быть интегрирован в общество, в котором функционируют смыслы и ценности, заключенные в социальных практиках. На этом же делает акцент и другой консервативно-коммунитарный исследователь Роберт Нисбет, который указывает на связь между функцией и ролью человека в сообществе с осознанием им смысла своей жизни. Таким образом, процессы, посредством которых смыслы создаются в мире, лишённом внутреннего смысла, становятся одной из главных забот культурных консерваторов. И наиболее продуктивные варианты решения данной проблемы представлены в концепциях коммунитарного культурного консерватизма.

Особой ролью, которую культурные консерваторы отводят ценностно-смысловой функции культуры, можно также объяснить их ностальгию по религии. Десакрализация современного мира породила проблемы нигилизма, подорвала метафизические основы морали и социального порядка. Макинтайр, например, в своей работе «После добродетели» дал характеристику беспорядку,

который обнаруживается в современных этических воззрениях после отказа от телеологической этики.

Джон Грей также делал акцент на данной функции культуры и считал одной из основных задач консервативной политики смягчение «опустынивания» реальности, изъятия из неё смысла. Айленд, анализируя идеи Грея и Скрутона проводит сравнение консерватизма с постмодернизмом, отмечая их схожие черты, связанные с критикой рациональности и идеалов Просвещения, а также с критикой идеи прогресса как суррогата духовного смысла ¹⁴¹. Различия же между постмодернизмом и консерватизмом метафорически можно описать так: при «столкновении с нигилистической бездной консерватор отступает к безопасному миру прошлого, а постмодернист переступает через край»¹⁴². Таким образом, постмодернистская деконструкция приводит лишь к дальнейшему утверждению нигилизма и не способна породить новые смыслы. И даже если из постмодернистской философии такие смыслы и ценности будут выведены, её метод деконструкции легко может быть направлен на их разрушение.

Также среди консерваторов одной из наиболее важных можно назвать воспитательную функцию культуры, так как она связана с формированием добродетелей. Консерваторы в этом плане нередко отсылают к идеям Платона и Аристотеля. Патрик Денин, анализируя политические и моральные идеи античных философов, отмечал, что обуздание тирании (как внутренней, под которой понимается тирания влечений и «аппетитов», так и внешней (тирания политическая), то есть подчинение власти желаниям одного человека) – центральная задача классической политической философии¹⁴³. Действительно, в «Государстве» Платона мы находим описание системы подготовки и воспитания стражей, в которых должны оформиться добродетели мужества,

¹⁴¹ Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism. P. 196.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Deneen P. J. Why Liberalism Failed. P. 22.

мудрости, умеренности и справедливости. Каждое сословие также должно воспитывать в себе определённые добродетели в целях обеспечения общего блага, которое гарантируется справедливым устройством общества. У Аристотеля в трактатах «Политика» и «Никомахова этика» представлен взгляд на общество и государство как на союз людей, представляющий собой органичное целое, в котором люди благодаря воспитанию и проявлению добродетелей обеспечивают достижения блага. Античные философы создавали классификации форм правления с учётом наличия или отсутствия у правящей верхушки определённых добродетелей. И именно тирания у них оказывалась наиболее плохим способом управления, так как опиралась на неограниченные желания тирана. При этом греки подчёркивали не только, и не столько важность институциональных ограничений, сколько моральных. Монархия почиталась ими в качестве одной из наилучших форм правления, хотя и была связана с единоличным правлением, но её преимущество является то, что осуществляется такое правление добродетельным правителем. Римская и христианская культуры сохранили акцент на культивировании добродетели в качестве основного инструмента защиты свободы от тирании.

Воспитательная функция культуры реализуется в обществе посредством системы образования и воспитания и является одной из самых актуальных для культурных консерваторов. Однако среди них нет однозначного единого мнения относительно вопроса о том, как должна быть организована данная система, какова должна быть роль государства и степень его регуляции данной сферы. Однако всех их объединяет мнение, согласно которому образовательная система должна способствовать формированию в гражданах добродетелей, ценностей с опорой на традицию общества и с учётом традиций локальных сообществ.

Интегративная функция культуры важна с точки зрения консерваторов, так как ценности, лежащие в её основе объединяют людей, формируют в них чувство идентичности, принадлежности. В то же время соблюдение общих традиций, обычаев, участие в общих практиках и институтах, которые

производят и одновременно поддерживают ценности, формирует чувство общей ответственности¹⁴⁴. Акцент на этой функции культуры особенно характерен для сторонников коммунитарных моделей культурного консерватизма.

Со всеми вышеперечисленными тесно связана транслирующая функция культуры, связанная с передачей ценностей, практик посредством традиций, обычаев и привычек, что обеспечивает преемственность поколений и ту необходимую связь между ними, о которой упоминал Эдмунд Бёрк, когда предлагал рассматривать общество как ассоциацию (договор) между живыми, мёртвыми и ещё не рождёнными. Таким образом, культура, опирающаяся на традицию способна обеспечить связь между предками и потомками, оформляя сообщество, основанное на темпоральной преемственности и взаимной ответственности. Это позволяет в каждом члене общества сформировать ощущение, «что человек относится к некоей непрерывной и уже до него существовавшей общественной системе»¹⁴⁵. Поэтому культура может рассматриваться как практика полной темпоральности, соединяющая настоящее с прошлым и будущим.

Нашей задачей здесь не является перечисление и выделение всех возможных функций, мы лишь сделали акцент на тех, которые наиболее часто подчёркиваются культурными консерваторами. Но сам по себе акцент на культуре мало чего говорит о том, какой она должна быть. Ведь она может претерпевать изменения, а среди консерваторов нередки разговоры о кризисе, деградации, упадке современной культуры. Поэтому следует отметить, что существует некоторое нормативное представление о том, какой должна быть культура, чтобы в ней максимально реализовывались те функции, о которых было сказано выше. Только та культура, которая в полной мере может реализовывать названные функции, и может быть названа с консервативной точки зрения «истинной культурой» или просто «культурой». Поэтому

¹⁴⁴ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.142–145.

¹⁴⁵ Scruton R. The Meaning of Conservatism. Harmondsworth: Penguin, 1980. P. 21.

консерваторы нередко без пояснений употребляют понятие «культура». В отношении же состояния общества, при котором культура перестаёт выполнять свои функции культурные консерваторы нередко используют понятие «антикультура». Роджер Скрутон подчёркивает, что именно «здоровая» культура способна выполнять вышеописанные функции: «Культура» – это способ передачи привычки суждения из поколения в поколение. Эта привычка жизненно важна для нравственного развития и является основой обрядов посвящения, знаменующих переход молодых людей из юности во взрослое состояние и взятие на себя бремени взрослой жизни. Здоровое общество требует здоровой культуры...»¹⁴⁶. «Здоровая культура» ассоциируется культурными консерваторами с другими социальными ценностями и идеями. Прежде всего, речь идёт о ценности порядка, свободы как самоуправления, ценности идентичности и критике прогрессизма (эгалитаристско-эмансипирующей ценностной установки).

Социальный порядок. Так какой же должна быть культура с точки зрения культурных консерваторов? Безусловно, консерваторы рассматривают в качестве возможных различные формы культур, которые могут различаться у разных народов. Однако важнейшая роль культуры для культурных консерваторов состоит в том, что она должна быть способна поддерживать социальный порядок. Поэтому ориентацию на социальный порядок можно назвать второй базовой аксиологической культурно-консервативной установкой. Поддержание порядка, связанного с сохранением мира и безопасности, а также с возможностью воспроизводства общества (сообществ, нации), является приоритетной политической ценностью для консерваторов. Все те функции культуры, которые мы выделили, позволяют поддерживать порядок в обществе, обеспечивать его стабильное воспроизводство.

Культурные консерваторы больше заботятся о сохранении социальных связей, формирующих социальный порядок, нежели о справедливости. Порядок связан с сохранением социального как такового, а справедливость является

¹⁴⁶ Скрутон Р. Как быть консерваторов. С.161.

проектом абстрактного характера ¹⁴⁷. Сохранение социального порядка ассоциируется с институтами, поддерживающими стабильное развитие общества и его выживание. Эти институты встроены в культурные практики и согласуются с ценностями общества.

Антиэгалитаризм и справедливость. Порядок в представлении консерваторов связан с иерархией. А искусственное уравнивание в эгалитарных целях, особенно там, где сложившиеся неравенство является естественным результатом различий и формируется спонтанным образом, является нарушением принципа, лежащего в основе социального порядка. Поэтому ещё одной чертой культурного консерватизма является *антиэгалитаризм*. Большинство современных культурных консерваторов признают необходимость юридического равенства, нередко критически относятся к требованиям социально-экономического равенства ¹⁴⁸ и совершенно не приемлют эгалитаристские устремления, связанные с позитивной дискриминацией, требованиями политкорректности, борьбой с дискриминацией посредством государства. Культурный прогрессизм может быть понят как «сильная» форма эгалитаризма, предполагающая естественное равенство людей, которое было искажено социально-культурными практиками, дискриминацией и несправедливостью. Данная форма эгалитаризма предполагает эмансипацию, освобождение от традиций, требований традиционных институтов и норм, которые поддерживают неравенство. Это отличает её от «слабой» формы эгалитаризма, исходящей из предпосылки о

¹⁴⁷ Woods T. E. Defending the «Little Platoons»; *Communitarianism in American Conservatism* // *American Studies*. 1999. Vol. 40, № 3. P.128.

¹⁴⁸ Отдельные направления культурно-консервативных концепций, в которых критикуется рынок и капитализм, предполагают довольно широкие социально-экономические меры, направленные на улучшение жизни для достижения благосостояния нации, сообщества. Однако они не отрицают наличие различий, которые существуют между людьми и иерархий, выстраиваемых на принципах меритократии или достоинств. Более того, культурные консерваторы, выступающие за достижение социально-экономического благосостояния и улучшения жизни всех членов общества и широкие государственные меры, резко критически относятся к эгалитаристским мерам культурных прогрессистов. Поэтому антиэгалитаризм культурных консерваторов не представляет собой простого оправдания любого существующего неравенства, а является установкой в отношении эгалитаристской идеологии культурных прогрессистов.

моральном равенстве людей, рассматривающей общественные институты не как источник неравенства, а как инструмент, который следует направить в нужное «русло» в целях устранения природных несправедливостей через систему перераспределения экономических благ. Культурный прогрессизм же не ограничивается перераспределительной политикой, он также нацелен на реализацию культурной политики в целях исправления социальных механизмов для обеспечения эмансипации и равенства. Тем не менее, обе формы эгалитаризма в той или иной форме критикуются различными культурными консерваторами, так как они могут поддерживать друг друга и дополнять. Поэтому одной из ключевых аксиологических, теоретических и практических установок культурных консерваторов является антигалитаризм, который лежит в основании консервативного стиля мышления в целом, являясь «метафизическим» элементом консервативной философии.

Антиэгалитаризм культурного консерватизма проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, в рамках культурно-консервативных теорий существует представление о «естественном порядке». Этот порядок некоторыми консерваторами описывается как «трансцендентный», не постигаемый полностью человеческим разумом, но оказывающий влияние на практическую деятельность людей¹⁴⁹. Х.-Х. Хоппе, подчёркивая особую значимость данного метафизического представления для консерваторов, отмечает: «консерватор – это тот, кто верит в существование естественного порядка, естественного положения дел, которое соответствует естественным явлениям природы и человека». Иерархия как формальное воплощение естественного порядка актуализируется и материализуется в семье и сообществах, опираясь на отношения, основанные на духовно-интеллектуальном авторитете¹⁵⁰. Консерваторы рассматривают социальную реальность как состоящую из огромного числа различных уникальных и неповторимых элементов:

¹⁴⁹ Kirk R. The conservative mind: from Burke to Eliot. P.18.

¹⁵⁰ Hoppe H.-H. Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. New Brunswick: Transaction Publishers, 2007. P.188.

отдельных индивидов, культур, сообществ, наций. Эти элементы не могут быть сведены к чему-то единому и гомогенному. Отсюда принципиальный антиуниверсализм, антиглобализм большинства культурных консерваторов. К некоторым консервативным теориям применяют термин «номинализм», чтобы подчеркнуть их антиуниверсализм, к которому примыкают идеи о естественных различиях и неравенстве людей¹⁵¹. Специфика и различия порождают как вертикальную, так и горизонтальную дифференциацию, воплощенную в социально-экономической, политической и иных иерархиях. Таким образом, иерархии являются неотъемлемой частью естественного порядка. Борьба с естественными иерархиями в эгалитарных целях рассматривается как «бунт против природы»¹⁵². М. Ротбард указывает, что стремление к ликвидации неравенства и различий должно рассматриваться, как аморальное предприятие, так как подрывает основы порядка, лежащего в фундаменте цивилизации. Устремления эгалитаристов он считает бунтом против онтологической структуры самой реальности¹⁵³. Позиционирование неравенства как «естественного» явления, а также критика эгалитаристских идей о необходимости борьбы с таким неравенством на культурно-ценностном и политическом уровне являются общим элементом культурно-консервативных теорий. Представление о «естественном» порядке с присущей ему «естественной» иерархией, опирающейся на «естественные» различия людей являются базой для системы аксиологических установок культурного консерватизма. Эти установки находятся в оппозиции к идеалам эгалитаризма и эмансипации, разделяемым сторонниками культурного прогрессизма.

Второй аспект консервативного антиэгалитаризма связан с аксиологическими принципами. Культурно-консервативные теории опираются

¹⁵¹ Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены истории». С.156.

¹⁵² Иерархии, возникающие путём несправедливости, прихода «недостойных» к власти рассматриваются культурными консерваторами, неприемлемыми. Поэтому консерваторы пытаются обосновать различные критерии легитимности неравенств, включая не только политические, но и социальные, экономические, культурные неравенства, существующие в обществе, а также критерии делигитимации различных иерархий.

¹⁵³ Rothbard M. N. *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. 321 p.

на ценности авторитета и дисциплины, ответственности и преданности, профессионализма и совершенствования (заслуг), ориентацию на долг и обязанности.

Авторитет и дисциплина имеют важнейшее значение для консерваторов, так как помогают обеспечить поддержание порядка, основанного на уважении к заслугам, духовному и интеллектуальному совершенствованию¹⁵⁴.

Ответственность и преданность являются ключевыми установками для консерваторов в целом¹⁵⁵. Ответственность перед предками и потомками, перед семьёй и согражданами является моральным ориентиром, который направляет нас на совершенствование и деятельность во благо людей и сообществ, с которыми мы связаны и которым мы преданы. Преданность создаёт уважение к тем, кто стоит выше по иерархии, к тем, кто внёс большой вклад в развитие общества и/или государства и заслужил тем самым своё положение.

Профессионализм и совершенство(вание) – ценности культурного консерватизма, которые предполагают неравенство. Совершенствование приводит к образованию естественных элит и защищает общество от единообразия и стандартизации. Совершенство в чём-либо – результат стремления к превосходству. Цивилизация зависит от поощрения, признания и вознаграждения способных людей¹⁵⁶.

Культурно-консервативные аксиологические установки можно подкрепить коммунитаристской концепцией добродетелей А. Макинтайра. В ней добродетели рассматриваются как важнейшие инструменты совершенствования в рамках практики. Они же являются условием достижения внутренних благ практик¹⁵⁷. Сами практики включают в себя стандарты совершенства, которые

¹⁵⁴ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. С.323.

¹⁵⁵ Константинов М.С., Николаев И.В. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма // Политическая концептология. 2013. №4. С.213–226.

¹⁵⁶ Mallock W.H. Labour and the Popular Welfare. London: Adam and Charles Black, 1895. P.33.

¹⁵⁷ Константинов М.С. Коммунитаристская критика либеральной концепции моральной нейтральности // Политическая концептология. 2013. №4. С.245.

необходимо принять для начала практики ¹⁵⁸. Проблема формирования добродетелей является важной частью культурно-консервативных концепций, чаще всего речь идёт о добродетелях умеренности, самоограничения, благоразумия и так далее. Добродетели дисциплинируют человека, формируют чувство ответственности и уважения к морально-духовному и интеллектуальному совершенству.

Также к аксиологическому аспекту, связанному с антиэгалитаризмом консерваторов, можно отнести их представление об абсолютных ценностях красоты, знания (истины) и силы (здоровья). Именно то, что связано с этими ценностями должно иметь безусловный ценностный приоритет над тем, что представляют их противоположности. По Р. Скрутону любая форма равенства, кроме равенства перед законом, должна рассматриваться как бессвязная и нежелательная. Естественные неравенства в талантах, способностях, качествах порождают социальное неравенство, поэтому иерархии и преимущества одних по отношению к другим неизбежны. Думать иначе с точки зрения Скрутона – значит не замечать, что ум, сила и красота более привлекательны, чем глупость, слабость и уродство. Поэтому невозможно сохранить консервативное отношение к порядку, власти и учреждениям, не рассматривая стратификацию как естественную часть стабильного социального и политического порядка ¹⁵⁹.

Таким образом, на уровне ценностей имеет смысл ориентироваться на заслуги, авторитет, поощрять идеалы совершенства и добродетелей, приводящих к успеху в рамках практик ¹⁶⁰. Напротив, состояние культуры, при котором не существует различий между успехом и неудачей, поощряются уравнилельные практики, направленные на отказ от оценивания, дифференциации и ранжирования, культурные консерваторы рассматривают как несущие угрозу обществу, его стабильному развитию. Поэтому эгалитаризм

¹⁵⁸ MacIntyre A. The Nature of the Virtues // The Hastings Center Report. 1981. Vol.3. №2. P. 28–32.

¹⁵⁹ Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. P.27–28.

¹⁶⁰ Скрутон Р. В защиту элитизма / пер. Куртополова Д.В. // Studia Culturae. 2017. Вып. 4 (34). С.166–178.

как «прогрессистский» принцип и как идеал в культурной сфере, ориентирующийся на политкорректность, субъективизацию любой формы оценивания рассматривается культурными консерваторами как крайне негативное для общества явление. Помимо этого реализация эгалитаристского идеала через культуру возможна только за счёт ограничения свободы, прежде всего, свободы слова, так как политкорректность требует контроля в области языка, образовательных дисциплин и так далее.

Все культурные консерваторы разделяют положение о естественности и необходимости элит в обществе. Это положение имеет два аспекта. Во-первых, появление элит является неизбежным для любой социальной общности. Здесь нередко консерваторы ссылаются на «железный закон олигархии» Михельса, идею циркуляции элит В. Парето. Во-вторых, естественные элиты являются важнейшей частью социального порядка, обеспечивающей его сохранение, стабильность и постепенное развитие общества.

Р. Нисбет отмечает, что существование иерархий с выделением элиты и ранжированием социальных ролей в соответствии со статусом является необходимым элементом любого сообщества наряду с функцией, догмой, авторитетом, солидарностью и чувством групповой идентичности¹⁶¹.

Р. Кирк указывал на то, что «любая настоящая цивилизация должна избавить некоторых людей от необходимости работать руками, чтобы они могли участвовать в досуге, который является необходимой подготовкой к лидерству»¹⁶². Образование должно быть направлено на создание высоконравственных и высококвалифицированных кадров, из которых должна формироваться «естественная аристократия».

Культурные консерваторы противопоставляют естественные элиты искусственным элитам. Поэтому иногда некоторым радикальным культурным консерваторам в лице, например, американских палеоконсерваторов или

¹⁶¹ Sheahan L.C. Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism. Degree Awarded: Ph.D. Politics. The Catholic University of America. P.32.

¹⁶² Kirk R. The conservative mind: from Burke to Eliot. P.159.

европейских «Новых правых» приписывается антиэлитизм. Однако такая характеристика способна привести к крайне некорректному пониманию сути идей, лежащих в основе этих интеллектуальных и политических течений. Идеи обозначенных радикальных консерваторов являются философской и идеологической базой, подпитывающей современный правый популизм. Однако радикально-консервативная риторика направлена против элит, которые в консервативном дискурсе представлены как «искусственные», использующие свою власть для укрепления своих же позиций и распространяющие эгалитарные идеи, позиционируя их в качестве универсальных ¹⁶³. Формирование «естественных элит» затруднено полным контролем над доступом к власти со стороны «нового менеджерского класса».

Естественные элиты должны формироваться на основании принципа заслуг. Этот принцип имеет двоякое значение: моральное и прагматическое. Моральное значение этого принципа связано с тем, как А. Макинтайр описывал иерархии внутри практик, основанные на заслугах отдельных людей. Дж. Кекек добавляет, что оценка заслуг, приводящих к неравенству, также производится на основании конкретных отношений, соглашений, установленных между людьми, и конкретных действий. Качества людей также имеют значение при оценке заслуг. Оценкой заслуг занимается не только государство, но и гражданские ассоциации, которые перераспределяют значительную долю благ, что приводит к дифференциации граждан в отношении их доступа к благу и занимаемого социального положения ¹⁶⁴. Прагматическое значение этого принципа связано с тем, что он приводит к формированию естественных элит, состоящих из квалифицированных кадров, обладающих необходимым набором добродетелей и компетенций.

¹⁶³ Drolet J.-F. America first: paleoconservatism and the ideological struggle for the American right // Journal of Political Ideologies. 2009. URL: <https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/handle/123456789/56332>. P.6–7.

¹⁶⁴ Kekes J. Justice: A Conservative View // Social Philosophy and Policy. 2006. Vol.23. Issue 2. P. 101–103.

Культурные консерваторы рассматривают «прогрессистские» позитивные меры, связанные с групповым квотированием и так далее, как несправедливые и ведущие к разрушению механизмов продвижения внутри практик, основанных на заслугах.

Кроме того, любое групповое квотирование или система перераспределения ресурсов, опирающаяся не на принцип заслуг, а на принцип группового равенства, которое поддерживают некоторые эгалитаристы, создаёт разрушительные стимулы. Так, Х.-Х. Хоппе отмечает, что субсидии способны подорвать стимулы для выхода из неблагоприятной ситуации¹⁶⁵. Поэтому проблемы неблагоприятного положения людей могут ещё более усугубиться, а число подобных групп увеличиться. М. Ротбард, перенося логику стимулов на систему группового квотирования, дополнительно замечает, что она стимулирует возрастание количества групп и людей, которые претендуют и стремятся получить статус «угнетённых» или «дискриминируемых». Система позитивной дискриминации, нацеленная на исправление социальной несправедливости, способна порождать новые привилегии, оправдывая это эгалитарными целями. Как пишет М. Ротбард: «Получение ярлыка «официально угнетенный» дает право участвовать в бесконечном потоке благ – в деньгах, статусе и престиже... Неудивительно, что достижение статуса угнетенного требует большого давления и организованности»¹⁶⁶. То есть эгалитарные меры создают стимулы для попадания в группу «угнетённых» и, напротив, подрывают стимулы для исправления ситуаций путём собственных усилий, перекладывая это на плечи «угнетателей» или тех, «кому больше повезло», совершенно игнорируя вопросы о заслуженности или «незаслуженности» конкретными лицами своего положения¹⁶⁷.

Можно выделить несколько основных направлений критики эгалитаристского прогрессизма в культурно-консервативной критике: 1) анализ

¹⁶⁵ Hoppe H.-H. *Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order*. P. 196–198.

¹⁶⁶ Rothbard M. N. *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. P. 294–295.

¹⁶⁷ Kekes J. *Justice: A Conservative View*. P.103.

причин распространения эгалитаристских идеалов; 2) критика этатизма; 3) критика прогрессистской культурной политики; 4) критика прогрессистской концепции «социальной справедливости»; 5) критика претензий эгалитаристских теорий на этичность.

В качестве одной из причин распространения эгалитарных идеалов Р. Скрутон отмечает *ressentiment* как естественное недовольство различиями в социальном положении¹⁶⁸. Скрутон считает, что эгалитаристы, выступающие за полное экономическое равенство совершают ошибку, считая, что собственность основана на принципе «нулевой суммы», трактуя экономический успех одних достигается за счёт проигрыша других: если А богаче Б, то А стал богаче за счёт Б. При этом имплицитно допускается, что блага уже созданы и их осталось лишь справедливо перераспределить¹⁶⁹. С точки зрения Р. Скрутона, экономическое неравенство способно нарушить социальную гармонию, однако борьба с ним должна происходить за счёт благотворительности и инициативы самих граждан, а не путём государственного принуждения и системы перераспределения¹⁷⁰.

Р. Нисбет называет идею равенства «отправной точкой деспотизма», угрожающей свободе¹⁷¹. Требование равенства неизбежно связано с централизацией государства и этатизмом, так как воплотить его в жизнь возможно только посредством использования государственного аппарата. Идеал равенства имеет внутреннюю революционную силу, так как свободы и справедливости людям может когда-то хватить, а равенства как абсолютной цели невозможно достичь в полной мере, поэтому к нему можно прибегать, требуя изменить существующий порядок. Идея равенства питает сама себя как ни одна другая социальная ценность, приобретая черты религиозной идеи. Р. Нисбет описывает отдельные состояния общества как «ситуацию страдания»,

¹⁶⁸ Скрутон Р. В защиту элитизма. С.168.

¹⁶⁹ Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых / пер. с англ. Н. Глазков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С.193.

¹⁷⁰ Скрутон Р. Как быть консерватором. С. 56–57.

¹⁷¹ Nisbet R.A. The New Despotism // Studies in Social Theory.1976. №6. P.6.

которую постоянно пытаются преодолеть эгалитаристы. И если в более ранние времена подобную «ситуацию» олицетворял феодализм с его глубоким правовым неравенством, то сейчас её олицетворяет для эгалитаристов (культурных прогрессистов) капитализм. Особенно опасным выглядит требование равенства результатов и позитивные меры для его обеспечения. Р. Нисбет отводит большую роль в утверждении идеи равенства в качестве основополагающего ценностного ориентира прогрессизма Ж.-Ж. Руссо. В современной же политической философии эта идея выражена в эгалитарных требованиях теории справедливости Дж. Ролза. При этом Р. Нисбет отмечает, что Ролза в его теории не заботит вопрос о том, какой бюрократический аппарат и какая степень государственного вмешательства понадобится для воплощения принципов социальной справедливости в жизнь.

Согласно Р. Нисбету, когда естественные неравенства становятся объектом порицания, эгалитаристские требования быстро выходят за рамки экономики, и идеал равенства распространяется на культурную, социальную и психологическую сферы. При этом эгалитаризм и этатизм постоянно подпитывают друг друга: требование изменения общества в разных сферах с целью обеспечения равенства связано с необходимостью расширения центральной власти для претворения эгалитаристских идеалов в жизнь. В свою очередь всякой центральной власти в демократическом государстве выгодно поощрять принцип равенства, так как его практическая реализация облегчает, расширяет влияние центральной власти, уничтожая преграды на пути к равенству в виде сообществ и преданности людей к сообществам, в основании которых лежат иерархические принципы. Для демонстрации вышеописанной зависимости Р. Нисбет приводит слова Т. Джефферсона: «Государство, обладающее властью делать что-то для людей, имеет право делать что-то с ними»¹⁷².

Э. Бёрк отмечал, что гомогенизация посредством уравнивания граждан является показателем неумения проводить различия между группами людей по

¹⁷² Nisbet R.A. The New Despotism. P.25.

их моральным и интеллектуальным характеристикам. В конце концов, например, любые схемы уравнивания (экономические, социальные, культурные) «тянут вниз того, кто находится выше», они редко реально возвышают того, кто внизу, то есть опускают и верх и низ одновременно¹⁷³.

М. Ротбард подвергает критике претензии эгалитаристов на неоспоримость этического статуса равенства. Он отмечает, что истинная теория должна работать на практике: «Если этический идеал по своей сути «непрактичен», то есть если он не может работать на практике, то это плохой идеал, и от него следует немедленно отказаться»¹⁷⁴. Ротбард критикует равенство именно как идеал, возводимый культурными прогрессистами в абсолют. Сам он, как и другие культурные консерваторы, не выступает против достойной жизни большинства людей, а также мирного сотрудничества и согласия в обществе. Однако считает, что путём к этому состоянию, скорее является не стремление к уравниванию, особенно путём прогрессистских мер, а естественные механизмы конкуренции в разных сферах. В своей работе, посвящённой критике эгалитаризма он приводит серию аргументов, направленных на доказательство практической неприемлемости данного принципа. Чтобы данный идеал воплотить на практике, необходимо не просто произвести смену культурных ориентиров и ценностей, как считают прогрессисты. Для этого, с точки зрения Ротбарда, потребовалось бы изменить законы природы. Однако стоит отметить, что критика Ротбарда направлена, скорее, против тех эгалитаристов, которые исходят из положения о природном равенстве людей и считают, что различия в социально-экономическом положении обусловлены культурными факторами. Однако более умеренные эгалитаристы, в частности Дж. Ролз, признают природные неравенства и не считают их обусловленными исключительно культурой. Либеральный эгалитаризм опирается исключительно на принципы справедливости,

¹⁷³ Shehan L.C. Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke // Studies in Burke and His Time. 2019. Vol.28. P. 44

¹⁷⁴ Rothbard M. N. Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays .P. 1.

полученные рациональным методом и выведенные из гипотетического абстрактного положения при условии «завесы неведения». Ролзианский эгалитаризм и не претендует на то, на что претендуют сторонники радикального прогрессизма, считающие людей равными от природы, а неравенства социально и культурно сконструированными. Радикальные прогрессисты, стремящиеся через культурную политику, систему квотирования, требования политкорректности, реформы языка и подобные методы исправить «искусственное» неравенство наследуют идею Ж.-Ж. Руссо о природном равенстве людей¹⁷⁵. Именно им отвечает М. Ротбард в его критике идеала равенства. Если для культурных консерваторов общественное неравенство является естественным в силу того, что люди неравны от природы, то для эгалитаристов, напротив, любое неравенство является искусственным в силу того, что люди равны от природы, но общественное устройство на уровне социальных институтов и ценностей обеспечивает превосходство одних над другими¹⁷⁶. Культурные консерваторы опираются на идею о том, что традиционные ценности, институты и нормы, основанные на принципах авторитета, дисциплины и иерархий являются единственной формой, обеспечивающей выживание общества, его процветание. Культурные прогрессисты, опирающиеся на идеи левых социальных конструктивистов, постмодернистские концепции, теорию «культурной гегемонии» А. Грамши воспринимают традиционную культуру и ценности в качестве искусственно созданных идеологических инструментов оправдания системы неравенства и

¹⁷⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С.53.

¹⁷⁶ Однако у прогрессистов и у консерваторов чаще всего есть консенсус в отношении тех природных неравенств, которые существенно усложняют жизнь, но при этом являются результатом случайности. Например, речь идёт об инвалидности и так далее. Многие консерваторы выступают за различные меры поддержки в отношении таких лиц (от частной до государственной), признавая при этом необходимость создавать для них достойные условия жизни. Однако существенным здесь является тот факт, что состояние таких людей воспринимается как условие, накладывающее серьёзные ограничения на самостоятельное достижение ими благополучия без дополнительной внешней поддержки.

дискриминации. Поэтому ответ культурных консерваторов есть, прежде всего, ответ на эгалитаризм в неомарксистском варианте.

Иная консервативная критика эгалитаризма связана с ролзианским вариантом эгалитаризма. Однако теория Дж. Ролза имеет значительные отличия от стандартного прогрессистского варианта эгалитаризма, опирающегося на постмодернистские концепции, и потому требует совершенно иного подхода для критики.

Наиболее яркий пример критики эгалитарной справедливости представлен в работах Дж. Кекеса¹⁷⁷. Справедливость в консервативной интерпретации связана с неравенством, так как требует того, чтобы люди имели то, что они заслуживают и не имели того, чего они не заслуживают. Оценка заслуженного и незаслуженного должна производиться на основе конвенций, доказавших свою обоснованность путём проверки временем (традиционная мораль и ценности, которые разделяются большинством членов общества). Конвенции могут быть пересмотрены и реформированы. Они представляют собой условия сотрудничества людей, могут отличаться в различных обществах, так как не являются полностью идеальными. Конечная цель консерватизма – не в том, как сделать общество справедливым (так как добиться такой цели на практике невозможно), а в том, как его сделать менее несправедливым. При этом не требуется создания какой-либо теории справедливости, которой озабочены эгалитаристы. Большинство людей согласились бы с тем, что справедливость – состояние общества, при котором люди имеют то, что заслуживают (хорошие люди заслуживают хорошего, плохие – плохого), не имеют того, что не заслуживают. Задача консерваторов состоит лишь в том, чтобы напомнить то, что уже и так всем известно. Кекес отмечает, что справедливость в этом смысле несовместима с какими-либо современными эгалитаристскими взглядами на справедливость: «Поскольку

¹⁷⁷ Kekes J. Justice: A Conservative View // *Social Philosophy and Policy*. 2006. Vol. 23. Issue 2. P. 88–108; Kekes J. *The Illusions of Egalitarianism*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 228 p.; Kekes J. Objections to Democratic Egalitarianism // *Journal of Social Philosophy*. 2002. Vol. 33. № 2. P. 163–169.

наиболее широко распространённые современные взгляды на справедливость являются эгалитарными, преобладающий консенсус по поводу справедливости в своей основе ошибочен»¹⁷⁸. Дж. Кекес указывает также на несостоятельность и непоследовательность допущения о «моральном равенстве», которое делают эгалитаристы, использующие его для построения своих теорий справедливости, основанной на системе перераспределения. Он отмечает, что сторонники эгалитаризма зачастую не могут дать внятные ответы на вопросы о том, почему демократическое государство, построенное на эгалитарных принципах должно относиться ко всем своим гражданам с равной заботой и уважением, независимо от их заслуг (Кекес демонстрирует различными примерами в своих статьях, как сами эгалитаристы отходят от этого принципа, когда речь заходит о тех, кого они относят к группе «угнетателей», а также указывает на их необоснованное доктринёрство в защите кантовского принципа «морального равенства»). Другой вопрос, на который эгалитаристы не дают внятного ответа, почему демократическое государство должно относиться с равной заботой только к своим гражданам (конечно, его Кекес адресует именно тем эгалитаристам, которые мыслят масштабами своего государства, но при этом заявляют о «моральном равенстве» всех людей). Третий вопрос касается того, почему эгалитаристы редко прибегают к анализу неэгалитарных теорий, постулируя априорно наличие консенсуса в отношении равенства¹⁷⁹. Критика, представленная Дж. Кекесом в его работах демонстрирует более аргументативную форму критики эгалитарных и прогрессистских взглядов, и потому может рассматриваться как одно из наиболее серьёзных направлений антиэгалитаризма внутри консервативной традиции.

Свобода как самоуправление. Свобода для культурных консерваторов является результатом порядка как системы институциональных условий, обеспечивающих совмещение принципа защиты индивидуальных свобод и воспитания ответственности перед другими членами общества. Свобода в этом

¹⁷⁸ Kekes J. Justice: A Conservative View. P. 106–107.

¹⁷⁹ Kekes J. Objections to Democratic Egalitarianism. P.163–169.

смысле есть «развивающийся консенсус между индивидуальными и общественными интересами»¹⁸⁰. Консерваторы противопоставляют свободу как самоуправление свободе как эмансипации. Свобода как самоуправление возможна лишь в случае развития добродетелей, а потому нуждается в соответствующих институтах, воспитывающих индивидов через систему правил, которые индивиды усваивают в результате участия в социальных практиках. Таким образом, основным моральным ориентиром для консерваторов является ответственность¹⁸¹. Свобода как эмансипация (от традиций, предубеждений и других социально-культурных элементов) более характерна для прогрессистов и опирается на либеральное видение автономии, присущей индивиду, благодаря которой он может самоопределяться на основании собственного рационального выбора.

Для консерваторов либеральная свобода способна приводить к крайнему индивидуализму, атомизации общества, при которой индивиды ориентируются прежде всего на свои эгоистические интересы. В сочетании с этикой гедонизма это способно приводить к кризисным явлениям в обществе, подрыву институтов и деградации культуры. Однако стоит сделать оговорку. Далеко не все культурные консерваторы отрицают индивидуализм как таковой, так как он выступает частью культурных традиций, например, характерной для западных стран. Но он должен быть ограничен культурными и моральными нормами, включая традиции и обычаи.

Патрик Денин связывает появление либерального понимания свободы с появлением договорных теорий, в котором всё меньший акцент делался на воспитании добродетелей, а большее внимание уделялось личной автономии индивидов. В этом Денин видит негативное следствие договорных либеральных теорий, которые из изначально методологического инструмента переросли в способ понимания социальной реальности, но в котором консерваторы видят серьёзные ошибки и упрощения. В общем-то на это указывали и многие другие

¹⁸⁰ Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. P.17.

¹⁸¹ Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. P.20.

консерваторы, начиная с Эдмунда Бёрка, для которого свобода без мудрости и добродетели – это «величайшее из всех возможных зол, порок и безумие, не поддающиеся обузданию»¹⁸².

Либеральное переосмысление свободы вызвало революцию в области политических ценностей и ориентаций, так как вывело на передний план автономию индивида. При это Денин отмечает, что не стоит переоценивать вклад либерализма с его договорной теорией в развитие институциональных средств защиты от тирании. Большинство институтов, которые принято ассоциировать с либерализмом, возникли в долиберальную эпоху (концепция верховенства закона, отделения церкви от государства, разделение властей, органиченное правительство, защита прав личности, конституционализм и т.д.). Поэтому нет никакого смысла преувеличивать роль собственно либерализма как теории в формировании всех перечисленных концепций и институтов. Куда более серьёзным можно считать появления негативных социокультурных тенденций, связанных с переосмыслением свободы как эмансипации. Эмансипация, которая сочеталась с идеалом равенства была в первое время направлена на освобождение от политических институтов, ущемляющих их права. Однако затем, став тенденцией, эмансипация стала означать освобождение от традиций и культурных ограничений, которые являются механизмами воспитания добродетелей и поддерживают культуру. Поэтому полная личная автономия может интерпретироваться как продукт отказа от культуры. Поэтому либерализм (особенно в прогрессистской форме) и порождаемая им форма цивилизации связан, скорее, с антикультурой¹⁸³.

Традиционализм, традиционные ценности и мораль. Вышеперечисленные принципы культурного консерватизма могут рассматриваться как универсальные. Это означает то, что несмотря на различия в культурах, можно выделить некоторые принципы и ценности, которые имеют универсальный

¹⁸² Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. С. 355

¹⁸³ Deneen P. J. Why Liberalism Failed. P. 66–79.

характер для любых культур, так как от их соблюдения (поддержания) или несоблюдения зависит способность различных обществ сохранять свою культуру и тот социальный порядок, который она поддерживает.

Культурные консерваторы в качестве установки выдвигают именно акцент на традиции. Разные культуры предполагают разные традиции. Однако любая традиция представляет собой особый способ передачи социального знания, опирающийся на практику. Культурные консерваторы полагаются на традицию как на способ сохранения и передачи моральных и иных норм и ценностей, они отрицают моральный субъективизм, и потому акцентируют внимание на воспитании добродетелей, что невозможно вне определённых культурных практик, укоренённых в традиции.

Многие из культурных консерваторов допускают ценностный плюрализм, обусловленный спецификой различных культурных традиций. В связи с этим может возникнуть вопрос: не являются ли консерваторы на самом деле релятивистами в вопросах морали и ценностей? Некоторых из культурных консерваторов можно назвать релятивистами. В отношении других следует сказать, что они могут придерживаться как абсолютизма, так и некоторой промежуточной между релятивизмом и абсолютизмом концепции.

Консерваторы всегда позиционируют себя в качестве сторонников традиционной морали. Однако сама традиционная мораль может пониматься двояко: либо как образец морали, опирающийся на телеологию и священные ценности и противостоящий рационалистическим этическим теориям Просвещения (кантианская мораль автономного индивида, утилитаристская мораль), либо как специфическая моральная традиция конкретного общества. Однако, как указывает Дэвид МакФерсон, оба понимания должны быть признаны легитимными, а консерватор под традиционной моралью может понимать и то, и другое. Традиционная мораль конкретного общества даёт нам доступ к общей объективной универсальной морали. МакФерсон выдвигает тезис о конвергенции обоих пониманий: «Хотя существуют различные моральные традиции, поскольку они находятся в хорошем состоянии, мы

должны ожидать, что они сойдутся в общей или универсальной морали, даже если остаются некоторые различия в деталях»¹⁸⁴. Такая позиция представляет собой нечто среднее между ценностно-моральным релятивизмом и абсолютизмом и чаще всего самими консерваторами определяется именно как плюрализм. Джон Грей и Джон Кекес, будучи сторонниками ценностного плюрализма допускают существование некоторого универсального стандарта, применимого к некоторым ценностям. Однако такой стандарт является минимальным. На его основе можно установить некоторые универсальные и объективные ценности, необходимые для хорошей жизни, но стандарт не определяет все ценности, которых требует хорошая жизнь.

Среди консерваторов также есть те, кто занимают более радикальные позиции и кого можно назвать просто моральными абсолютистами. Например, к ним можно причислить Ханса-Херманна Хоппе, который в своих работах опирался на традиционные западные ценности как на универсальные и имеющие превосходство перед ценностями, моральными нормами и принципами других культур. Во многом схожий подход был и у его учителя Людвиг фон Мизеса. Обоих можно рассматривать как ярых апологетов западной цивилизации с её культурными достижениями.

Последний момент, который стоит отметить в обзоре основных принципов культурного консерватизма, связан с принципом органического естественного развития общества, его институтов и культуры.

Большинство культурных консерваторов согласятся, что культуры формируются постепенно, а их развитие связано со спонтанно выработанными традициями, обычаями и привычками, которые доказали свою пользу на практике и потому сохранились. Не будучи продуктом рационального расчёта традиционные ценности и практики сформировались «естественным» путём. Фридрих Август фон Хайек довольно подробно проанализировал данные процессы в своей работе «Пагубная самонадеянность», в которой он исследовал

¹⁸⁴ McPherson D. Traditional Morality and Sacred Values // Analyse & Kritik. 2017. Vol.39 (1). P.41-62. P.42.

процессы культурной эволюции, формирования ценностей, норм и институтов. Хотя сам Хайек отказывался от «ярлыка» консерватора, многие его рассуждения не только не противоречили, и даже, напротив, отражали способы мышления, свойственные консерваторам. Кроме того, другие консерваторы признавали огромный вклад Хайека именно в развитие консервативной мысли, прежде всего, это относится к Роджеру Скрутону. Особенно важной английский философ считал идею Хайека о том, что не только рыночные отношения формируются спонтанно, но также и такие важные культурные феномены, как мораль, право, обычаи. Причём подчеркивалось, что именно традиция имеет основополагающее значение для передачи знаний, норм и ценностей, благодаря чему культура выполняет свою транслирующую функцию. Правила, конституирующие сложившийся социальный порядок, не имеют прямой связи с инстинктом, но в тоже время не продуктами рационального планирования и установления. В этом смысле «традиционные, спонтанно появившиеся нормы морали совершенно естественны, а не искусственны и вполне уместно было бы их назвать естественным законом»¹⁸⁵. При этом эволюция традиционных правил занимает промежуточное место между процессами развития инстинкта и развития разума, их неправомерно рассматривать просто как продукт разума. Эта идея, представленная в работах Хайека отлично отражает консервативное понимание традиции, которая оформилось ещё во времена Эдмунда Бёрка. При этом она не отрицает, а, напротив, утверждает факт возможной эволюции. Кроме того, для консерваторов ценно то, что концепция Хайека по сути связывается с фактом необходимости принятия некоторых традиционных правил и ценностей, а также постулирует опасность кардинального пересмотра традиционных принципов в целях реализации какого-либо рационального плана по преобразованию общества в целях достижения каких-либо абстрактных целей. Фактически концепция спонтанного порядка Хайека даёт культурным

¹⁸⁵ Хайек Ф. А. фон. Пагубная самонадеянность. С. 247.

консерваторам две возможные опоры для аргументации. Во-первых, понимание традиционной культуры (совокупности традиционных правил, норм и основанных на них институтов и практик) как спонтанно сформированной и естественной (выведенной из опыта) может служить основанием для контраргументации против сторонников социального конструирования и рационального планирования (в том числе против прогрессистов, стремящихся путём планирования и реализации культурной политики средствами государства преобразовать существующие институты и имеющуюся систему ценностей в целях эмансипации, равенства, социальной справедливости, борьбы с патриархатом, гетеронормативностью, дискриминацией и так далее). Во-вторых, некоторые культурные консерваторы (особенно та часть, которая настроена с различной степенью скепсиса к государству) могут полагаться на идею о том, что при настоящем спонтанном порядке рынок уже ограничен культурными механизмами (моралью, обычаями, иногда правовыми нормами), которые также формируются спонтанно. Последняя идея, конечно, имеет куда больший дискуссионный потенциал и навряд ли может быть принята всеми культурными консерваторами. Однако даже её принятие не решает однозначно вопрос о соотношении рынка, государства и гражданского общества. Ведь если либертарные культурные консерваторы видят основную опасность для культуры, а, следовательно, и для общества в государственном вмешательстве в естественные (спонтанные) процессы, то националистически настроенные коммунитарные консерваторы и радикальные консерваторы, напротив, именно в неограниченном рынке видят опасность для традиционных культур. Нам видится, что ответ на вопрос о соотношении различных институтов в дискурсе полемики о сохранении и поддержании культуры, могут быть решены путём выработки компромиссного решения. Причём наша логика основана не просто на апелляции к «золотой середине», а на понимании сосуществования рынка и государства как двух взаимно поддерживающих друг друга институтов. Рынок (в том числе свободный, насколько это возможно в рамках современных национальных государств) является лишь инструментом, как и само

государство. Важно то, как и для каких целей эти инструменты используются и как они друг друга дополняют. Обычный антагонизм рыночного и государственного, политического и экономического может лишь упрощать реальное положение дел. Во второй главе мы сосредоточимся на анализе различных теоретических моделей культурного консерватизма. Наша задача будет носить теоретический характер, поэтому мы постараемся сделать акцент именно на концептуально-теоретических достоинствах и недостатках, проблемах и возможностях различных моделей.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

2.1 Основания выделения теоретических моделей культурного консерватизма

Для выделения и анализа теоретических моделей культурного консерватизма имеет смысл выделить в рамках культурно-консервативных теорий три уровня.

Первый уровень анализа связан с общими идейно-аксиологическими принципами, лежащими в основе культурной разновидности консерватизма. Исследованию этих принципов была посвящена первая глава, в которой мы отдельно проанализировали исходные основания консервативного стиля мышления, а также черты культурного консерватизма. Некоторые из этих черт, как было показано являются просто продолжением общеконсервативных установок. Другие же элементы являются специфическими именно для культурного консерватизма в отличие от других форм. Особенность же культурной формы связана с особым акцентом на культуре и вытекающей из него интерпретаций различных общеконсервативных аспектов, таких, как антиэгалитаризм, защита, сохранение (иногда возобновление) традиционных ценностей и морали, поддержание социального порядка. Этот уровень позволяет вычленить культурный консерватизм как отдельную форму консерватизма, отличную, например, от экономического консерватизма. Однако сам культурный консерватизм также может принимать различную форму в рамках разнообразных теоретических моделей.

Второй уровень анализа связан с методологическими основаниями. Политико-философские концепции культурного консерватизма можно поделить на либертарные и коммунитарные. Первые опираются на методологический индивидуализм, контрактуализм, дедуктивный метод, дополненный различными специфическими для конкретной исследовательской

традиции подходами (например, праксеология для мизесианского направления либертарианства). Вторые опираются на более холистические концепции, представления о социально и культурно сконструированной природе индивидов, критику контрактуализма и договорных теорий.

Третий уровень анализа связан с инструментально-политическими следствиями в рамках различных теоретических моделей. Так, например, коммунитарная методология может порождать несколько разновидностей теоретических моделей, которые будут различаться способами и инструментами, которые предлагаются для воплощения культурно-консервативных установок в жизнь. В рамках коммунитарного подхода можно выделить националистическую, национальную и плюралистическую модели, расположенные здесь в порядке уменьшения культурного и политического монизма, то есть влияния государства на локальные сообщества в политическом и культурном смысле. Можно также выделить радикальную коммунитарную модель, которую следует интерпретировать как крайнюю форму националистической модели. Таким образом, предварительно можно обозначить основные модели культурного консерватизма в виде таблицы (Таблица 2).

Таблица 2. – Модели культурного консерватизма в западной политической философии

Вид модели по методологическим основаниям	Подвиды по инструментально-политическим следствиям	Отношение к государству	Отношение к рынку и капиталистическим ценностям
Либертарная модель	Палеолибертарианство (правое либертарианство)	Радикальный антиэтатизм (анархизм)	Поддержка рынка и капиталистических ценностей
	Фузионизм	Минимальное и/или тринитарное государство	
	Традиционалистский либерализм		

Продолжение таблицы 2.

Коммунитарная модель	Консервативный плюрализм	Незначительное (стимулирующее) вмешательство государства в культурную сферу при сохранении культурной автономии локальных сообществ	Поддержка рынка, ограниченного местными и национальными культурными традициями
	Национальная модель (умеренно-коммунитарная / классический консерватизм)	Культурная политика в поддержку национальной культуры и идентичности (инклюзивный характер). Незначительное вмешательство государства. Сохранение автономии комплиментарных локальных культурных сообществ	
	Националистическая модель	Монистическая культурная политика государства. Поддержка единой национальной идентичности.	Контроль государства над рынком. Использование рынка в национальных целях.
	Радикальный консерватизм	Возможность эксклюзивной	Критика капиталистических ценностей. Инструментальная роль

		идентичности.	рынка. Возможность значительного государственного ограничения рыночных институтов
--	--	---------------	---

Таким образом, культурный консерватизм допускает возможности различных выводов относительно институтов и инструментов реализации политики и не подразумевает явно какой-то один способ политического воплощения. Наша задача – исследовать различные теоретические модели, проанализировав их на предмет обоснованности, а также на предмет возможных политико-инструментальных (институционально-инструментальных) решений.

2.2 Либертарианская модель культурного консерватизма

2.2.1 Базовые положения либертарианской политической философии

Либертарианство – это современная политическая философия, которая провозглашает свободу фундаментальной ценностью. Либертарианцы часто называют себя последователями классического либерализма, основоположниками которого можно считать А. Смита, Дж. Локка, Т. Джефферсона, Д. Юма. При этом сами либертарианцы противопоставляют себя эгалитарным либералам (Дж. Ролз, Р. Дворкин) и выступают либо за максимальное сокращение государства в жизнь общества, либо за его полное упразднение.

Непосредственный толчок к оформлению либертарианства как самостоятельного политико-философского и идейного течения дали работы представителей австрийской экономической школы Людвиг фон Мизеса и

Фридриха Августа фон Хайека, которые сами предпочитали называть себя классическими либералами.

Термин «либертарианство» стал использоваться с 1950-х годов для обозначения людей, которые поддерживали идею свободного рынка и политическую философию, основанную на этой идее. В 1972 году в США была основана Либертарианская партия, в названии которой используется слово «либертарианство».

При этом следует различать два разных направления, которые обозначаются термином «либертарианство». С одной стороны, можно говорить о правом либертарианстве, которое выстраивает свою философию и теорию вокруг идеи свободы и выступает за развитие капиталистических отношений при максимальном сокращении влияния государства. С другой стороны, существует левое либертарианство, которое помимо свободы ставит во главу угла социальное равенство, представителями которого являются Г.Штайнер, П. Валлентайн, Н. Хомский и другие¹⁸⁶. В отличие от левых либертарианцев правые либертарианцы не акцентируют внимание на достижении социально-экономического равенства, довольствуясь равенством правовым.

В рамках данного исследования мы будем использовать понятие «либертарианство» в значении «правого либертарианства», подразумевая политическую философию, которая отстаивает принципы личной, экономической свободы и права частной собственности. Основным принцип взаимоотношений между отдельными людьми, группами и даже государствами в рамках данной теории является принцип ненасилия.

Согласно Боузу «либертарианство можно рассматривать как политическую философию, последовательно применяющую идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, ограничивающих роль правительства более строго и защищающих свободу отдельного человека в большей мере, чем любые другие классические

¹⁸⁶ Vallentyne P., Steiner H., Otsuka M. Why Left-Libertarianism is not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant // *Philosophy&PublicAffairs*. 2005. 33 (2). P. 201–215.

либералы. Либертарианство стремится не к идеальному обществу, а к более совершенному и к более свободному обществу»¹⁸⁷. Последнее утверждение об отказе от построения идеального общества в определенном смысле сближает либертарианцев с консерваторами, которые стараются также избегать утопизма.

По мнению у. Кимлика, либертарианство можно интерпретировать через три основных подхода¹⁸⁸:

1. Либертарианство как защита свободного рынка и критика перераспределения посредством налогообложения (рынок справедлив по своей природе);
2. Либертарианство как теория общественного договора, обеспечивающего взаимную выгоду и основанного на условии отказа от агрессии и насилия;
3. Либертарианство как защита личной и экономической свободы (теория, в рамках которой свобода рассматривается в качестве высшей ценности, которая обладает приоритетом перед равенством).

В рамках современного либертарианства можно выделить два основных течения: минархистское и анархо-капиталистическое. Первое выстраивается вокруг идеи «минимального государства» как оптимального варианта политического устройства общества. Второе течение выступает с идеей полного упразднения государства и достижения анархического состояния общества, опирающегося на капиталистические и договорные отношения между отдельными индивидами и свободными ассоциациями.

Несмотря на различия, существующие внутри отдельных течений, можно выделить ряд базовых принципов и идей, характерных для обоих направлений либертарианства, которые были унаследованы ими от классического либерализма. Во-первых, это принцип индивидуализма в

¹⁸⁷ Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика / пер. с англ. М. Кистелова, А. Куряева. – Челябинск: Социум, 2014. С. 28–29.

¹⁸⁸ Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 140–188.

качестве методологической основы исследования общества и построения теории, при котором отдельный индивид рассматривается в качестве основной единицы анализа. Во-вторых, принцип защиты прав личности, под которыми понимаются естественные неотъемлемые права на жизнь, свободу и частную собственность. В-третьих, либертарианство опирается на идею спонтанного порядка, который возникает в обществе без целенаправленных усилий, обеспечивая координацию действий индивидов. В-четвёртых, основополагающим принципом либертарианства, как и классического либерализма, является верховенство права. В-пятых, принцип сокращения вмешательства государства в экономику и социальную сферу (либо путём полного упразднения государства, либо через обеспечение «ограниченного правительства»). В-шестых, принцип защиты свободного рынка, через поддержку и защиту прав частной собственности и свободных договорных отношений. В-седьмых, принципы ненасилия и естественной гармонии интересов¹⁸⁹.

Другим источником либертарианства, как уже было указано, являются идеи представителей австрийской экономической школы.

Одним из наиболее влиятельных представителей австрийской экономической школы можно считать Людвиг фон Мизеса, прославившегося работами, в которых представлена критика социализма и плановой экономики. В работе «Экономический расчёт в социалистическом хозяйстве» он показал, как отказ от принципа обмена в рамках плановой экономики приводит к невозможности экономического расчёта¹⁹⁰. Но Мизес не ограничивается лишь чисто экономической критикой. Более того, он считает критику, основанную лишь на экономических доводах несостоятельной, так как социализм привлекает людей не столько своей экономической теорией, сколько морально-этическими аспектами. Это делает особо интересным подход Мизеса в рамках

¹⁸⁹ Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. С. 18–22.

¹⁹⁰ Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек : пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Мысль. 2008. С.210.

нашего исследования и позволяет увидеть корни либертарианского культурного консерватизма. Подробнее о его культурных взглядах будет указано в следующих пунктах данного параграфа. Здесь же отметим лишь некоторые из критических моментов, которые отмечал Мизес в отношении социализма, которые также разделяются либертарианцами различных направлений.

Мизес предлагает рассматривать человеческие действия как разумные и ведущие к обмену одного состояния на другое, при котором все действия могут рассматриваться как следствия субъективной рациональной интерпретации потребностей, ситуаций и целей. Так как государство в рамках социалистической системы не опирается на принцип обмена, при котором экономика эффективно функционирует благодаря тому, что каждый участвующий в обмене индивид самостоятельно интерпретирует ситуацию и определяет потребности, оно необходимо будет ограничивать личную свободу людей, интерпретируя за них их потребности¹⁹¹.

Критика моральной стороны социализма, предпринятая Мизесом, подчёркивала также недостатки позиции, согласно которой проблема перераспределения благ должна решаться с моральной точки зрения, игнорируя вопросы производства и разделения труда. Социализм по Мизесу в силу проблемы невозможности в рамках данной системы экономического расчёта требует от человека вещей, противоположных его природе. При этом цели, которые преследуют социалисты, вынуждают их идти на ограничения свободы и применять насилие. Такова позиция Мизеса относительно моральной составляющей социализма.

Мизес также предлагал рассматривать общество не как самоцель, а как инструмент, при помощи которого индивиды достигают собственные цели. Единственным вариантом приемлемого общества является «сообщество воли», которое объединяет индивидов не на основе насилия и подавления, а на основе их свободного выбора и общих целей, интересов и так далее. Эта идея легла в

¹⁹¹ Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек. С. 210.

основу либертарианства. Она вытекает из принципов классического либерализма, но она же контрастирует с консервативными исходными основаниями. Поэтому принятие её либертарианцами, особенно теми, которые пытались произвести синтез консерватизма и либертарианства, можно считать одной из причин затруднений, с которыми сталкиваются либертарианские консерваторы и консервативные либертарианцы при формулировке своих концепций, о чём будет сказано в других пунктах данного параграфа. Хотя в то же время данная идея даёт возможность принять во внимания важность роли автономии, которая развивалась другими либертарианцами и отчасти была воспринята некоторыми западными консерваторами, но с определёнными оговорками.

Мизес также заложил основы методологии, которая получила развития в рамках некоторых либертарианских концепций, которые развивались другими представителями австрийской школы (прежде всего, М. Ротбардом и Х.-Х. Хоппе). В основе политической философии Людвиг фон Мизеса лежит праксеология (теория человеческого действия, опирающаяся на «аксиому действия», при этом действие понимается как целенаправленное поведение, осмысленный ответ на стимулы).

Важнейшими элементами либерализма являются, по Мизесу, представление об обществе как об ассоциации свободных индивидов и теория о разделении труда как об основе возникновения цивилизации. На эти фундаментальные представления накладываются важнейшие для классического либерализма ценности свободы, собственности и мирного сотрудничества. При этом единственным способом организации общества, основанного на данных представлениях и ценностях, Мизес считает демократию, при которой государство должно быть гарантом личной свободы индивидов и их мирного сосуществования.

Идеи Мизеса развивал Фридрих Август фон Хайек, ещё один представитель австрийской школы, чьи идеи оказали влияние на либертарианцев. Однако именно он стал одним из главных критиков

праксеологии внутри австрийской школы. В рамках данного пункта мы остановимся на двух моментах. Во-первых, укажем на некоторые положения, связанные с критикой праксеологического подхода, который в дальнейшем развивался учениками и интеллектуальными наследниками Мизеса, такими, как М. Ротбард и Х.-Х. Хоппе. Во-вторых, на идеях Хайека, оказавших значительное влияние, как на классических либералов и либертарианцев, так и на консерваторов и дал им дополнительную опору для критики оппонентов из лагеря «левых».

Хайек критиковал, прежде всего, представление о возможности построения дедуктивной теории в экономике и других социальных науках. Априоризм и попытка выстроить дедуктивную теорию в социальных науках приводит к значительным трудностям по нескольким причинам. Во-первых, Хайек исходит из эпистемологического представления о том, что наше знание основано не на рациональных предпосылках, а на общепринятом правиле классификации материальных импульсов. Аксиома действия, лежащая в основе праксеологии, не является исключением, она не может быть принята в качестве надёжного основания для выведения какого-либо знания, так как последнее основано, скорее, на нашей привычке систематизировать окружающий опыт определённым образом. Хайек сближается в этом плане с Дэвидом Юмом. Во-вторых, он указывал на то, что праксеологический подход не в достаточной степени способен учитывать многофакторности и контекстуальности поведения людей. Хайек противопоставляет праксеологии эволюционный подход, учитывающий роль нерациональных факторов в формировании нашего знания, которые не могут в полной мере быть нами учтены, когда мы применяем априорные методы¹⁹². Таким образом, одним из основных недостатков праксеологического метода Хайек называет игнорирование эмпирических данных. Это вполне сочетается с критикой со стороны консерваторов в

¹⁹² Более подробно о критике Хайеком праксеологии и априоризма в экономике и социальных науках: Hayek F.A. Economics and Knowledge . URL: <https://mises.org/articles-interest/economics-and-knowledge> (дата обращения: 23.02.2021).

отношении политических философов, выстраивающих свои концепции и теории, опираясь исключительно на априорно-дедуктивную методологию.

Несмотря на методологические расхождения со сторонниками праксеологии, Хайек продолжил исследование тем, характерных для представителей австрийской школы. Его работы были также направлены на сравнительное исследование социалистической (командной) и рыночной экономики.

Одной из важнейших идей Хайека можно считать разграничение двух типов индивидуализма, порождающих различные типы обществ. Первый тип он обозначил как «истинный индивидуализм», который восходит к идеям Дж. Локка, Б. Мандевиля, Д. Юма, А. Смита, А. Фергюсона, А. де Токвиля и лорда Актона. Второй тип он назвал «ложным индивидуализмом», который является плодом идей Декарта, Руссо и физиократов¹⁹³. Первый тип индивидуализма лежит в основе классического либерализма и капитализма, тогда как второй тип является плацдармом для развития идей социализма и плановой экономики, а также проявился в «распределительном либерализме». «Истинный индивидуализм» Хайек связывает с идеей «спонтанного порядка», при котором общественные институты рассматриваются как «непредвиденный результат взаимодействия множества людей»¹⁹⁴. Второй тип индивидуализма основан на идее о возможностях индивидуального разума целенаправленно создавать социальный порядок. Поэтому он сочетается с идеями о том, что рационально созданные проекты обустройства общества могут быть воплощены в жизнь на практике путём решений, принимаемых правительством. Таким образом, «истинный индивидуализм» предполагает идею о принципиальной ограниченности индивидуального человеческого разума. «Ложный индивидуализм», напротив, исходит из неограниченной мощи человеческого интеллекта, и потому его сторонники верят в возможность переустройства

¹⁹³ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С.3

¹⁹⁴ Там же.

общества по определённом плану¹⁹⁵. Сам Хайек считает, что в основе свободного общества должен и может лежать лишь «истинный индивидуализм», опирающийся на представлении об ограниченной индивидуальной рациональности: «Индивидуализм учит нас, что общество – это нечто более великое, чем человек, только пока оно свободно. Покуда оно контролируется или управляется, оно ограничено мощью контролирующих его или управляющих им индивидуальных умов»¹⁹⁶. В этом смысле индивидуализм невозможен без личных, политических и экономических свобод. В современных обществах свобода реализуется через ценовой механизм на свободных рынках и путём каталлаксии, то есть системы самоорганизации добровольного сотрудничества¹⁹⁷.

Личная свобода при этом связана именно с «истинным индивидуализмом», который практически никогда не приводит к эгалитарным целям в социально-экономическом смысле. Поэтому Хайек настаивает на том, что свобода должна иметь абсолютный приоритет перед достижением равенства. Исключение составляет лишь правовое равенство. Социально-экономическое равенство должно включать в себя перераспределительную политику, которая всегда сопрягается с ограничением рынка. Оно является приоритетным для социалистов и других «левых» направлений социально-политической мысли¹⁹⁸.

Ещё одной важной концепцией Хайека можно назвать его теорию «рассеянного знания». Её суть состоит в интерпретации рынка как «особого рода информационного устройства, осуществляющего координацию знаний миллионов незнакомых друг другу людей»¹⁹⁹. Рынок способен выполнять подобную функцию потому, что он способен наиболее эффективно реагировать на малейшие изменения, так как задействует знания каждого актора, чего

¹⁹⁵ Там же. С.19–24.

¹⁹⁶ Там же. С.36.

¹⁹⁷ Зорин Г. В. Вклад представителей неоавстрийской школы в теорию современного общества // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 3. С. 241.

¹⁹⁸ Хайек Ф. фон. Индивидуализм и экономический порядок. С.35.

¹⁹⁹ Там же. С.4.

нельзя ожидать при плановой экономике. Хайек предлагает рассматривать этот эпистемологический довод как один из основных аргументов в пользу рыночной экономики: свободный рынок с конкуренцией позволяет эффективнее использовать большой объём знаний, которые рассеяны среди членов сложного общества, которые не имеют представления друг о друге, чем любая другая система²⁰⁰.

Хотя и Мизес, и Хайек оказали значительное влияние на развитие либертарианства и рыночного либерализма, наибольшее развитие в рамках либертарианства всё же получили идеи первого. Именно мизесианское направление исследований, опирающееся на праксеологический подход, в дальнейшем получило распространение в рамках влиятельного анархо-капиталистического направления либертарианства, основоположником которого можно считать Мюррея Ротбарда.

Анархо-капитализм представляет собой «индивидуалистическую политэкономическую и политико-философскую теорию, которая выступает за уничтожение государства в пользу индивидуальной независимости в рамках свободных рыночных отношений, исключая возможность обмана и принуждения»²⁰¹.

В основе концепции М. Ротбарда лежит ряд основных принципов. Во-первых, крайний априоризм, подразумевающий дедуктивное построение экономической и политико-философской теорий и отказ от эмпирики (однако Ротбард не всегда последователен в применении своего метода, когда речь заходит о критике, например, моральных аспектов различных эгалитаристских концепций). Во-вторых, рассмотрение праксеологии как универсальной теории человеческой деятельности. В-третьих, признание возможности общих закономерностей в этике. В-четвёртых, признание в качестве основы этики естественного закона, лежащего в основе естественного права. В-пятых, в

²⁰⁰ Там же. С.65–74.

²⁰¹ Поляков Д. Б. Анархо-капитализм. Безвластие и экономика свободного рынка // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2015. №4 (63). С. 35.

основе этики свободы, развиваемой Ротбардом, лежит принцип самопринадлежности, суть которого сводится к тому, что каждый человек обладает правом на себя, свою жизнь, свои таланты²⁰².

Мюррей Ротбард предлагает различать два типа власти: экономическую и политическую. Первая связана с возможностью отказаться от обмена. Политическая же власть опирается на насилие, при котором у агентов, выступающих в роли объекта власти, не существует возможности отказаться от того действия, которое навязывается субъектом власти. Например, когда государство, обладающее политической властью, взимает налог со своих граждан, у последних не существует возможности отказаться без последствий от его уплаты, так как государство может применить аппарат насилия в случае подобного отказа. Таким образом, с точки зрения Ротбарда, государство, реализуя политическую власть, ничем не отличается от обычного грабителя, кроме уровня силы и размера ресурсов.

Политическая власть помимо вышесказанного представляет собой власть человека над людьми. В этом смысле её следует отличать от господства человека над природой. Важнейшим различием между этими типами власти является то, что политическая власть сама по себе не способствует прогрессу общества. Власть же человека над природой способна приводить к общественному прогрессу и вести к повышению уровня благосостояния. Либертарианство по Ротбарду должно вести к максимизации господства человека над природой и ликвидации власти одного человека над другим. В противном случае покорители природы становятся рабами.

Государство реализует свою власть посредством насилия через три формы вмешательства. Первый вариант предполагает аутичное вмешательство, которое реализуется путём ограничения объекта власти в использовании его собственности, при котором не происходит никакого обмена. Вторая форма представляет собой двустороннее вмешательство, когда субъект власти

²⁰² Баженов Г.А. Власть и рынок в трактовке Мюррея Н. Ротбарда // Вестник РГЭУ РИНХ. 2015. №1 (49). С. 57–59.

вынуждает вступить в обмен или добивается «подарка» в одностороннем порядке (воинская повинность, налоги). Последний вариант реализации насильственной власти можно назвать трёхсторонним вмешательством, при котором субъект власти запрещает обмены и сделки между акторами (запрет на определённые сделки, антимонопольные меры и так далее). Все перечисленные виды государственного вмешательства основаны на приказных отношениях, и потому полностью противоположны свободным договорным отношениям, приводящим к взаимной выгоде вступающих в них субъектов²⁰³.

Ротбард указывает на то, что существование государства не оправданно как с моральной, так и с экономической точки зрения. Во-первых, оно нарушает принцип свободы, проистекающий из фундаментального права самопринадлежности индивидов, а также принцип ненасилия. Во-вторых, оно является неэффективным экономическим субъектом, узурпирующим часть собственности и имеющим при этом привилегированное положение в силу наличия огромных силовых и иных ресурсов.

Таким образом, Ротбард приходит к выводу о том, что общество должно быть основано на принципах естественного права и договора о ненападении (ненасилии, неагрессии). В институциональном плане такое общество предполагает упразднение государства и возложение его функций на частных лиц, организации и добровольные ассоциации (включая функции охраны порядка, судебные услуги, оборону).

Экономические идеи Ротбарда не обладают принципиальной новизной. Он продолжал линию критики государственного вмешательства в экономику, вступал в полемику со сторонниками кейнсианства и отмечал необходимость отказа от любого «морализаторства» в экономической теории, хотя допускал опору на этику при формулировке политических концепций²⁰⁴. В целом, именно моральные, а не экономические доводы в пользу либертарианства М. Ротбард считал наиболее важными. И основным моральным требованием он

²⁰³ Баженов Г.А. Указ. соч. С. 60–61.

²⁰⁴ Новиков В. Что нам может дать Ротбард? // Экономическая политика. 2009. №6. С.175.

называл соблюдение принципа ненасилия, отмечая, однако, что насилие может быть допустимо только в ситуации самообороны. Основным же моральным принципом, который на практике может быть реализован благодаря выполнению этого требования, является свобода, понимаемая как отсутствие посягательств на жизнь, собственность и другие права, вытекающие из права каждого индивида на самого себя. При этом принцип свободы в рамках либертарианства лежит в основе справедливости. Поэтому государство для сторонников анархо-капиталистического направления либертарианства несовместимо с принципом справедливости, так как опирается на принуждение и насилие.

Альтернативное (минархистское) направление либертарианства получило развитие в наибольшей степени благодаря работам Роберта Нозика. Его труды стали основным ответом либертарианцев на «Теорию справедливости» Дж. Ролза, которая послужила основанием для оформления эгалитаристского либерализма.

Нозик в своей работе «Анархия, государство и утопия» приходит к выводам о допустимости «минимального» государства, функции которого существенно и строго ограничены. Нозик как и большинство других либертарианцев строит свою теорию на основе априоризма и дедуктивного метода. Он исходит из гипотетического «естественного» (догосударственного) состояния, анализируя его характеристики, делает акцент на «защитных ассоциациях», которые могли бы функционировать в догосударственных условиях, определяя основные проблемы, с которыми они могли бы столкнуться²⁰⁵. Этот анализ приводит его к следующему выводу: «Под давлением стихийно образованных групп, взаимных защитных ассоциаций, разделения труда, влияния рынка, эффекта масштаба и разумных личных интересов из состояния анархии вырастает нечто, очень напоминающее минимальное государство или группу географически разделённых

²⁰⁵ Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 15–17.

минимальных государств»²⁰⁶. Такое минимальное государство возникает в силу появления системы судов и оформления отдельных юрисдикций.

Переход от системы частных охранных предприятий к государству происходит в два этапа. На первом этапе в соответствии с принципом «невидимой руки» возникает ультраминимальное государство с системой частных судов и охранной ассоциацией для предотвращения конфликтов между ассоциациями. На втором этапе в силу моральной необходимости, связанной с предоставлением охранных и судебных услуг для всех жителей определённой территории, должно возникнуть минимальное государство²⁰⁷.

Одной из важнейших либертарианских концепций, предложенных Нозиком, можно считать концепцию «титулов собственности», основанную на идее о том, что признание права на имущество, которым люди обладают, приводит к выводу о том, что справедливым является любое распределение, которое возникает в результате свободных обменов. Это приводит нас к выводу о несправедливости налогообложения с целью перераспределения.

Р. Нозик в своих работах при обосновании ценности свободы нередко ссылается на И. Канта. Однако между подходами двух философов в понимании свободы есть значительная разница, на что указывает отечественный исследователь В.А. Чалый. По Нозику индивиды обладают свободой в естественном состоянии. Свобода является их внутренней характеристикой независимо от наличия у них целей, ценностей, намерений и других факторов. Однако по Канту свобода возникает при переходе к гражданскому состоянию и проявляется в поступках людей, зависит от того, насколько человек приблизился к идеалу моральности «чистого трансцендентального субъекта, не зависящему от природной причинности»²⁰⁸.

Довольно интересным является взгляд Нозика на утопические политико-философские проекты. Он критически отзывался о возможности достижения

²⁰⁶ Там же. С. 18.

²⁰⁷ Там же. С.24–40.

²⁰⁸ Чалый В.А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // Кантовский сборник. 2014. №2. С. 51.

некоего утопического идеала, однако не считал свой проект минимального государства чем-то принципиально недостижимым. Это связано с тем, что собственную задачу при формулировке принципов, на которых должно быть основано минимальное государство, он видел в определении общей «рамки», то есть базовых норм, в рамках которых существует возможность при соблюдении принципа свободы договора создать различные варианты общественных систем. Именно принцип добровольности является основным в рамках теории, предложенной Нозиком. Сами же индивиды по взаимному согласию могут связывать себя ограничениями и обязательствами, реализуя различные проекты и вступая в разнообразные ассоциации²⁰⁹.

Либертарианство в варианте, предложенном Нозиком, как политическая философия является нейтральным в отношении культурных ценностей и практик, предлагая исключительно набор общих политических нормативных принципов. Его суть, в целом (как в анархо-капиталистическом, так и в минархистском варианте), сводится к защите экономической и личной свободы индивидов, свободных договорных отношений, принципа неагрессии и к требованию максимального сокращения (либо полного упразднения) вмешательства государства в жизнь общества и отдельных индивидов.

2.2.2 Особенности консервативно-либертарианского синтеза

Актуализация культурной проблематики в западных обществах, связанная с дебатами по поводу ценностей и морали, оказала влияние и на либертарианское движение. Либертарианские политики и интеллектуалы разделились на два основных лагеря по вопросам культуры, морали и ценностей: на культурных консерваторов и культурных прогрессистов (культурных либералов).

²⁰⁹ Нозик Р. Указ. соч. С. 190–213.

Вопросы ценностей большинством либертарианцев считаются частью личных предпочтений свободных индивидов, которые вправе самостоятельно их выбирать и реализовывает те культурные практики, которые на них опираются. Таким образом, сторонники культурного консерватизма, пытающиеся обосновать синтез, как правило, редко заявляют о некоторой логической связи между общими принципами либертарианства и культурным консерватизмом, их аргументы лежат в плоскости эмпирических фактов и практического опыта.

Либертарианские культурные консерваторы долгое время стремились к союзу с политическими консерваторами. Несмотря на то, что политический консерватизм включает в себя культурный консерватизм, отношения между консервативными либертарианцами и политическими консерваторами можно назвать довольно сложными. С одной стороны, в их политических концепциях есть ряд расхождений. Р. Кирк в одном из своих эссе указал на принципиальную несовместимость тех теоретических оснований, из которых исходят консерваторы и либертарианцы, а также на различия во взглядах по поводу соотношения порядка и свободы как политических ценностей²¹⁰. Р. Кирк делает большой акцент на различиях, которые касаются базовых для либертарианцев и политических консерваторов ценностей. Он считает, что важнейшей политической ценностью стоит считать порядок, а не свободу (порядок – условие свободы), а также отмечает, что между двумя рассматриваемыми политическими воззрениями существуют различия в оценке природы человека, оценке природы сообществ, восприятию государства и его роли, а также в отношении к традициям и обычаям. С другой стороны, Р. Скрутон отмечал общую англосаксонскую традицию, из которой возник политический консерватизм и классический либерализм, предшествовавший либертарианству, а также их общую ориентацию на защиту прав человека, собственности, рыночной экономики²¹¹. Более того, британский философ

²¹⁰ Kirk R. Libertarians: the chirping sectaries // Modern Age. 1981. Vol. 25, № 4. P. 345–351.

²¹¹ Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. P.9-25.

подчеркнул, что не только либертарианские культурные консерваторы солидаризируются с некоторыми взглядами политических консерваторов в вопросах культурных ценностей, но и сами консерваторы иногда соглашаются с либертарианцами, когда дело касается, например, критики эгалитаристских концепций²¹².

Далее мы постараемся показать, какие именно задачи и цели ставились теми или иными либертарианскими философами и как они решались в рамках их попыток обосновать консервативно-либертарианский синтез.

2.2.3 Место и роль культуры в работах Ф. А. фон Хайека

Значительное влияние как на либертарианство, так и на современный англо-американский консерватизм оказали работы представителей австрийской экономической школы. Особенно это касается критики социализма Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком.

Хайек в своих работах попытался раскритиковать ложное понимание индивидуализма, из которого, как он считал, вырастают социалистические теории, противопоставив его «истинному» индивидуализму либеральной теории²¹³. Мизес пошёл дальше, посвятив несколько глав в своей работе «Социализм» критике культурных и социальных взглядов левых мыслителей²¹⁴.

Хайек на позднем этапе своего творчества всё больше стал посвящать внимание культуре. А в работе «Пагубная самонадеянность» изложил основные положения своей теории культурной эволюции.

²¹² Р. Скрутон указывал, что после выхода работы Дж. Ролза Теория справедливости консерваторы так и не сформулировали на неё полноценный философский ответ. Вместо этого они согласились и солидаризировались с той критикой, которая была предложена Р. Нозиком. Однако Р. Скрутон сам критиковал концепцию «государства ночного сторожа», считая, что оно не может в полной мере обеспечить благосостояние, необходимое для поддержания гражданского общества (см. Скрутон Р. Как быть консерватором. С.142).

²¹³ Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой; под ред. Р. И. Капелюшникова. Челябинск: Социум, 2011. Гл. I. С. 1–40.

²¹⁴ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. Москва: Catallaxy, 1994. С.51-75.

Особое значение в рамках нашего исследования данная работа в силу следующих моментов. Во-первых, в ней подчёркивается важное значение традиций, обычаев и социальных институтов, которое подчёркивают культурные консерваторы. Во-вторых, большое влияние на некоторых из культурных консерваторов произвела идея спонтанного порядка, которая применяется у Хайека и к культурным объектам, таким как ценности, мораль и язык. В-третьих, в его теории делается попытка решить проблему связи морали и традиционных ценностей с рынком через постулат о том, что спонтанный порядок приводит к появлению системы институтов и норм, которые ограничивают рынок, что послужило аргументом в пользу того, что государственные инструменты регуляции экономики могут оказаться излишними. В-четвёртых, идеи Хайека содержат в себе коммунитарные элементы и критику рационализма, которые распространены среди большей части культурных консерваторов (за исключением культурно-консервативных либертарианцев). Однако эти коммунитарные элементы не дают нам возможности говорить о полном отказе Хайека от принципа индивидуализма, в том числе он не отказывается и от методологического индивидуализма. Скорее, в его работах можно обнаружить оригинальный подход, сочетающий в себе акцент на важнейшей роли социальной структуры, определяющей социокультурный контекст, из которого индивиды черпают свои ценности и цели, с признанием за индивидами прав на свободный выбор и отказом от признания необходимости государственной заботы об общем благе, которая могла бы быть связана с перфекционистской концепцией государства.

Хайек предлагает различать два типа морали. Один из них соответствует правилам характерных для небольших локальных сообществ, племен, семьи и так далее. Второй тип морали породил современное общество, которое можно назвать расширенным порядком и которое образовалось спонтанным путём. Эта современная мораль представляет собой неинстинктивные правила поведения, которые позволили человечеству дорасти до расширенного порядка. Эти правила лежат в основе современной западной культуры и цивилизации.

Они усваиваются благодаря приобщению к традиции. Культура по Хайеку представляет собой инструмент подавления инстинктов и развития дисциплины.

Структуры расширенного порядка состоят не только из индивидов, но и из субпорядков. При этом правила общества нельзя перенести на сообщества, это бы привело к их разрушению²¹⁵. А распространения правил сообщества на общество существенно затруднено или в принципе нереализуемо. Так как люди живут в двух «мирах», большом (общество) и малом (сообщества), им необходимо подчиняться одновременно правилам социального «макрокосма» и социального «микрокосма». Оформлению такой двухуровневой системы культурных порядков стало результатом культурной эволюции, отбора отдельных правил, привычек и традиций, поэтому они имеют особую роль, а их изменение нуждается в серьезном обосновании. По этому поводу Хайек замечает: «Безусловно, концепция культурной эволюции предполагает толкование любых сомнений в пользу установленных правил, возлагая бремя доказательства нецелесообразности таких правил на тех, кто намерен их изменить»²¹⁶.

Хайек также отмечает, что мораль, передающаяся в форме традиций, не должна ставиться ниже разума. И то, и другое следует считать результатом эволюции. Ошибкой будет считать хорошей только те правила, которые продиктованы разумом. Мораль по Хайеку носит естественный характер, складывается спонтанно, а не в результате рационального выбора: «Не интеллект создал мораль: скорее, взаимодействия между людьми, регулируемые правилами морали, делают возможными развития разума»²¹⁷. Традиции же следует понимать как источник знания, находящийся между разумом и инстинктами.

²¹⁵ Хайек. Пагубная самонадеянность. С.31.

²¹⁶ Там же. С.35-36.

²¹⁷ Там же. С.37.

Хайек отмечает следующие отличия культурной эволюции от биологической. Во-первых, культура наследуется путём приобретенных, а не врождённых качеств. Во-вторых, культура передаётся не только через биологических родителей, но и через огромное число «предков». В-третьих, культурная эволюция происходит намного быстрее биологической. В-четвертых, культурная эволюция протекает в форме группового, а не индивидуального отбора.

Таким образом, главной особенностью и вкладом Хайека в развитие культурно-консервативных идей можно считать его особый акцент на культуре как на факторе, оказывающем значительное влияние на функционирование различных институтов и, прежде всего, рыночных. Интересным является тот факт, что несмотря на большую близость самого Хайека к либертарианцам, нежели к коммунитарным консерваторам, его концепции спонтанного порядка и культурной эволюции оказали влияние в первую очередь именно на вторых. Значительное развитие его идеи оказали на английских и американских культурных консерваторов. Одним из наиболее значительных последователей можно считать Роджера Скрутона.

2.2.4 Культурный традиционализм Л. фон Мизеса

Дж. Такер и Л. Роквелл дали весьма ёмкую и точную характеристику позиции Л. фон Мизеса: «Мизес был настолько консервативен в культурных вопросах, что сегодня его сочли бы реакционером»²¹⁸. В его взглядах сочетались антиэгалитаризм, критика феминизма, поддержка традиционной морали, брака, семьи, он верил не только в естественное неравенство между отдельными индивидами, но и в групповое, культурное неравенство. Тем не менее, его взгляды не противоречили основным положениям классического

²¹⁸ Tucker J. A., Rockwell L. H. The Cultural Thought of Ludwig von Mises // The Journal of Libertarian studies. 1995. Vol. 10, № 1. P.24.

либерализма, и, несмотря на свой антиэгалитаристский пафос, он был сторонником юридического равенства и демократии.

Во времена зарождения австрийской школы ещё рано было говорить о какой-либо «культурной войне» внутри западного капиталистического общества. Главным идеологическим врагом для западного капитализма был «восточный» социализм. Потому Л. фон Мизес формулировал свои взгляды в оппозиции именно социалистической системе, а не каким-либо «прогрессистским» идеям и ценностям.

Базовые предпосылки, из которых исходил в своих рассуждениях Л. фон Мизес, связаны с признанием личной свободы как главной политической ценности. Все отношения, которые формируются на основе свободных договоров, приводя к созданию тех или иных социальных институтов, являются естественными. Отношения, основанные на насилии, не могут быть естественными, поскольку противоречат принципу добровольности. Здесь стоит отметить, что насилие у Мизеса понимается в узком смысле (физическое насилие), что даёт возможность хотя бы частично избежать критики со стороны тех мыслителей, которые рассматривают насилие в более широком смысле (институциональное насилие и т.д.).

Одобрение базовых либеральных принципов и их практическая реализация по Мизесу приводит к ряду естественных процессов внутри общества. Естественное неравенство, которое коренится в природно-обусловленном различии людей, приводит к формированию системы разделения труда, а также к возникновению социальных и экономических иерархий. Институты брака, нуклеарной семьи, разделение семейных ролей, а также система моральных норм - всё это продукты свободных отношений между людьми, в которых учитываются естественные различия и которые обеспечивают поддержание естественного социального порядка.

Таким образом, Л. фон Мизес полагал, что природные различия, которые, как он утверждал, являются эмпирическим фактом, наилучшим образом могут быть использованы только в рамках капиталистической системы. Любые

попытки при помощи государственной культурной, экономической или социальной политики разрушить традиционные институты буржуазного общества, в конечном счёте, приведут к нарушению естественного порядка²¹⁹.

В теории Л. фон Мизеса можно обнаружить двоякую связь между культурным традиционализмом и классическим рыночным либерализмом. Во-первых, они являются антиэгалитаристскими учениями (социально-экономическое неравенство как результат свободных договорных отношений является справедливым, культурные ценности, господствующие в таком обществе, полностью удовлетворяют его потребностям). Во-вторых, свободный рынок, договорные отношения и традиционные социальные институты соответствуют естественному порядку²²⁰.

Взгляды Л. фон Мизеса при исследовании либертарианской модели культурного консерватизма важны для понимания общей логики построения концепций другими политическими философами, которые также пытались строить свою систему обоснования консервативно-либертарианского синтеза. Как будет показано далее, «мизесианская» традиция, воплотившаяся в работах палеолибертарианцев (Ротбард, Роквелл, Хоппе), ссылалась именно на вышеописанные положения.

²¹⁹ В англо-американской политической и политико-философской традиции буржуазный строй и капитализм часто рассматриваются как часть традиционного порядка. Американские традиционалисты и консерваторы, например, зачастую являются конституционалистами, так как именно в основном законе с присущими ему акцентами на правах и свободах, защите частной собственности и так далее они видят истоки американской традиции.

²²⁰ Tucker J. A., Rockwell L. H. The Cultural Thought of Ludwig von Mises. P.47-48.

2.2.5 Фузионизм Ф. Мэйера

Одной из первых попыток создания консервативно-либертарианской политической философии можно считать теорию Ф. Мэйера, получившую название фузионизма²²¹.

Теоретически фузионизм представлял собой попытку логически обосновать переход от консервативных установок к либертарианству. Основная цель аргументации Ф. Мэйера состояла в том, чтобы показать, что добродетель как моральное основание консервативной политической теории невозможна без свободы, которая может быть обеспечена только в условиях минимального государства. С другой стороны, само либертарианство он рассматривал как неполноценную доктрину именно потому, что оно не предоставляет никаких рецептов по достижению блага. Поэтому в более широком смысле Ф. Мэйер преследовал цель создания теории, способной объединить достоинства консерватизма и либертарианства и, тем самым, устранить имеющиеся в них недостатки.

Фузионисты защищали концепцию тринитарного государства: функции правительства должны сводиться к охране правопорядка, осуществлению правосудия и обеспечению обороны и внешней безопасности²²².

Ф. Мэйер полагал, что моральная жизнь человека, ведущая его к благу, реализуется посредством его личного решения быть добродетельным. Содержание самой добродетельной жизни связано с реализацией правил, установленных Богом. Поскольку добродетель неразрывно связана с внутренним желанием человека и может быть реализована только посредством личного выбора, необходимо предоставить каждому человеку свободу как условие для совершения такого выбора. Для обеспечения свободы следует

²²¹ Ф. Мэйер был одним из основателей консервативного журнала *National Review*. Его теория и движение были названы фузионизмом (англ. *Fusionism* от «*fusion*» — слияние), так как представляли собой попытку объединения консервативных и либертарианских элементов.

²²² Meyer F. In *Defense of Freedom: A Conservative Credo*. Chicago: Henry Regnery, 1962. P.45.

устранить внешнее влияние на моральный выбор человека. Политически это значит устранить влияние государства на сферу культуры и морали, чтобы оно не могло нарушить принципа свободного морального выбора. В противном случае любое навязанное извне поведение не может рассматриваться в качестве проявления добродетели, так как будет нарушен основополагающий для неё принцип.

Аргумент фузионистов подвергся критике и со стороны консерваторов, и со стороны либертарианцев.

Л. Б. Бозелл сделал акцент на том, что Ф. Мэйер в своих аргументах не учитывает роль других институтов и социальных практик, которые также могут влиять на свободный выбор. Однако устранение всех социальных преград, которые тем или иным образом могут ограничить или направить человека на путь добродетели, приведёт к увеличению преступлений и иных плохих поступков, что в таком случае должно рассматриваться фузионистами как цена за осуществление «героического» добродетельного выбора человеком в условиях абсолютной свободы²²³.

Кроме того, критике подверглись и другие положения фузионизма. Так, например, произошло с аргументом Эванса: была показана логическая непоследовательность перехода от утверждения «государство, которое наделено большими полномочиями, будет управлять хуже всего» к положению «государство, которое наделено наименьшими полномочиями, будет наилучшим». Также консервативные критики обрушились и на тринитарную концепцию государственных функций, указав, что ссылки на «естественность» такого рода государства ни на чём не основаны, так как нет фактов, свидетельствующих о том, что оно вообще когда-либо существовало²²⁴.

²²³ Bozell L. B. Freedom or Virtue? // Freedom and Virtue. The Conservative/Libertarian Debate / Ed. G. W. Carey. Revised, updated ed. Wilmington, Delaware: Intercollegiate Studies Institute. 1998. P. 23–37.

²²⁴ Raico R. Is libertarian amoral? // Mises Institute. 2019. URL: <https://mises.org/library/libertarianism-amoral> (дата обращения: 01.03.2023).

М. Ротбард в эссе, посвящённом фузионизму, критикуя политический консерватизм Ф. Мэйера, пытается представить последнего как типичного либертарианца. Он показывает, что критика фузионистами либертарианцев за их недостаточное внимание к добродетели не является обоснованной, так как она применима лишь к тем из них, кто придерживается утилитарно-эмотивистско-гедонистических позиций, а не к тем, кто является сторонниками аристотелевско-локковской концепции естественных прав. Оба этих крыла присутствуют в либертарианском движении. Причина же наличия подобных расхождений заключается в нейтральности самой либертарианской политической философии, что неоднократно подчёркивалось М. Ротбардом²²⁵.

Ценностная нейтральность либертарианства в культурных вопросах как установка на уровне теории значительно усложнила задачу при помощи исключительно рациональных построений без опоры на эмпирику привести сильные аргументы в поддержку фузионистской теории.

Это заставило сторонников консервативно-либертарианского синтеза посмотреть иначе на возможности его обоснования.

2.2.6 Палеолибертарианство

М. Ротбард и Л. Роквелл, основатели Института Мизеса, также попытались сформулировать доводы в пользу синтеза культурного консерватизма и либертарианской политической философии. Их концепция, получившая название палеолибертарианства, преследовала как идеологические, так и стратегические цели (сближение с палеоконсерваторами).

М. Ротбард в качестве одной из точек соприкосновения культурного консерватизма и либертарианства так же, как и его учитель Л. фон Мизес,

²²⁵ Rothbard M. N. Frank S. Meyer: the fusionist as libertarian Manque // Modern Age. 1981. Vol. 25, № 4. P. 352– 363.

выделял антиэгалитаризм обеих теорий. Он считал эгалитаристские левые теории «восстанием против природы»²²⁶.

По его словам, консервативная критика эгалитарных взглядов никогда не была достаточно основательной, так как касалась лишь экономической неэффективности идей, предлагаемых левыми. М. Ротбард подверг критике сам идеал равенства. Он исходил из того, что моральная теория, не работающая на практике или противоречащая природным законам, должна быть отвергнута как неверная. Для доказательства того, что эгалитарный идеал разрушителен и не применим на практике, М. Ротбард привёл цепь рассуждений и пришёл к тому, что полное равенство означает уничтожение индивидуальности и разнообразия. Таким образом, идеал абсолютного равенства, с его точки зрения, является антигуманным и потому должен быть объявлен злом. Навязывание эгалитарного идеала как основы культуры является, по его мнению, разрушительным, так как противоречит природе человека.

Взгляды М. Ротбарда на культуру ничем существенно не отличались от взглядов его учителя Л. фон Мизеса. Линия аргументации здесь та же, что и у Мизеса и опирается на естественный характер традиционных институтов и соответствующей им системы социальных отношений. Для М. Ротбарда анархо-капитализм представляется во многом средством поддержания традиционных институтов и системы ценностей, лежащих в их основе. Именно государство он считает виновником разрушения естественных институтов и социального порядка. Реализация же эгалитарных идей и внедрение их в культуру невозможны без принуждающей силы государства.

Палеоконсервативный проект М. Ротбарда и Л. Роквелла при ближайшем рассмотрении трудно назвать удачным с точки зрения его теоретической обоснованности. Этот проект по большей части был направлен на стратегические цели либертарианского движения для сближения с

²²⁶ Rothbard M. N. *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. P. 1–21.

палеоконсерваторами²²⁷. В программных статьях палеолибертарианцев нет ничего, кроме простой декларации либертарианских взглядов на политику и культурно-консервативных установок без демонстрации какой-либо явной логической связи между ними²²⁸. Здесь можно проследить, с одной стороны, последовательность М. Ротбарда, не изменившего своим принципам. Он не добавил в саму либертарианскую концепцию каких-либо консервативных элементов. По большому счету ему этого и не требовалось. Тот политический идеал, который он преследовал, во многом интерпретировался им как условие, гарантирующее существование общества, основанного на тех ценностях, которых он придерживался. Такое убеждение опиралось, скорее, на социологические наблюдения и интерпретацию эмпирических данных, а не на чисто рациональную аргументацию.

Основные, намеченные М. Ротбардом консервативно-либертарианские идеи, перенял и развил его ближайший ученик Х.-Х. Хоппе.

Хоппе в своих работах критикует понимание консерватизма как защиты сложившегося статус-кво. В его понимании настоящий консерватор - это тот, кто верит в существование естественного порядка (*natural order*). Нарушителем естественного порядка является государство. Поэтому невозможно последовательно придерживаться той или иной формы этатизма, оставаясь при этом консерватором. Таким образом, он продолжает и углубляет теорию, идущую к нему через М. Ротбарда от Л. фон Мизеса. Основными элементами описываемого Хоппе естественного порядка являются семья, социальная иерархия, собственность и духовно-интеллектуальный авторитет.

Фактически Х.-Х. Хоппе утверждает, что политический консерватизм в его этатистском проявлении не может рассматриваться в качестве адекватной и

²²⁷ Chmielowski M. Murray N. Rothbard's paleolibertarianism. In search for a political success during the Republican party presidential primaries 1992 // *Res Publica. Revista de Historia de las Ideas Políticas*. 2016. Vol. 19, № 2. P. 371–387.

²²⁸ Базовые идеи палеолибертарианцев изложены в нескольких основных статьях, вышедших в журналах *RothbardRockwell Report* и *Liberty* (см., например, Rockwell L. The Case for Paleolibertarianism // *Liberty*. 1990. Vol. 3, № 3. P. 34–38; Rothbard M. N., Rockwell L. Why the Report? // *Rothbard-Rockwell Report*, April 1990; Rothbard M. N. Why Paleo? // *Rothbard-Rockwell Report*, May 1990).

непротиворечивой теории, поскольку в нём считается возможным сочетать критику социальных и культурных аномалий с признанием важной роли за тем институтом, который является причиной этих аномалий²²⁹.

Х.-Х. Хоппе опирается в своей аргументации на положение о разрушительной роли государственного субсидирования, которое приводит к снижению стимулов. Таким образом, государственное субсидирование является причиной эрозии институтов, которые в естественном состоянии опираются на самоорганизацию, свободные договорные отношения, ответственность и взаимные обязательства.

Здесь стоит отметить типично консервативный тезис о роли обязанностей. Они выполняют созидательную роль, поддерживают социальные институты и укрепляют связи. Пренебрежение обязанностями ведёт к ситуации моральной «распушенности» и распаду институтов. Таким образом, по Х.-Х. Хоппе возврат к традиционной морали невозможен при сохранении государственных институтов, которые ответственны за её разрушение.

Всё вышесказанное можно применить к доводам, которые должны убедить консерваторов придерживаться либертарианской политической теории в её анархо-капиталистическом варианте. Однако Х.-Х. Хоппе также пытается привести ряд аргументов в пользу того, что и самим либертарианцам стоит придерживаться культурно-консервативных установок. Здесь он пытается опираться на эмпирические данные для того, чтобы доказать психологическую совместимость консерватизма и либертарианства (основоположники теории придерживались культурно-консервативных взглядов), идентичность сферы исследований (семьи, власть, сообщества – эмпирически-социологическая конкретизация абстрактно-праксеологических категорий и концепций собственности, производства, обмена и договора).

У. Блок, критикуя Хоппе, указывает на теоретическую совместимость либертарианства с любой этической и культурной позицией, так как оно не

²²⁹ Hoppe H.-H. Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. P. 189-199.

включает в себя в отличие от политического консерватизма ту или иную концепцию блага. Он рассматривает слова Хоппе о том, что консерваторы должны быть либертарианцами, но и последовательные либертарианцы должны придерживаться культурно консервативных позиций. У. Блок соглашается с первой частью данного утверждения, но не согласен со второй (о том, что либертарианцам следуют быть культурными консерваторами). Блок находит противоречие во взглядах Хоппе, который сам утверждал, что консерваторы из сторонников антиэгалитаризма, аристократизма и антиэтатизма в движение культурно-консервативных этатистов (правое крыло социалистов или социал-демократов)²³⁰. Однако само определение консерватизма, которое даёт Хоппе само по себе отличается от узкого понимания консерватизма в той конкретной форме, в которой он характерен для американского консерватизма П. Бьюкенена.

Но Хоппе мог бы всецело согласиться с таким взглядом, так как он настаивает исключительно на отношениях праксеологической совместимости, социологической взаимодополняемости и взаимного «усиления» культурного консерватизма и либертарианства. Однако тот же У. Блок отмечает, что такие аспекты левой политики, против которых выступают палеолибертарианцы, как эгалитарные требования, включая те, которые ограничивают свободу ассоциаций в пользу недискриминационной политики или мер позитивной дискриминации, действительно противоречат либертарианству²³¹. Поэтому критика концепции Хоппе с этой точки зрения кажется провальной и, скорее, основана на невнимательности к тому способу обоснования, который он предлагает, а не на реальной непоследовательности в его теории.

У. Блок также критикует антииммигрантские аргументы Хоппе. И здесь также следует сделать оговорку, что Хоппе не настаивает на том, что само по

²³⁰ Block W. E. Libertarianism is unique and belongs neither to the right nor the left: a critique of the views of Long, Holcombe, and Baden on the left, Hoppe, Feser, and Paul on the right // *Journal of libertarian studies*. 2010. Vol.22. P.127–170.

²³¹ Block W. Plumb-Line Libertarianism: a Critique of Hoppe // *Reason Papers*. 2007. Vol. 29. P. 151–163.

себе либертарианство логически предполагает необходимость проведения антииммигрантских мер. Скорее, в аргументации Хоппе речь идёт о том, что частная дискриминация, возможная из-за свободы ассоциаций и неприкосновенности частной собственности, даёт возможность проводить такие меры в условиях анархо-капитализма²³². Более спорным и, на наш взгляд, совершенно обоснованной является критика У. Блоком взглядов Хоппе относительно последовательности проведения антииммиграционных мер в условиях государства.

Культурный консерватизм Хоппе в определенной мере можно назвать стратегией поддержания либертарианского порядка. Несовместимость прогрессистских, эгалитарных и социалистических ценностей с либертарианством рассматривается им как основание для отказа от ассоциации с носителями подобных ценностей. Стоит предположить, что он просто не допускает сценария, в котором либертарианское общество могли бы создать люди, имеющие прогрессистские взгляды, так как такое общество неминуемо самоустранилось бы либо превратилось в государство или же диктатуру, нарушив естественный анархо-капиталистический порядок²³³. Однако аргументация Х.-Х. Хоппе в данном случае сталкивается с проблемой отсутствия фактов, подтверждающих его умозаключения. Рассуждения о функционировании анархо-капиталистического общества, а также об особенностях конкуренции различных ценностных систем, способности тех или иных культурных практик, традиций и обычаев «выживать» в условиях отсутствия государства, то есть общества, основанного на либертарианских принципах, при отсутствии реальных эмпирических данных могут рассматриваться исключительно как возможные сценарии. С точностью определить, насколько именно тот сценарий, который предлагает Хоппе, является верным невозможно в условиях отсутствия реальных примеров

²³² Hoppe H.-H. The Case for Free Trade and Restricted Immigration // Journal of Libertarian Studies. 1998. Vol.13.№2. P.221-233.

²³³ Хоппе Х.-Х. Понимая либертарианство правильно / пер. с англ. Парфенюк. Москва: Библиотека Шевцова, 2018. С. 90-106.

анархо-капитализма в том виде, как он описывается его сторонниками. Это, безусловно, является одной из серьёзных проблем в его обосновании консервативно-либертарианского синтеза.

Именно в силу вышесказанного Хоппе в своей самой известной работе «Демократия: Бог, который потерпел неудачу» обосновывает в качестве альтернативы «естественному порядку», который может быть воплощён в чистом виде только в условиях анархии, монархическое устройство, которое является более предпочтительным нежели демократия. Хоппе сравнивает эти две формы правления и указывает на ряд преимуществ монархии, связанных с тем, что в отличие от демократии у неё не столь развит децивилизационный потенциал. Реализация демократического требования равенства порождает постоянно расширяющееся государственное управление, которое вмешивается в социальные институты, особенно в семью, и конфискует богатство во имя «социальной справедливости» и «общественного блага». Это связано с тем, что правительство при демократах является «временщиками», которым нужно успеть воспользоваться на определённый период нахождения у власти выгодами своего положения. При монархии земля является собственностью монарха, который передаёт власть по наследству, что приводит к иному отношению и порождает иную систему стимулов. В конце концов, при монархии ниже налоги, меньше эгалитарных тенденций, она меньше подвергается тенденциям децивилизации, что делает её более предпочтительной.

Пол Готфрид, комментируя промонархические аргументы Хоппе, акцентирует внимание на их слабом политическом потенциале в условиях современного общества с явным преобладанием демократических настроений. Децентрализованное государство, опирающееся на наследственную элиту, вряд ли сможет вызвать поддержку²³⁴. В общем, посыл П. Готфрида, одного из

²³⁴ Gottfried P. Hans-Hermann Hoppe and the Libertarian Right // Property, Freedom, and Society: Essays in Honor of Hans-Hermann Hoppe. 2009. P.35-36.

главных «идеологов» палеоконсерватизма, стратегия которого часто ассоциируется с популизмом, вполне ясен. Идея, предлагаемая мыслителем, должна быть не только хорошо аргументирована, она также должна иметь идеологический потенциал, то есть способность привлекать людей, иначе она не может стать хорошим оружием в политической борьбе. Эта логика представлена в концепциях консерваторов-националистов, о которых будет сказано в следующем параграфе.

Попробуем на основании вышеизложенных взглядов основных представителей культурного консерватизма среди либертарианцев сделать некоторые общие выводы.

Подведем некоторые итоги. Отношение между культурным консерватизмом и либертарианством в рамках различных консервативно-либертарианских теорий интерпретируется двумя способами. Во-первых, как отношение логического следования между консервативным настаиванием на добродетели в качестве основы благой жизни и максимальной политической свободой как условием её реализации (фузионизм). Во-вторых, как отношение праксеологической совместимости (палеолибертарианство). Фузионистский способ обоснования во многом потерпел крах, так как в нём не были учтены, с одной стороны, методологические и некоторые иные расхождения между консервативными и либертарианскими воззрениями на природу и роль государства, общества, социальных институтов, природу человека. С другой стороны, нейтральность либертарианской теории в отношении вопросов культуры и морали значительно затрудняют возможность чисто логического обоснования перехода от либертарианства к культурному консерватизму.

Палеолибертарианская теория также не избегает трудностей. Во-первых, здесь так же, как и в случае с фузионизмом отсутствуют чисто логические дедуктивные аргументы в пользу перехода от либертарианства к культурному консерватизму. Нейтральность теории в отношении вопросов культуры и морали, напротив, выводится из базовых либертарианских принципов дедуктивно. Именно поэтому для обоснования синтеза используется два

методологических приема, оба из которых остаются в значительной степени уязвимыми для критики. Во-вторых, акцент на праксеологической совместимости обеих теорий, а также на «психологической и социологической практике» используется в качестве основного метода обоснования связи между либертарианством и консерватизмом. Для критиков открывается пространство как для атаки на сам праксеологический метод, так и для обсуждения «разрыва» в способах аргументации, когда политико-философская часть теории строится на основании сугубо рационального логического дедуктивного метода, а связь с культурно-нормативными требованиями реализуется за счёт апелляции к эмпирическим данным и практике. При этом в таком случае под удар со стороны классических консерваторов может попадать именно политико-философская часть, а со стороны либертарианцев – культурно-консервативные аспекты. Справедливо может возникнуть вопрос: если в качестве метода обоснования политико-философской теории мы можем обращаться к некотором практическому опыту, тогда почему бы нам не быть до конца последовательными? Возможно, стоит задаться вопросом, насколько дедуктивно построенная либертарианская теория (особенно в её анархо-капиталистическом варианте) применима на практике? Именно этого требует М. Ротбард в отношении эгалитарных теорий, когда речь заходит об их моральной обоснованности. Но также именно об этом принципе он не упоминает, когда высказывается о том, что политико-философская теория должна исходить из сугубо рациональных оснований, игнорируя, например, традицию. В этом смысле, как нам кажется, классические консервативные теории можно считать более последовательными, так как в них практика и опыт, сосредоточенные в традиции играют основную роль, как при обосновании политических, так и культурных взглядов.

Таким образом, либертарианская модель культурного консерватизма представляется на данный момент одним из возможных вариантов теоретического обоснования консервативных взглядов с точки зрения политической философии. Однако данная модель сталкивается с целым рядом

проблем, решение которых является задачей для тех теоретиков и политических философов, которые настаивают на последовательности и продуктивности консервативно-либертарианского синтеза.

2.3 Коммунитарные модели культурного консерватизма

2.3.1 Особенности коммунитарных моделей культурного консерватизма

Консерватизм как политическая философия или, в терминах Мангейма, особый стиль мышления, с самого своего зарождения содержал ряд мировоззренческих, методологических и эпистемологических установок, которые можно охарактеризовать как коммунитарные. Уже в работах Эдмунда Бёрка содержатся два основополагающих для консерватизма коммунитарных тезиса. Первый тезис говорит об особой роли сообществ, которые формируют идентичность индивида, обеспечивая его привязанность, лояльность и преданность по отношению к определенным группам. Сообщества или, как их называет Бёрк, «малые отряды» (little platoons), формируют посредством обычаев и традиций ценностные установки индивидов. Благодаря участию в практиках сообществ индивиды усваивают критерии благой жизни, нормы морали и добродетели, обретают статусы и роли, а также представления о своей цели внутри общества. Малые группы и ассоциации создают сеть взаимосвязей, которая представляет собой гражданское общество, своеобразную «буферную зону» между индивидом и государством. Второй тезис связан с особым отношением к обществу, которое воспринимается как объединение живых, умерших и ещё не рождённых. Таким образом, консерваторы воспринимают общество как протяжённое во времени единство, связанное сетью обязательств.

Для многих консерваторов типична ссылка на различие между понятиями «сообщество» и «общество». Наиболее ясно данное различие раскрыто в работах Фердинанда Тённиса, который использовал термины *Gemeinschaft*

(общность) и *Gesellschaft* (общество)²³⁵. *Gesellschaft* связано с непрямым взаимодействием, контрактными отношениями формального характера между людьми и группами. *Gemeinschaft*, напротив, характеризуется как тесное социальное взаимодействие, основанное на личных связях индивидов в виде прямых неформальных контактов. Консерваторы стремятся поддерживать, защищать и сохранять такого рода «органические сообщества»²³⁶.

Связь гражданина и общества следует рассматривать не как добровольную, а как естественную по причине того, что индивид не выбирает, в какой системе сообществ и ассоциаций он рождается. Но именно сеть сообществ и ассоциаций формирует человека, обеспечивает преемственность институтов, норм, обычаев и традиций, поддерживающих социальный порядок и единство, обеспечивая безопасность и стабильность. Чувство долга перед обществом основывается не на договоре, а на уважении и чести. Семья выступает основным институтом, благодаря которому индивиды приобретают привычки лояльности и преданности²³⁷. Для коммунитарных культурных консерваторов понятие сообщества призвано акцентировать наше внимание не на коллективной ответственности, а на ответственности и обязательствах отдельных лиц перед самими собой и перед обществом в целом²³⁸.

Общей чертой коммунитарных моделей является критика методологических оснований либеральной теории и концепции общественного договора. Во-первых, это критика концепции абстрактного оторванного от сообществ и традиций индивида, делающего выбор, опираясь исключительно на свой разум и здравый расчет. Культурные консерваторы полагают, что любого индивида следует рассматривать как конституированную, социокультурно обусловленную единицу. Личность – артефакт,

²³⁵ Тённис Ф. *Общность и общество: основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д. Складнева. СанктПетербург: Владимир Даль, 2002. 452 с.

²³⁶ Henrie M. C. *Understanding Traditional Conservatism // Varieties of Conservatism in America* / Ed. P. Berkowitz. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. P. 17.

²³⁷ Scruton R. *Conservative Texts: An Anthology*. P.270–275.

²³⁸ Ireland P. *Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism*. P.189–190.

сформированный обычаями и институтами, преданный определенным группам: «Люди приходят в мир, обременённый обязательствами и институтами, которые содержат в себе мудрое наследие, без которого осуществление свободы невозможно»²³⁹. Не существует абстрактных индивидов, действующих вне системы социокультурных связей. Приобщение к культуре через участие в социокультурных практиках сообществ рассматривается как необходимое условие интеграции человека в общество. Культурные смыслы и ценности могут быть усвоены только через приобщение к практикам. Сами же процессы, посредством которых смыслы создаются в мире, лишённом смысла, становятся одной из ключевых забот консерваторов²⁴⁰.

Джон Кекес считается, что консерваторов объединяет убеждения в том, что политические механизмы, которые следует сохранять, обнаруживаются путём размышления о том, почему, как и по какой причине они устояли²⁴¹. Это объясняет опору консерваторов на историю и традицию. История является лучшим инструментом понимания настоящего и планирования будущего, так как она показывает, какие политические средства, институты и механизмы могут сделать жизнь хорошей или плохой. Контрактные же и гипотетические подходы консерваторы критикуют, так как они не являются надёжными для определения приемлемых политических институтов.

Во-вторых, коммунитарные консерваторы настаивают на том, что в рамках либеральной модели общество и сообщества представляют собой просто ассоциации индивидов-атомов. Коммунитарные консерваторы критикуют саму идею общественного договора, как в варианте Томаса Гоббса и Джона Локка, так и в варианте современных договорных концепций, прежде всего либеральной теории Джона Ролза²⁴².

²³⁹ Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. P.6.

²⁴⁰ Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism. P.195.

²⁴¹ Kekes J. What Is Conservatism. P. 352.

²⁴² В отношении критики ролзовской концепции часть консерваторов солидаризируется с Р. Нозиком. Существует и альтернативный подход в рамках консервативной теории к критике ролзовской «Теории справедливости», предложенный Грантом: Cокрам N. R. The Forked

Роджер Скрутон отрицает договорную теорию в гоббсовском и локковском вариантах на том основании, что общественный договор уже в момент его заключения нуждался бы в наличии отношений членства. Люди, заключающие такой договор, принимают решение о совместном будущем, то есть уже должны осознавать и исходить из того, что являются членами одного сообщества, а не просто отдельными, ничем не связанными друг с другом индивидами. Бремя принадлежности накладывает на членов сообщества взаимные обязательства. Поэтому сам договор должен заключаться в условиях существования данных обязательств. Таким образом, у нас нет морального статуса вне сообщества, нас формирует «бремя принадлежности»²⁴³. Скрутон видит основную ошибку либерализма в том, что в нем допускается возможность агента делать рациональный выбор, не используя социальное знание. Однако мы знаем, что делать и как поступать, только когда у нас есть представление о правильном и неправильном. Именно поэтому опасно отбрасывать институты, которые воспроизводят это знание.

Коммунитарные культурные консерваторы критикуют индивидуализм как основную психологическую установку в отношении институтов²⁴⁴. Элементы либеральной методологии становятся не просто умозрительными инструментами обоснования институтов, а мировоззренческими установками, задающими понимание человека, общества и государства, а также создающими определённые ценности и идеалы. Если культурный либерализм при этом рассматривается как обычное безразличие в отношении культуры (культурные вопросы, связанные с выбором ценностей и концепций блага остаются личным выбором автономного рационального агента), то культурный прогрессизм связан с идеей о возможности морального и культурного прогресса. Сам этот прогресс интерпретируется как приближение к идеалу социальной

Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // *Cosmos+Taxis*. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 66–77.

²⁴³ Cockram N. R. *The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism*. P. 68.

²⁴⁴ Nisbet R. *Community and Power (formerly The Quest for Community)*. New York: Oxford University Press, 1962. P.225.

справедливости, мыслимому как достижение равенства через освобождение индивидов от ущемляющих их свободу социальных и культурных привязанностей. Эти привязанности рассматриваются прогрессистами как причина неравенства, дискриминации и угнетения. Перед прогрессистами стоит задача – борьба с социальными конструктами, способствующими укреплению иерархических отношений в обществе. Культурные консерваторы расценивают такие стремления прогрессистов как опасные, ведущие к распаду базовых социальных институтов (семьи, авторитета и т.д.) и ценностей.

Отличительной чертой коммунитарных моделей культурного консерватизма является оригинальная интерпретация проблемы соотношения рынка и государства. Для коммунитарных консерваторов она интерпретируется как проблема соотношения рынка, государства и гражданских сообществ. Свобода собственности рассматривается в качестве одного из ключевых условий существования гражданских сообществ²⁴⁵. Рынок рассматривается как важная часть обеспечения стабильной жизни общества и государства. Однако рынок без других общественных институтов не способен формировать общественный порядок. Он имеет ценность в силу эпистемической функции и материальных благ, которые он приносит, но он должен быть ограничен культурными и моральными рамками²⁴⁶. Социальный порядок как результат взаимодействия государства и гражданских сообществ должен накладывать ограничения на свободный рынок, так как между рыночными и общественными интересами может возникнуть конфликт²⁴⁷.

²⁴⁵ Sheahan L. C. Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke // *Studies in Burke and His Time*. 2019. Vol. 28. P.56.

²⁴⁶ Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism. P.197-198.

²⁴⁷ Скрутон Р. Как быть консерватором. С. 63.

2.3.2 Националистическая и радикальная модели коммунитарного консерватизма

Одной из наиболее распространенных форм культурно-консервативной мысли можно назвать националистические теории. В их основе лежит два принципа. Первый связан с монистической установкой в отношении культуры и политики. Второй опирается на представление о необходимости подчинения культурной сферы государству. На современных консервативных теоретиков – Пол Готфрид, Патрик Бьюкенен, Ален де Бенуа, – которых можно отнести к данной модели, серьёзное влияние оказали представители континентальной социальной и политической философии, прежде всего, Карл Шмитт, Фридрих Ницше и консервативные революционеры (Освальд Шпенглер и др.). Стоит оговориться, что понятие национализм здесь понимается в культурном и этническом значении, а не в гражданском. Более того, Ален де Бенуа является ярким критиком гражданского национализма, а культурный монизм его концепции распространяется исключительно на этнические регионы. Отдельное государство, устроенное по модели империи или федерации, дающее значительную автономию этническим региональным сообществам. Поэтому используя термин «национализм», мы подразумеваем, скорее, определённую идею об однородных этнических и культурных сообществах, которые могут иметь собственную политическую автономию или независимость (при условии однородного состава). Модели культурного консерватизма, которые основаны на принципе гражданской нации, названы в нашем исследовании «национальными моделями».

Шмиттовское понимание политики и политического порядка в данных теориях часто сочетается с грамшианской концепцией культурной гегемонии. Культура понимается как поле политического противостояния за доминирование определенных ценностей. Сохранение или возврат к традиционным ценностям (семья, авторитет и т.д.) делает необходимым приход к власти консервативных политических сил.

Сторонники националистической модели являются плюралистами на международном уровне, однако, выступают за культурный монизм на уровне внутригосударственном. Поэтому во внешней политике консерваторы-националисты являются противниками гомогенизации, универсализма и космополитизма. Социально ориентированный либерализм, опирающийся на прогрессизм в культурной сфере, рассматривается ими как основной политический «враг». Глобальная либеральная идеология воспринимается сторонниками этой модели как угроза традициям, социальным порядкам, государствам и идентичностям, которые противостоят её экспансии. Глобальный либерализм представляет опасность: он разрушает традиционные сообщества, распространяет гедонистические ценности и практики, подрывающие чувство ответственности, добродетели и институты, обеспечивающие стабильность обществ и их дальнейшее развитие. Основная цель сторонников националистической модели – разрушить миф об абстрактном универсальном порядке, создать контрмиф о нации как о уникальном культурном порядке, требующем лояльности, солидарности и дисциплины. Причем нация мыслится здесь в нативистском смысле, то есть предполагает исключение тех, кто не адаптируется к её культуре²⁴⁸.

Консерваторы-националисты рассматривают либерализм и прогрессизм как концепции, в основании которых лежат идеалы эгалитаризма и эмансипации. Этот идеал продвигается классом «новых менеджеров», который желает создать единое гомогенное сообщество, в котором не будет места значимым различиям, порождаемым традиционными привязанностями.

Подвидом националистической модели можно считать радикальный консерватизм (развиваемый, например, в работах Алена де Бенуа), который в большей мере относится к европейской континентальной традиции. Для радикальной модели характерны следующие основные черты. Во-первых, критика капитализма и глобального либерализма. Порождённые капитализмом

²⁴⁸ Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / пер. с англ. П. Паршина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 77–84.

ценностные концептуальные установки (прогресс, развитие, успех, индивидуализм, права человека) трактуются как источник разрушения органических связей, традиции, коллективистского альтруизма, естественно сложившихся иерархических систем²⁴⁹. Р. Антонио предлагает рассматривать радикальный консерватизм, палеоконсерватизм и идеи «Новых правых» как проявление одной из теоретических тенденций, характерных второй половины XX века, связанной с «абсолютной критикой модерна». Также он отмечает, что фактически все эти направления вытекают из синтеза «упрощённых идей Ницше и Вебера»²⁵⁰. Таким образом, культурный консерватизм, представленный в подобных моделях, сближается с постмодернизмом. Мы ранее уже отмечали, что это является характерной чертой культурного консерватизма. Однако сближение совершенно не обозначает отождествления, что также было отмечено нами в первом параграфе. Хотя общими в политическом плане для националистической (и радикальной) модели с левыми постмодернистскими концепциями можно назвать акцент на критике неолиберализма, необходимость проведения активной культурной политики.

Помимо общей критики националистической модели со стороны «естественных» противников в лице культурных прогрессистов и сторонников социальной справедливости, существует достаточно обширная критика и со стороны культурных консерваторов, придерживающихся альтернативных взглядов. Бенуа, например, считал социальную иерархию традиционных обществ высшим выражением справедливости. Разделение общества на три основных сословия (представленное в «Государстве» Платона, а также обоснованное в трифункциональной гипотезе Ж. Дюмезиля) было подорвано развитием индивидуализма и победой ценностей «третьего сословия». Западные ценности, претендующие на универсальность, можно рассматривать как возведение в абсолют «торгашеских» идеалов. Материализм, дух расчёта,

²⁴⁹ Бенуа А. де. Против либерализма: к четвёртой политической теории. СПб.: Амфора, 2009.

²⁵⁰ Антонио Р. После постмодернизма: реакционная клановость // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т.7, №4. С.32–62.

рационализм, прогресс, развитие, права человека, эгалитаризм и иные элементы культуры современного западного общества – следствие распада традиционного порядка и его основополагающих институтов, а также причина огромного числа современных проблем: от разрушения стабильных социальных связей, уничтожения традиционных локальных культур до возникновения всё новых и новых экологических опасностей. Все перечисленные установки вытекают из концепций и идей, которые были характерны для мыслителей консервативной революции.

А. де Бенуа использует широкий спектр инструментов и подходов для критики современного западного капиталистического общества. Он ссылается на культурологические труды О. Шпенглера, Ф. Ницше, Ж. Бодрийера, политико-философские работы А. Грамши, К. Шмитта и других авторов²⁵¹. Также он довольно широко использует коммунитаристскую критику либерализма, представленную А. Макинтайром, М. Сэнделом, А. Этциони, Ч. Тейлором и др.²⁵².

Однако критика «рыночной» культуры не означает для А. де Бенуа отказ от рынка как такового. Скорее, рынок должен стать инструментом для достижения блага сообщества и других политических целей. Радикализм позиции А. де Бенуа выражается в нескольких основных постулатах. Во-первых, он выступает за радикальную переориентацию культурной политики современных европейских государств, призывает к возрождению своих традиций и обычаев, отказу от базовых ценностных установок капитализма (погоня за прогрессом, экономическим ростом, абсолютизация материалистических целей). Такое изменение невозможно без устранения культурной гегемонии либерализма. Именно поэтому культура может рассматриваться как арена борьбы между сторонниками различных ценностных систем. Во-вторых, Бенуа говорит о внедрении в политику современных европейских государств принципа этноплюрализма, который должен

²⁵¹ Бенуа А. де. Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017. 186 с.

²⁵² Бенуа А. де. Против либерализма: к четвёртой политической теории. С.271–315.

рассматриваться как альтернатива мультикультурализму и национальному государству в его модернистской форме (гражданский национализм). В-третьих, ценностная переориентация должна сопровождаться реальным изменением политики решения глобальных проблем, которые были вызваны глобализацией хозяйственно-экономической рыночной деятельности, нацеленной на постоянный экономический рост. Он предлагает переход к локальной политике, поиску решения проблем на местном уровне, снижение влияния международных институтов (вплоть до полного отказа от них)²⁵³. Это, по мнению Бенуа, может привести к более эффективному решению проблем возрождения утраченных социальных связей на локальном уровне, восстановлению традиционных культур малых сообществ, нахождению путей решения экологических проблем²⁵⁴.

Таким образом, в рамках данной модели созданная капитализмом культура и её ценности, претендующие на статус универсальных, трактуются как главная угроза, порождающая серьезные риски для нелиберальных обществ и их традиционных институтов. Бенуа видит в этом источник основных культурных, социальных, экологических и политических проблем (считая, что политика отходит на второй план под натиском экономики).

Данный тип культурного консерватизма был раскритикован в работах Ханса-Хермана Хоппе, который указал, как этатистское управление социокультурными процессами может приводить к разрушению традиционных институтов и ценностей путём подрыва системы моральных стимулов²⁵⁵. Ответственность как ключевой моральный ориентир консерваторов перестаёт культивироваться на уровне гражданских сообществ. Это не означает, что государство не может само по себе культивировать моральные ориентиры. Однако вмешательство государства в сферу ценностей и социокультурных

²⁵³ Бенуа А. де. Против либерализма: к четвертой политической теории. С. 171–184.

²⁵⁴ Бенуа А. де. Вперёд, к прекращению роста! Экологофилософский трактат. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 112 с.

²⁵⁵ Hoppe H.-H. Democracy: The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. P.189–199.

практик рассматривается как угроза гражданским ассоциациям, а также нарушение спонтанных процессов, порождающих «естественные» институты и ценности. Кроме того, чрезмерное использование государственного аппарата, расширение его полномочий в социальной, экономической и культурной сфере в целях национально-культурной гомогенизации государства (для сохранения своей идентичности на глобальном уровне) несёт в себе угрозы установления деспотической власти, а гражданское общество при этом перестаёт играть роль «буфера» между государством и индивидом, обеспечивающего автономию сообществ и индивидов от центральной государственной власти. С другой стороны, в этноплюралистических проектах, предлагаемых сторонниками националистической и радикальной моделей, можно обнаружить попытку решить проблему культурного плюрализма. Однако методы, предлагаемые в рамках данной модели, достаточно радикальны. При этом проблема здесь не в самой радикальности предлагаемых решений, сколько в сложности их реализации в современных условиях. С теоретической же стороны для данных моделей характерен акцент на крайнем коммунитаризме, который близок к позиции радикального холизма, при котором отдельные индивиды и их интересы уходят на задний план, а интересы общности, этноса, государства играют первоочередное значение.

2.3.3 Плюралистическая модель коммунитарного консерватизма

Внутри консерватизма можно выделить ряд теорий, для которых характерно неприятие универсализма, политического и культурного монизма. В качестве альтернативы такие теории предлагают плюралистическую модель. Наиболее яркими теоретиками консервативного плюрализма считаются Роберт Нисбет, Джон Грей и Джон Кекес²⁵⁶.

²⁵⁶ По поводу отнесения Макинтайра к плюралистам существуют различные мнения. Так в работах Т.А. Алексеевой он представлен как антиплюралист, так как отстаивает взгляд,

Ключевые принципы модели следующие: (а) культура играет решающее значение для сохранения порядка и стабильности в обществе, для его воспроизводства; (б) культура нуждается в консервативном отношении; (в) сохранение культуры связано с сохранением сообществ; (г) наилучшим методом сохранения культу́ра(ы) является политический и культурный плюрализм при условии децентрализации государства.

Нисбет в своих работах отталкивается от концепции плюрализма авторитетов (привязанностей), которая приводит к тому, что центральное правительство не монополизировало власть над индивидами. Отдельные сообщества индивидов имеют иерархию, основаны на отношениях авторитета, выдвигают определённые цели, порождают чувство солидарности, уникальности и систему духовных ценностей²⁵⁷. При этом не отвергается нация как культурное образование. Для всех консервативных культурных плюралистов характерно признание национальной идентичности как важного элемента, обеспечивающего единство различных сообществ. Нация в таком случае рассматривается как сообщество сообществ. Помимо общего патриотизма и преданности общей культуре плюралистическая модель предполагает процветание «малых патриотизмов» и преданности локальным субкультурам²⁵⁸.

согласно которому «либеральная концепция справедливости, стремящаяся остаться нейтральной в отношении разнообразных образов жизни, имеет своим следствием нигилизм никакие убеждения не могут считаться хорошими или дурными, правильными или неверными» (по Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С.387). Однако строго говоря отрицание либерального плюрализма не делает Макинтайра прямым противником консервативного варианта плюрализма. В статье Янга подчёркиваются черты сходства позиции Макинтайра с плюралистической позицией Роберта Нисбета. Конечно, Нисбет был, прежде всего, озабочен плюрализмом политическим, однако он косвенно подразумевает и культурный плюрализм. В то же время культурный плюрализм консерваторов не является формой релятивизма, как об этом пишет Джон Грей. Более того Грей указывает, что государство должно быть вправе поощрять одни образы жизни больше других.

²⁵⁷ Sheahan L. C. State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism: Ph. D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016.P.83.

²⁵⁸ Nisbet R. Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age. 1980. Vol. 24, № 1. P.2-3.

Централизация государственной политики с целью обеспечения идеалов равенства и эмансипирующей свободы (как свободы от традиций и сообществ) зачастую направляется на достижение ценностного и политического монизма, стирание различий, порождаемого разнообразием сообществ²⁵⁹. В работах Нисбета подробно описан процесс перехода от коммунитарного плюрализма, основанного на системе традиционных привязанностей, к деспотическим и тираническим формам правления. Основной причиной этого перехода, как указывает Нисбет, может служить чрезмерная индивидуализация, атомизация обществ, проистекающая из-за реализации политической программы, преследующей идеалы равенства и эмансипации от социальных и культурных привязанностей²⁶⁰.

В некоторых случаях плюралистические теории могут либо вступать в противоречие, либо, напротив, дополняться коммунитарными концепциями сторонников теории общего блага. Среди консервативных и коммунитарных мыслителей здесь можно отметить А. Макинтайра и П. Денина, которые в своих работах акцентируют внимание на концепции общего блага. Коммунитарная теория Макинтайра – одна из коммунитаристских концепций, которая получила признание и среди консерваторов²⁶¹. Коммунитаризм Макинтайра можно сочетать с аксиологическими установкам культурных консерваторов. Его концепция опирается на идею Аристотеля о сообществе, выстроенном на основе иерархии, в котором положение индивида и ценность деятельности оценивается в соответствии с добродетелями и заслугами (вклад в общее благо)²⁶². Макинтайр отдельно подчёркивает особую роль сообществ в формировании добродетелей. При этом важное значение имеет участие индивидов в практиках именно локальных сообществ с их моральными

²⁵⁹ Nisbet R. A. *The New Despotism // Studies in Social Theory*. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. № 6. P. 3–34.

²⁶⁰ Nisbet R. A. *The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom*. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p.

²⁶¹ Ремизов М. В. Миссия консерватизма в современном мире // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2010. № 4. С.106.

²⁶² Канарш Г. Ю. Справедливость и идея сообщества // *Знание. Понимание. Умение*. 2010. № 4. С.80-82.

традициями. Участие в практиках сообществ позволяет усваивать определённые стандарты совершенства и развить добродетели, необходимые для достижения благ²⁶³. Несмотря на неоднозначное отношение самого Макинтайра к консерватизму. Например, в «После добродетели» он критикует консерваторов за неверное понимание и отношение к традиции. Так, он пишет: «Мы склонны заблуждаться здесь за счёт идеологического использования концепции традиции современными консервативными политическими теоретиками. Обычно такие теоретики следуют Бёрку в противопоставлении традиции разуму и стабильности традиции — конфликту. Оба противопоставления сбивают с толку. Потому что все рассуждения имеют место в рамках некоторой традиции мысли, превосходящей критику и ограничения, изобретённые ранее в рамках этой традиции. Традиции, будучи жизненными, воплощают непрерывности конфликта. В самом деле, когда традиция становится традицией в стиле Бёрка, она всегда умирает или уже мертва»²⁶⁴. Однако большинство его идей (ценность институтов как условия сохранения практик, акцент на внутренних ценностях, культивирование добродетелей, важная роль традиций) могут быть использованы в защиту коммунитарных культурно-консервативных теорий. Коммунитарная теория Макинтайра, например, может дополнять плюралистическую концепцию Нисбета.

Интересен также тот факт, что идеи А. Макинтайра некоторые интерпретируют как критику либерального плюрализма, указывая на его восприятии эмотивистской морали как порождение кризиса традиционной морали, основанной на добродетелях и отвергнутых в период Нового времени. Макинтайр, действительно, крайне негативно оценивает тот моральный «беспорядок», который характерен для современной западной культуры и которому способствует либеральное поощрение эмотивизма, отсутствием

²⁶³ MacIntyre A. The Nature of the Virtues // The Hastings Center Report. 1981. Vol. 11, № 2. P. 27–34.

²⁶⁴ Макиниайр. После добродетели. С.299–300.

общих представлений о благе. Нейтральное либеральное государство, таким образом, только в ещё большей степени усугубляет ситуацию, провозглашая единственным важным ориентиром защиту прав, совершенно не заботясь о воспитании в гражданах добродетелей. Однако позиция Макинтайра фактически отражает критику субъективистской версии плюрализма, когда ценностный плюрализм представляет собой вариант морального субъективизма. В то же время позиция Макинтайра совместима с консервативным вариантом культурного плюрализма.

Большой вклад в развитие консервативно-плюралистической концепции внёс британский философ Джон Грей. Он в своих работах опирается на идею Исайи Берлина о плюрализме ценностей, который можно интерпретировать как культурный плюрализм. Так же, как и остальные консерваторы, он отвергает культурный и моральный релятивизм. Мир (порядок и стабильность) и справедливость – универсальные блага, но порой они выдвигают несовместимые требования. Антиэгалитаристский посыл концепции Грея заключается в критике равенства в качестве универсальной ценности. Он также является критиком прогрессистской концепции свободы как эмансипации от социально-культурных привязанностей.

Грей критиковал англо-американскую политико-философскую традицию, связанную с Джоном Ролзом. Основной посыл его критики был связан с «культурной ограниченностью» современных либеральных политико-философских концепций, претендующих при этом на статус универсальных и выстроенных при помощи рационального метода. Грей указывает, что англо-американские политические философы, принадлежащие к аналитической традиции практически полностью проигнорировали кризис проекта Просвещения. Более того, они занимаются «кабинетной философией», не имеющей ничего общего с реальной политической и социальной практикой. Теории данных философов связаны с крайне абстрактными представлениями о человеке, его связи с конкретными социальными и культурными объектами (в либеральных теориях он лишён различных социальных и культурных

привязанностей). Таким образом, либеральные теории, претендующие на статус универсальных, полностью обходят представление о людях, осознающих свою принадлежность к исторически сложившимся сообществам.

Культуры по Грью являются несоизмеримыми, поэтому невозможно сделать правильный рациональный выбор между ними. Приверженность, например, либерализму опирается, скорее, на приверженность англо-американской культурной традиции. Лояльность либеральному государству – это лояльность к воплощаемой в нем культуре. Соответственно, данная культура может рассматриваться в качестве единой национальной культуры, которая допускает сосуществование внутри государства различных субкультур. По мнению Грью, не существует чисто политической лояльности, так как последняя всегда предполагает культурную идентичность, отраженную в политическом устройстве, к которому обращена эта лояльность. Политический порядок основан на дополитическом культурном порядке общества. Сохранение, например, либерального порядка связано напрямую с сохранением культурной идентичности граждан либеральных стран²⁶⁵.

Культурный (ценностный) плюрализм предполагает реализацию принципа *modus vivendi*. Данный принцип предполагает поиск условий для мирного сосуществования конфликтующих образов жизни. Справедливость интерпретируется по-разному различными сообществами. Основная задача политической философии должна состоять не в поисках принципов для построения справедливого общества в соответствии с каким-либо конкретным пониманием справедливости, а в поиске институтов, обеспечивающих сосуществование различных ценностных систем. При этом следует также обозначить, что различные наборы ценностей и отдельные ценности могут вступать в конфликт. Поэтому различные сообщества сами в праве ранжировать ценности. Задача государства должна сводиться в обеспечении мирного сосуществования образов жизни, опирающихся на различные

²⁶⁵ Грэй Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. С.158.

ценностные системы и различные наборы (и комбинации) универсальных ценностей.

Главное, что необходимо признать современным либералам, это то, что все люди живут в конкретных сообществах и связаны с ними в культурном (ценностном, моральном) и социальном смысле. Это должно приводить к пониманию значения толерантности, которая противопоставляется либеральному принципу нейтральности. Толерантность в этом плане отличается от нейтральности тем, что она предполагает концепцию блага как совместной жизни в условиях ценностно-культурного плюрализма. Однако характерный для современных эгалитарных либералов акцент на равенстве не может в полной мере сочетаться с принципом толерантности, понятого в значении *modus vivendi*. Грей также называет толерантность добродетелью, свойственной людям, осознающим своё несовершенство, что полностью совпадает с консервативным пессимистическим взглядом на человека. Если мы хотим обеспечить достижение свободы и иных ценностей, нам необходимо обеспечить мирное сосуществование, что возможно только в том случае, если мы умерим свои требования друг к другу и научимся терпеливо относиться к нашим различиям.

Пределом для толерантности (допустимого уровня внутригосударственного культурного разнообразия) выступает ситуация, несущая опасность для общей национальной культуры. Таким образом, Грей признаёт возможность давления на некоторые меньшинства, которые несут угрозу для общей культуры или угрожают сложившейся плюралистической системе, навязывая свои ценностные и культурные стандарты. При этом государство не должно поощрять какие-либо меры, направленные на увеличение разнообразия, позитивную дискриминацию, квотирование и так далее. Для Грея важно, что мы должны признать факт разнообразия в наших обществах и стремиться обеспечить мирное сосуществование в сложившихся условиях, но не делать мультикультурализм нормативной установкой. Политика взаимных уступок, предполагаемая принципом *modus vivendi* по

Грею предполагает одновременный отказ от двух крайностей: от либерального безразличия к культурам (что часто связано с особым вниманием лишь к принципам равенства и свободы, которые важнее любых культурных вопросов и ценностных расхождений) и от идеи особых прав для культурных меньшинств (что также нередко предполагает чрезмерную озабоченность идеалами равенства, которые начинают распространяться не только на индивидов, но и на целые культурные сообщества).

Плюрализм не предполагает разнообразия личных этических убеждений и идеалов. Он связан с признанием разных образов жизни. Для последних характерно то, что они практикуются множеством людей, охватывают несколько поколений, порождают идентичности, содержат отличительные практики, убеждения и ценности, исключают тех, кто ведёт иной образ жизни.

Ключевое замечание Грея в отношении современных либеральных теорий состоит в том, что различные взгляды на благо предполагают различные взгляды на справедливость. В то же время либеральные теории указывают на то, что требования справедливости должны иметь приоритет над любыми концепциями блага. Например, Грей указывает, что Джон Ролз и Фридрих фон Хайек по-разному понимают справедливость именно потому, что исходят из различных концепций блага²⁶⁶.

Индивиды черпают идентичность из сообществ, к которым они принадлежат. Ценности, которые индивиды, усваивают через участие в практиках сообществ, не создаются, а открываются. Поэтому сообщества являются необходимым условием для формирования идентичности и ценностей каждого отдельного индивида. Рыночные и политические институты опираются на культурный фундамент, состоящий из ценностей и практик общества, которые придают определённую форму этим институтам.

Ещё одним сторонником плюралистической модели можно назвать Денина, критикующего либеральный универсализм и монизм. Он пишет о культурном либерализме, а не о либеральных институтах. Более того, Денин

²⁶⁶ Gray J. Two Faces of Liberalism. New York: The New Press, 2002. 161 p.

описывает процессы формирования либеральных институтов в «долиберальный» период²⁶⁷. Процветание требует культуры как системы ограничений, дисциплины и формы. Сообщества поддерживают стандарты и модели поведения, выполняют образовательные и воспитательные функции. Плюралистическая система, предполагающая многообразие авторитетов и локальных культурных традиций – условие поддержания механизмов, порождающих чувство ответственности, дисциплинирующих индивида и включающих его в систему практик, в которых индивид усваивает ценности, воспитывает в себе добродетели. Однако концепция П. Денина не является полностью плюралистической. И, скорее, представляет собой попытку синтеза концепции общего блага с плюралистической моделью. Плюралистический подход Джона Кекеса будет описан в последнем параграфе, посвящённом синтетической модели. Именно его концепция, на наш взгляд, может служить основой для обоснования соотношения индивидуализма и коммунитаризма на уровне методологии при построении культурно-консервативной синтетической теории, учитывающей сильные и слабые стороны коммунитарных и либертарных подходов.

Все сторонники плюралистической модели указывают на то, что несмотря на приверженность принципу множественности центров авторитета, которые предполагают многообразие субкультур, необходимым условием поддержания единства и стабильности является чувство национальной идентичности у членов политического сообщества. Однако данный вопрос, как и вопрос о соотношении национальной и локальной культурной идентичностей остаётся не до конца проясненным в рамках данных концепций. Плюралистическая модель не связана с политической философией мультикультурализма, так как не ставит в центр внимания вопрос о справедливости в мультикультурном обществе. Более того, культурное разнообразие в рамках данной модели ограничено рамками комплиментарности культур. Порядок и мирное сосуществование имеет абсолютный приоритет

²⁶⁷ Deneen P. J. Why Liberalism Failed. P.21-23.

перед правами на идентичность, сохранением культурных особенностей и так далее. Нередко консервативные плюралисты противопоставляют свои концепции мультикультурализму как абстрактной концепции, дающей сбои на практике.

2.3.4 Национальная модель коммунитарного консерватизма

Существует возможность выделить отдельную модель культурного консерватизма, сочетающую в себе элементы националистической и плюралистической теорий. Довольно часто плюралистические теоретики (Роберт Нисбет, Джон Грей, Джон Кекес) имплицитно придерживаются взглядов, схожих с данной моделью. Однако заявляя о важности национальной идентичности, плюралисты не приводят доводов, а также не пытаются выстроить теоретического обоснования того, как должны решаться проблемы соотношения 'малых' культурных идентичностей с «большой» национальной идентичностью. Кроме того, если вопрос локальной культурной идентичности ассоциируется с идеей спонтанного порядка, а возникновение локальных культурных практик и ценностей как часть естественного стихийного процесса, то национальная идентичность имеет для них искусственно сконструированный характер и связана с государственной культурной политикой.

Национальная модель культурного консерватизма представлена в работах Роджера Скрутона, а также отдельные её элементы могут быть усмотрены в трудах идеологов американского культурного консерватизма Рассела Кирка, Пола Вайриха, Уильяма Линда и Уильяма Маршнера. Данные философы и идеологи совмещают бёрковский принцип защиты свободы «малых отрядов» с идеей нации и национальной идентичности как общей принадлежности и инструмента интеграции в единое политическое сообщество. Национальная идентичность опирается на представление об общей культуре. С точки зрения Скрутона, культура – это вопрос знания и понимания, она усваивается на

практике, а не в теории. Общая культура имеет большое значение, так как она формирует поведение, мышление человека вплоть до его чувственно-эмоциональных реакций²⁶⁸. Общая культура культивирует идентичность общества через язык, религию, искусство, историю. Она определяет сущность нации, проявляется в обычаях, верованиях и ценностях²⁶⁹.

Государство в рамках данной модели рассматривается как институт, защищающий общую культуру от внутренних и внешних «угроз»²⁷⁰. Под «внутренними угрозами» здесь понимаются прогрессистские эгалитаристские тенденции движений за эмансипацию, под «внешними угрозами» – опасность диссоциации общей культурной идентичности из-за мультикультурализма.

Для Скрутона лояльность нации является необходимым условием стабильности общества, единства и чувства принадлежности²⁷¹. Национальная принадлежность – единственная форма членства, которая показала себя способной поддерживать демократический процесс и верховенство права. Национальная лояльность основана на любви к месту, обычаям и традициям, которую следует отличать от крайнего национализма, проявляющегося в нетерпимости к другим нациям и культурам²⁷².

Национальная идентичность имеет ряд преимуществ перед другими формами обеспечения лояльности, она включает в себя связь через взаимные обязательства независимо от семейной принадлежности и вероисповедания, возможности совмещать данную идентичность с принципами свободы слова, совести, мнений. Законы в таком случае получают легитимность в глазах граждан данной страны и распространяются на территорию, которая им принадлежит. Национальная идентичность и преданность общей национальной культуре позволяет быстро объединиться перед лицом общей угрозы; создаёт условия для примирения представителей разных классов, слоёв, групп и

²⁶⁸ Scruton R. The Significance of Common Culture // Philosophy. 1979. Vol. 54, № 207. P.55–57.

²⁶⁹ Scruton R. Modern Culture. London: Bloomsbury, 2018. 192 p.

²⁷⁰ Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism. P.457.

²⁷¹ Scruton R. England and the Need for Nations. London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. P.1.

²⁷² Scruton R. England and the Need for Nations.P.10–17.

приводит к поиску консенсуса; сохраняет чувство уважения к суверенитету и правам личности.

Анализ концепции национального культурного консерватизма позволяет сделать три ключевых вывода. Во-первых, национальная модель связана с поиском ориентиров для формирования социетальной культуры. При этом допускаются разговоры, как о «тонкой», так и о «толстой» идентичности в силу толерантности консерватизма к национальным различиям, допущению множественности несоизмеримых культурных и политических традиций. Во-вторых, национальная модель позволяет расставить приоритеты: общие ценности и принципы, лежащие в основе национальной культуры, имеют приоритет перед локальными идентичностями, их разнообразие допускается, но для поддержания стабильности и порядка эти идентичности должны быть комплементарны общей культуре, тем самым, фактически допускается лишь «субкультурность». В-третьих, локальные сообщества имеют ценность, так как именно на уровне малых сообществ формируются ключевые добродетели ответственности, преданности и самоконтроля, важные для культурных консерваторов. Поэтому государство, проводя интегральную национально-культурную политику должно заботиться об их состоянии. И наконец, в-четвёртых, в области культуры приоритет должен отдаваться соображениям порядка и безопасности перед соображениями справедливости (хотя последняя и не исключается из области ценностных приоритетов полностью).

Отдельно стоит рассмотреть как в рамках концепции, предложенной Скрутоном, решается проблема соотношения государства, гражданского общества и рынка. Ключевой тезис Скрутона является общим для представителей различных коммунитарных моделей и состоит он в том, что культурный (моральный) порядок предопределяет порядок политический и определяет специфику функционирования различных экономических, социальных и политических институтов.

Несмотря на важную роль государства в поддержании общей национальной идентичности, оно не должно, по мнению Скрутона, обладать

слишком широкими полномочиями. По этому поводу английский философ пишет: «Роль государства меньше или должна быть меньше, чем того требуют социалисты, и больше, чем допускают классические либералы»²⁷³. С одной стороны, в современных условиях гражданское общество не может поддерживать лояльность без обеспечения коллективного благосостояния, что затруднено при либертарианском подходе. С другой стороны, государство должно воздерживаться от чрезмерного влияния на гражданские ассоциации, которые будучи автономными сами способны порождать ценности и чувство принадлежности. Эти ассоциации процветают только при определённой автономии и росте «снизу» и могут быть разрушены в ситуации контроля «сверху»²⁷⁴.

Ценности, вырастающие из свободного функционирования сообществ порождают в их членах отношения авторитета, принадлежности (идентичности), безопасности и мирного сосуществования. Они не могут возникнуть, с точки зрения, путём реализации какой-либо политической программы. Таким образом, ценности являются результатом наших совместных усилий. Обычаи, традиции и институты, которые воплощают определённые ценности и служат инструментами их сохранения и передачи порождают в членах сообществ и общества в целом чувство взаимной ответственности. Таким образом, даже национальная идентичность нуждается в том, чтобы у граждан уже были сформировано особое отношение к обязанностям, чувство ответственности перед своими согражданами, уважительное отношение к институтам.

Скрутон указывает на то, что в прошлом религия позволяла воспитывать в людях все вышеперечисленные качества и формировать привязанность к институтам и ценностям. Однако в настоящее время её роль значительно уменьшилась. Кроме того, религиозное послушание не должно рассматриваться

²⁷³ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.142.

²⁷⁴ Там же.

в качестве необходимой части гражданства и принадлежности к нации, гражданские обязанности также должны иметь приоритет перед религиозными.

Основную роль в воспитании необходимых добродетелей выполняет семья. В ней закладываются основные ценности, позволяющие каждому человеку определить цели жизни. Но, несмотря на то, что семья и традиционные семейные ценности занимают важное место в жизни каждого человека и общества в целом, государство не должно заниматься семейной политикой. Это связано с тем, что семья является основным элементом гражданского общества. Вмешательство государства в эту сферу в целях реализации каких-либо планов может нарушить механизмы спонтанной самоорганизации и полностью подорвать институт семьи. Интересно, что в этом плане Р. Скрутон солидаризируется как с представителями либертарного культурного консерватизма (Хоппе, Ротбард), так и с некоторыми плюралистами (Нисбет). По всей видимости, отказ от семейной политики со стороны государства должен привести к «нормализации» брачных и семейных отношений в обществе: «Только если брак заново открыт как «существенный союз», из которого вырастает новая социальная личность, мы вернёмся в сферу социальных ценностей»²⁷⁵. Скрутон также поясняет, что государство не должно использовать брачное и семейное законодательство как инструмент культурных перемен. Государство должно в данном случае подходить с позиций защиты гражданского общества, а не его формирования в соответствии с какой-либо целью.

Итак, Скрутон, признавая приоритет культурных факторов, как и другие культурные консерваторы (либертарные и коммунитарные), настаивает на том, что именно в сообществах, которые образуют единую сеть гражданского общества формируются моральные и ценностные основы социального порядка. Жизнь в гармонии и обеспечение нормального функционирования институтов, в том числе рынка, возможно лишь в условиях определённой культурной среды, порождающей чувство долга, доверия, взаимной ответственности и

²⁷⁵ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.152.

добродетели. Поэтому рынок, как и другие общественные институты, нуждается в определённой культурной среде. Это обуславливает место рынка в концепции Скрутона. В целом, английский философ выступает с критикой понимания человека как Homo oeconomicus (человека экономического) как «рационального существа, который всегда выбирает и действует с целью максимизировать свои выгоды любой ценой, не считаясь с другими»²⁷⁶.

Коммунитарные модели культурного консерватизма направлены не столько на критику нормативных выводов либеральных теорий, сколько на критику методологических и аксиологических аспектов либерализма. Более того, культурный консерватизм в национальной и плюралистической форме приходит к выводам, близким к нормативным положениям классического либерализма и либертарианства. Основная задача коммунитарной культурно-консервативной критики связана с методологическими аспектами договорных теорий. Коммунитарные культурные консерваторы пытаются не просто показать несостоятельность либерально-прогрессистской методологии, а указать на опасность трансформации исходных методологических допущений в аксиологические ориентиры. Наделение абстрактных категорий либеральной теории статусом ценностных ориентиров для проведения определённой социальной и культурной политики для достижения общества равных эмансипированных индивидов с точки зрения культурных консерваторов несёт опасность для стабильности социального порядка, приводит к исчерпанию материальных и социокультурных ресурсов, необходимых для воспроизводства обществ.

Различные коммунитарные модели культурного консерватизма подчёркивают разные способы и формы сохранения культурных инструментов поддержания социального порядка. Имея общие исходные методологические и аксиологические установки, сторонники разных коммунитарных моделей расходятся в вопросе институциональных ограничений. Основная проблема состоит в том, как именно должен решаться вопрос соотношения государства

²⁷⁶ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.24.

гражданского общества и рынка как трёх элементов, играющих важную роль в культурных процессах. Националистическая модель имеет явный перекос в сторону государства как основного инструмента проведения социальной, культурной и экономической политики. Плюралистическая модель отдаёт приоритет гражданским сообществам и в меньшей степени занимается вопросом обеспечения общенационального единства. Национальная модель, совмещая две вышеуказанные, признает область культуры и ценностей внутренним делом гражданских сообществ, опирается (как и плюралистическая модель) на идею спонтанного порядка, но уделяет также важное внимание роли общей национальной культуры, имеющей социетальный характер, для поддержания общей идентичности, что даёт ей некоторые преимущества перед двумя другими моделями. Тем не менее, все перечисленные модели, имея потенциал для дальнейшей разработки, все же не решают ряд важных проблем. Например, проблему выработки собственной концепции справедливости. Консерватизм считает приоритетным решение задач, связанных с поддержанием стабильности, безопасности, социального порядка, но культурные консерваторы не выработали своей собственной теории справедливости. Создание такой теории в рамках консервативной интеллектуальной топики, принимая общие исходные принципы консервативного стиля мышления об ограниченной рациональности в вопросах социального и политического знания, а также выраженный практико-ориентированный характер консервативной мысли, – непростая задача. Но это вовсе не исключает возможности поиска дополнительных способов обоснования некоторых ключевых для культурного консерватизма положений (свободы как самоуправления, критики эгалитаризма, ориентации на традицию и культуру). Безусловно, культурный консерватизм, прежде всего, критическая теория, тесно связанная с анализом либеральных и прогрессистских концепций. Однако он имеет и собственные концептуальные ориентиры в виде сообществ, защиты отношений авторитета, культивации ответственности и идентичности.

На наш взгляд, принятые в качестве исходных коммунитарные принципы предоставляют лучшие перспективы для развития культурно-консервативных теорий, нежели либертарные в силу двух обстоятельств. Во-первых, культурные консерваторы могут заимствовать и перерабатывать наработки теоретиков коммунитаризма, с позициями которых они в некоторой степени солидарны. Во-вторых, в своей изначальной форме консервативная мысль ориентировалась на коммунитарное понимание общества и человека. Отдельно следует отметить, что аргументация культурных консерваторов не может быть выстроена исключительно дедуктивным способом, без ссылок на практический опыт, учета тех или иных ограничений применения рационального метода в политике. Поэтому обоснование роли ключевых для культурных консерваторов принципов является для них приоритетной концептуальной задачей, так как эффективная политико-философская теория не может исчерпываться лишь своей критической составляющей.

2.4 Гибридная (синтетическая) модель культурного консерватизма

2.4.1 Оценка коммунитарных и либертарных моделей: возможности синтеза

Консервативные концепции строятся в основном, опираясь на коммунитарные методологические и теоретические основания. Это является характерной чертой консервативного стиля мышления. Есть ряд общих черт, которые сближают, например, англо-американские коммунитаристские теории с консервативными²⁷⁷. Некоторые исследователи даже пытаются поставить знак равенства между ними, указывая, что как консерватизм, так и коммунитаризм являются реакцией на либерализм, опираются на общинные традиции, а не на

²⁷⁷ Речь идёт о концепциях, предлагаемых такими политическими философами, как М. Сэндел, Ч. Тейлор, Этциони, М. Уолцер и т.д.

разум для оправдания социальных и политических предписаний, а также обладают достаточно большой гибкостью в отношении конкретных способов реализации концепций на практике²⁷⁸. Однако такое отождествление, на наш взгляд, не в полной мере можно считать правомерным. Культурный консерватизм и коммунитаризм, действительно, имеют много общего. Даже в отношении принципов свободы и справедливости они имеют схожие установки. Свобода в них рассматривается как всего лишь одна из ценностей, которая встраивается в контекст с другими ценностями, а не как некий приоритетный принцип. Для культурных консерваторов, как и для коммунитаристов социальный и культурный контекст, таким образом, оказывается определяющим (в различных сообществах и обществах он отличается). Однако коммунитаризм следует рассматривать как более широкое понятие, так как он включает порой совершенно различные концепции, которые несмотря на общие предпосылки предполагают разные инструментальные, институциональные, нормативные выводы. Можно также, например, различать коммунитаристов «смотрящих вперёд» и «смотрящих назад». «Смотрящих назад» коммунитаристов можно ассоциировать с консерватизмом или с некоторыми моделями культурного консерватизма, которые в нашей работе мы обозначили как «коммунитарные». Для них характерна риторика, связанная с «упадком» сообществ, социокультурным кризисом. Причиной подобных явлений они называют чрезмерный акцент на индивидуализме, кризисе традиционных ценностей, моральном упадке, который консерваторы связывают с господством гедонизма и морального субъективизма в современной культуре. «Смотрящие вперёд» коммунитаристы отстаивают идеи мультикультурализма, чаще всего являются сторонниками гражданского республиканизма, либерального национализма, делают акцент на защите прав меньшинств²⁷⁹. Таким образом, различие между «смотрящими

²⁷⁸ Young M.C. Conservatism and Communitarianism: Two or One? // Canadian journal of practical philosophy. 2020. Vol.4. P.58–71.

²⁷⁹ Кимлика У. Современная политическая философия. С.355–358.

вперед» и «смотрящими назад» коммунистами может быть интерпретировано как различие между культурными прогрессистами и культурными консерваторами соответственно.

Коммунитарные модели культурного консерватизма имеют важное преимущество перед либертарными, так как исходят из более «реалистической» концепции «Я». Однако в них всегда сохраняется возможность ухода в крайний холизм в форме коллективизма, что может способствовать недооценке роли способности индивида делать свободный выбор. Либеральная концепция «Я» в форме крайнего атомизма, когда индивид рассматривается вне социального контекста, на наш взгляд, вполне справедливо может быть подвергнута критике в силу тех искажений, которые могут быть существенными при построении не просто противоречивой, но и работающей на практике теории. Однако вполне справедливо будет отметить, что социокультурная конституированность «Я» коммунитарных теорий также не должна вводить нас в заблуждение и приводить к неправомерной редукции, когда поведение и выбор индивида рассматриваются как полностью обусловленные социальной средой, на которую сам индивид не способен существенно повлиять²⁸⁰. Кроме того, опасность здесь может быть усмотрена не только в дискриминационных практиках, которые не всегда заботят консерваторов (особенно нелиберального толка), но и в способности некоторого общества (сообщества) адаптироваться к меняющейся действительности.

Крайний холизм (коллективизм), как и крайний атомизм (индивидуализм) – позиции, которые в одинаковой степени имеют серьёзные недостатки, способные привести к ошибкам. Так, например, либертарные и либеральные концепции, выстраиваемые с опорой на методологический индивидуализм (особенно в рамках договорных теорий) могут быть полезными для

²⁸⁰ Уилл Кимлика отмечает, что в радикальных формах коммунитарные установки и идеи «конституирующих целей» и «укоренённого Я», ограничивающие возможности индивидов ставить под вопрос традиции и практики, могут способствовать утверждению о необходимости сохранять даже те из них, которые носят откровенно угнетательский и унижительный характер (см. Кимлика У. Современная политическая философия. С.355).

обоснования институтов, необходимых для поддержания автономии индивидов, разработки принципов справедливости и так далее. Однако они существенно недооценивают, во-первых, роль культурных факторов (морали, социальных институтов и практик, ценностей) для поддержания и успешного функционирования данных институтов. Во-вторых, они могут сталкиваться с проблемой обоснования приоритета автономии и не всегда удачно совмещаются с принципом ценностного плюрализма (особенно, как в своих работах показал Дж. Кекес, это характерно для либерального эгалитаризма)²⁸¹. В-третьих, есть значительные трудности при реализации таких теорий на практике в силу их значительной оторванности от социальных и политических реалий. Последний аспект может казаться не важным именно в рамках задач, решаемых политическими философами, однако он указывает на те проблемы, которые могут корениться в исходных положениях отдельных теорий, которые не учитывают каких-либо важных аспектов социальной и политической действительности, которые при надлежащем к ним внимании могли бы сделать ту или иную теорию не только согласованной и внутренне непротиворечивой, но и полезной на практике.

Либертарные культурно-консервативные концепции, которые ставят перед собой цель не только разработать непротиворечивую и обоснованную политико-философскую систему, но и проанализировать культурные факторы, влияющие на устойчивость социальных и политических институтов, поддержание определенного порядка, идут дальше. В них уже делается попытка обоснования культурного контекста, необходимого для успешного

²⁸¹ Критика либеральных концепций, принципов автономии и эгалитаризма представлена в различных работах . Например, в работах Дж. Кекеца: Kekes J. A question for egalitarians // *Ethics*. 1997. Vol. 107 (4). P.658–669; Kekes J. Against Egalitarianism // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 2006. Vol.58. P.137–156; Kekes J. Justice: A Conservative View // *Social Philosophy and Policy*. 2006. Vol.23, Issue 2. P.88–108; Kekes J. Objections to Democratic Egalitarianism // *Journal of Social Philosophy*. 2002. Vol.33, No2. P.163-16; Kekes J. Pluralism and the Value of Life // *Social Philosophy and Policy*. 1994. Vol.11 (1). P.44–60; Kekes J. The Dangerous Ideal of Authonomy // *Criminal Justice Ethics*. 2011. Vol.30, Issue 2. P. 192–204.; Kekes J. What Is Conservatism // *Philosophy*. 1997. Vol.72, №281. P.351–374; Kekes J. *The Illusions of Egalitarianism*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 228 p.

функционирования институтов. Однако они сталкиваются с целым рядом проблем: методологической непоследовательностью (невозможностью вывести культурно-консервативных требований из классической либеральной и либертарианских концепций), недостатком эмпирических данных (в силу отсутствия фактического воплощения либертарианских проектов), практическими трудностями воплощения культурно-консервативных либертарианских проектов. Таким образом, методологический индивидуализм, характерный для классических либеральных и либертарианских теорий, чуждый сам по себе консервативному стилю мышления, является источником принципиальных проблем, перед которыми сталкиваются политические философы, пытающиеся выстроить культурно-консервативные либертарные теории.

Таким образом, либертарные концепции культурного консерватизма можно считать менее разработанными и имеющими более серьёзные преграды для их дальнейшего развития. Именно поэтому более продуктивными можно считать коммунитарные модели. Однако коммунитарные модели, имея большой потенциал для разработки всё же имеют проблемы, которые можно разделить на две группы. Первая группа связана с тем, что коммунитарные модели нередко могут выстраиваться на принципе крайнего холизма, что ведёт к недостаточному учёту роли индивидуальной автономии, к недооценке способности индивида самостоятельно принимать решения в отношении тех или иных благ. Вторая группа проблем связана не столько с исходными положениями коммунитарных моделей, сколько с уровнем институционально-инструментальным. Здесь речь идёт, с одной стороны, о проблемах недостаточной обоснованности предлагаемых инструментов и институтов. С другой стороны, есть значительные пробелы даже в тех концепциях, которые мы обозначили как наиболее продуктивные (плюралистическая и национальная коммунитарные модели). В них даются ответы, связанные с проблемой соотношения рынка, государства и общества, однако не описывается институциональный механизм взаимодействия локального и национального

уровней. Хотя этот вопрос можно считать одним из ключевых для культурно-консервативных коммунитарных концепций.

Однако существует возможность в определённой степени преодолеть некоторые проблемы, с которыми сталкиваются указанные крайние формы методологических установок. Весьма продуктивным в этом плане можно считать подход Хайека, который довольно удачно сочетает коммунитарную социальную онтологию и антропологию с акцентом на роли индивидуального выбора. Коммунитарный подход Хайека выразался в его взгляде на то, что структура формирует условия для свободы действий агента, который затем своими действиями может трансформировать структуру. Важно, что Хайек в отличие от других либералов и либертарианцев, с которыми его ассоциируют намного чаще, нежели с консерваторами, не был сторонником рационалистических теорий, исходящих из некоторых общих абстрактных принципов. Напротив, его подход базируется на «традиционалистском» понимании социальных и политических институтов, которые близки к идеям Эдмунда Бёрка²⁸².

Правила являются воплощением знаний данной эпохи (обычаев и традиций культуры). Они влияют на формирование привычек мышления и определенным образом ограничивают наши действия. Однако в отличие от приказов (то есть указаний на определённые действия для достижения цели в соответствии с планами вышестоящего органа) правила, воплощённые в традициях и обычаях далеко не всегда имеют ясное для нас значения, и потому представляют, скорее, форму неявного знания.

Общей для культурных консерваторов является мысль о том, что моральные принципы, передающиеся через традицию, предшествуют институциональной структуре, так как выполняют функцию стандартов кооперативного поведения. Однако отличие традиционных норм и стандартов от рационально выведенных состоит в том, что несмотря на их способность

²⁸² McCann C. Hayek: The Liberal as Communitarian // The Review of Austrian Economics. №15 (1). P.5–34.

управлять нашей жизнью, устанавливая определённые рамки для нашего поведения, мы не всегда способны установить их пользу.

Общие нормы и ценности, опирающиеся на традицию как способ передачи социального знания, влияют на формулировку целей индивида и устанавливают границы свободы действий. Безусловно, индивиды, существующие в рамках определённых социально-культурных структур способны не только воспроизводить эти структуры, но и трансформировать, что не противоречит консервативному взгляду о возможности социокультурной эволюции для адаптации к изменяющимся условиям и для постепенного частичного улучшения отдельных конвенций, принятых в обществе в определённый исторический период. Однако консервативный взгляд также состоит в том, что так как традиционные нормы и ценности оказывают влияние на идентичность индивида, выбор им целей и способов их реализации, они просто необходимы для обуздания того, что Макинтайр мог бы охарактеризовать как эмотивистское «Я», индивида, руководствующегося лишь собственными предпочтениями. В этом плане нет никаких противоречий между консерваторами (либертарными и коммунитарными), необходимость преодоления описанного Макинтайром эмотивизма – это сфера консенсуса между всеми консерваторами.

Похожий подход характерен и для Джона Кекеса, в чьих работах мы можем увидеть попытку поиска «золотой середины» в вопросах эпистемологического, этического и методологического характера²⁸³. Промежуточную позицию между крайним коммунитаризмом и крайним индивидуализмом он называет традиционализмом, указывая, что именно традиция позволяет связать автономию с правилами, ценностями конкретного общества²⁸⁴.

Вышеописанный подход, который можно найти в работах Хайека и Кекеса, может быть назван умеренно коммунитарным. Его достоинство в том,

²⁸³ Kekes J. What Is Conservatism // Philosophy. 1997. Vol.72, №281. P.351–374.

²⁸⁴ Kekes J. What Is Conservatism. P. 364.

что он позволяет акцентировать внимание на «агент-структурных» отношениях, уделяя должное внимание как способности индивидов менять социокультурную структуру, так и на социально- и культурно- обусловленном характере решений и действий, принимаемых индивидом.

В рамках подобного подхода «Я» соотносится с различными культурными объектами, такими, как традиции, обычаи, язык и так далее. Поэтому индивидуальные выборы можно рассматривать как социально- и культурно- обусловленные. Культурные объекты оказывают значительное влияние, прежде всего, на уровне нерациональном (или дорациональном), формируя привязанности и предрасположенности, оказывая влияние на самоидентификацию человека. Роджер Скрутон в этом отношении отмечает, что традиции и обычаи, характерные для определённой культуры, могут санкционировать даже проявление конкретных эмоций в конкретных ситуациях²⁸⁵.

Однако нельзя преувеличивать степень обусловленности решений и действий индивидов социокультурными факторами. Индивиды обладают свободой. Они могут перестать признавать авторитет определённых традиций и институтов. Это может привести к тому, что определённые социальные и культурные практики, опирающиеся на утратившие свой авторитет традиции и институты, либо перестанут реализовываться, либо претерпят значительные изменения, что приведёт к состоянию их упадка и дальнейшему разрушению.

Теоретически можно допустить, что институты и традиции полностью зависят от воли индивидов. Но тогда именно эта воля должна рассматриваться как совершенно независимая и ничем не обусловленная. Но мы уже отмечали, что данная позиция имеет множество недостатков, которые неоднократно критиковались с коммунитарных позиций. Выбор, совершаемый полностью автономно, – это иллюзия. Как показано в работах Дж. Грея и Дж. Кекеса, даже само либеральное представление об автономии можно рассматривать как характерное именно для либеральных культур. Например, Грей отмечает по

²⁸⁵ Scruton R. The Significance of Common Culture // Philosophy. 1979. Vol. 54, № 207. P. 51–70.

поводу автономии следующее: «Однако автономия значима только в обществе, предоставляющем людям богатство выбора. Соответственно, ценные по своей сути формы общественной жизни входят в ценность самой автономии; жизнь автономной личности будет достойной только в том случае, если человек живёт в культурной среде, обеспечивающей всю совокупность общественных благ – благ, являющихся существенной составной частью ценимых форм жизни»²⁸⁶. Джон Кекес отмечая, что цель общества и государства сделать жизнь людей хорошей и благополучной, в отношении автономии замечает следующее: «Ошибка состоит в том, чтобы перейти от разумного представления о том, что автономная жизнь может быть хороша, к неразумному мнению, что жизнь не может быть хорошей, если она не автономна. Такой образ мышления не только ошибочен сам по себе, но и несовместим с плюрализмом, приверженностью которому заявляют либералы, мыслящие таким образом. Во-вторых, если хорошее общество – это общество, которое способствует хорошей жизни людей, живущих в нем, то отдавать приоритет автономии над властью не может быть правильным, поскольку автономная жизнь может быть плохой»²⁸⁷. Также Грей ссылается на Джозефа Раза, который отмечает, что не имеет смысла выводить стремление к автономии из самой природы человека, а также указывает на то, что «...условия, превращающие автономию индивида в жизненно важное условие человеческого благополучия, сложились не во всех обществах...»²⁸⁸. Из этого делается вывод о том, что нет никаких оснований догматически считать автономию высшей ценностью и важнейшим признаком благополучного существования, так как могут существовать процветающие общества, основанные на ценностях, несоизмеримых с либеральными, но при этом ограничивающие автономный выбор. Более того, Грей соглашается с Разом и в более существенном вопросе, отражающем основные интуиции культурных консерваторов, о взаимосвязи между ключевыми ценностями и

²⁸⁶ Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. С. 24.

²⁸⁷ Kekes J. What Is Conservatism. P. 363.

²⁸⁸ Грей Дж. Поминки по Просвещению. С.27–28.

принципами, лежащими в основе политических институтов, с конкретной специфической культурой, отражающейся в целостном образе жизни. Так, например, он указывает на то, что либерализм не сводится к политическим институтам, которые могли бы функционировать в любом культурном контексте в силу их декларируемой универсальности: «...Раз совершенно прав, рассматривая либерализм как целостный образ жизни, а не просто как ряд политических принципов или институтов»²⁸⁹.

Хотя автономия, возможно, не всегда является необходимым условием благополучия, и могут существовать общества, где она не имеет той ценности, что и в западных культурах, она всё же остаётся одним из свойств индивида в том отношении, что он может принимать решения в рамках заданной ценностно-нормативной системы. Встаёт вопрос о том, следует ли нам сохранять какие-либо институты на основании их традиционного характера или же простой привычки и преданности? Культурно-консервативный ответ в данном случае будет положительным. Но при этом стоит сделать несколько оговорок, касающихся понимания роли подобных традиционных институтов.

Можно, конечно, заявить, что сам автономный выбор может приводить как к разрушению, так и к созиданию новых институтов и к утверждению (или отказу от) тех или иных обычаев, традиций, практик. Однако в силу взаимно обуславливающего характера элементов пары «агент-структура» следует отдавать себе отчёт о последствиях, к которым могут приводить изменения одного из них. Структура в данном случае предполагает определённую систему взаимосвязанных правил, ценностей, институтов, характерных для конкретной культуры и связанного с ней образа жизни. Агент при этом не просто действует внутри этой структуры, являясь внешним относительно неё элементом. Система ценностей и мотиваций агента конституируется общими для определённых сообществ, в которые он входит и многие из которых не выбирает (например, семья), элементами (обычаи, традиции, ценности и так далее, характерные для сообщества, оказывают влияние на формирование

²⁸⁹ Там же. С. 271.

индивидуальной идентичности). Поэтому индивид, конечно, может отказаться от традиции или от преданности определённым институтам в целях эмансипации, но это может угрожать подрывом структуры, ответственной за формирование идентичности индивидов данного общества. В небольших масштабах, когда количество «протестующих» против институтов и устоявшихся ценностей незначительно, большой опасности их действия не представляют. Однако когда набирается «критическая масса» ситуация меняется.

Консерваторы видят угрозу не в либерализме самом по себе. Они готовы признать его в качестве одного из вариантов устройства политических институтов. Скорее, их возмущает универсалистские притязания, которые в практической политике приводят к его глобализации. При этом консерваторы отмечают монизм либерализма, который носит на самом деле не столько политический, сколько культурный характер. Дело в том, что ценность индивидуальной автономии, когда она позиционируется как высшая ценность, оказывает подрывающее воздействие на те культуры, где она не занимает тех же позиций, что в западных либеральных обществах. Более того, для многих западных консерваторов, ценность индивидуальной автономии и эгалитаристские принципы (которые стали даже в некоторой мере смещать принцип автономии в шкале приоритетов в западной либеральной интеллектуальной традиции), вообще не должны рассматриваться как единственные условия функционирования либеральных институтов, таких, как свободный рынок, правовое государство и так далее. Консерваторы готовы согласиться с тем, что некоторая степень эгалитаризма (юридическое равенство, равные права и свободы) и автономии (как возможность делать свободный выбор в рамках существующих институтов) просто необходимы. Однако это не единственные условия. Огромную роль играют различные социальные институты, а также моральные нормы, правила, иногда добродетели, которые дают возможность им функционировать.

Кроме того, мы не должны забывать о том, что автономия сама по себе (отдельно от других) вообще не является гарантией существования либеральных политических институтов. Положение о том, что свобода является условием, предшествующим формированию либеральных институтов, с консервативной точки зрения ошибочным. Консервативный взгляд строится на том, что социальный порядок предшествует свободе. Этот взгляд также противоречит либертарианской концепции, согласно которой социальный порядок отождествляется с естественным порядком, возникающим на основе свободных договорных отношений. Хотя далеко не все либертарианцы придерживались «наивной» с консервативной точки зрения позиции об автономии как условии порядка. Те же культурно-консервативные либертарианцы, такие, как Хоппе, осознают роль определённых социальных институтов, морали и так далее для формирования и поддержания либертарианского общества. Поэтому для многих культурных консерваторов индивидуальная свобода (автономия) важна, но она просто не могла бы возникнуть и поддерживаться без ряда социальных, культурных и политических институтов, которые её поддерживают, но в то же время частично ограничивают.

Уход от крайностей на уровне исходных методологических принципов позволяет формировать теорию, которая может помочь нам избежать крайностей на уровне выводов относительно политических требований. Принимая коммунитарные доводы относительно критики атомистической модели индивида, мы также не должны полностью забывать о доле истины, заложенной в индивидуалистических концепциях относительно того, что индивид является агентом, способным делать выбор. Если мы из наших методологических коммунитарных допущений приходим к выводам об абсолютном приоритете социального авторитета перед индивидуальной автономией, то мы рискуем сделать далеко идущие, но при этом ошибочные выводы о том, что благополучие индивида возможно только в условиях его полного подчинения социальному авторитету, а также политической воле

вышестоящих. Такой позиции в её крайней форме на данный момент не придерживаются как большинство коммунитаристов, так и консерваторов, а либералы и либертарианцы видят в ней крайнюю опасность. Как справедливо замечает Джон Кекес, жизнь (или определённый образ жизни) не может быть хорошей лишь потому, что её провозглашает таковой какой-то социальный авторитет. Конечно, на наши выборы, предпочтения и цели оказывают влияние социальные предписания, но каким бы сильным не было это влияние оно не способно полностью нивелировать автономию, необходимую для поиска того, что его удовлетворяет или приносит пользу. Наличие определённого уровня автономии и признание и подчинение социальным предписаниям являются одновременно важными условиями, необходимыми для благополучной жизни.

Таким образом, умеренный коммунитаризм, который можно встретить в концепциях, предлагаемых Хайеком, Кекесом, встречающийся в поздних работах Роджера Скрудона, можно, на наш взгляд, принимать в качестве оптимальной позиции для построения культурно-консервативной теории. Данная методологическая установка позволяет выстраивать теорию на основе модели «агент-структура», при которой автономия отдельных индивидов рассматривается в контексте традиций, характерных для конкретных обществ и сообществ. Традиции предоставляют определённые стандарты, создают рамки, в которых индивид может реализовывать собственную автономию. При этом изменение традиций не должно рассматриваться как нечто невозможное в рамках культурно-консервативного дискурса. Такие изменения возможны. Однако последовательная консервативная позиция строится всегда на презумпции сохранения традиционного, поэтому бремя доказательств вреда той или иной практики или института и необоснованной преданности со стороны индивидов лежит на тех, кто считает необходимым изменить традицию. Однако такие доказательства должны приводиться в рамках организованной дискуссии. Предлагаемые изменения при этом должны отвечать нескольким критериям. Во-первых, они не должны носить слишком радикальный и стремительный характер, так как в противном случае вред в процессе внедрения таких

инноваций может быть крайне существенным, а общество и государство может понести значительный ущерб от революционных изменений. Во-вторых, они должны быть рациональны с точки зрения затрачиваемых ресурсов, причём не только материальных, но и социальных, культурных. В-третьих, они должны вытекать из изменившихся условий и быть частью адаптационного механизма, а не утопических замыслов или плана по достижению некоторой абстрактной цели, идеала и так далее.

Синтез элементов коммунитарных и либертарных моделей возможен на уровне компромисса между методологическим индивидуализмом и крайним методологическим холизмом в форме умеренного коммунитаризма. Другим важным элементом консенсуса могут быть замечания и аргументы о роли государства, рынка и сообществ в поддержании социального порядка. С одной стороны, построение синтетической модели может предполагать учёт либертарных доводов о негативных последствиях чрезмерного вмешательства государства в экономические и социально-культурные механизмы функционирования общества. Здесь можно отметить аргументы, в которых отмечается стимулирующая и дестимулирующая функции социальной, культурной политики, проводимой государством, которая способна подрывать «естественный» (спонтанный) порядок и традиционные механизмы. С другой стороны, необходимо учитывать доводы плюралистов о роли локальных сообществ и «малых отрядов», а также сторонников национальной и националистической моделей о необходимости в целях интеграции на национальном уровне поддерживать воспроизводство национальной культуры и идентичности. Синтетическая модель, таким образом, может объединять в себе элементы других подходов. Она будет иметь компромиссный и сложный характер. Однако в этом состоит основная трудность при построении подобной модели. Её обоснование не может быть полностью построено лишь на основании рационалистического подхода, что согласуется с особенностями консервативного стиля мышления. Тем не менее, развитие культурно-консервативных теорий неизбежно предполагает отказ от чисто философских

абстрактных методов в пользу синтеза социальной, политической теории и социальной и политической философии.

2.4.2 Институционально-инструментальные (политические) следствия синтетической модели

Перейдём к вопросам, касающимся институтов и социально-политических инструментов, которые предпочтительны, если мы принимаем культурно-консервативные позиции в том виде, как они изложены в данном параграфе. В первой главе мы подчёркивали, что перед культурно-консервативными концепциями стоят следующие основные задачи:

- 1) Ответ на вопрос о соотношении государства, гражданского общества и рынка;
- 2) Вопрос о соотношении локальных культур и национального государства.

В контексте культурного консерватизма данные задачи оказываются тесно связанными. Вопрос о роли государства и рынка в жизни общества – это во многом вопрос о том, какие ограничения должны быть наложены на данные институты и от кого они должны исходить.

Первая проблема для культурных консерваторов может быть сформулирована иначе как проблема «рынок-общество-государство». В прошлых параграфах мы отмечали, что этот вопрос по-разному решается внутри разных культурно-консервативных концепций. Обычно культурные консерваторы склонны занимать позицию, которая видит причину разрушения традиционных институтов, ценностей и норм либо в рынке, либо в государстве. В рамках синтетической позиции, беря в расчёт аргументы, представленные в рамках различных концепций, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать в качестве подрывающего фактора особую спайку «рынок-государство». Государство может прибегать к уничтожению традиционных институтов и

практик, проводя реформы, с целью создания условий для получения наибольших выгод из рыночных механизмов. Рыночные агенты могут прибегать к дальнейшему размыванию «границ» (в том числе границ национальных государств) для получения дальнейших выгод. Это, в целом, согласуется и с позицией Роберта Нисбета, который также видит взаимосвязь между складыванием капитализма и национальным государством как взаимно обуславливающих факторов. Однако следует добавить сюда также и взгляд радикальных консерваторов и консерваторов-националистов, указывающих на глобальный характер капитализма, ведущий к разрушению национальных границ, размыванию национальных культур и традиций.

С другой стороны, культурные консерваторы в рамках синтетической концепции могли бы полагаться на замечание Хайека о том, что составляющими спонтанного порядка следует считать не только рыночные институты, но и моральные нормы и иные культурные механизмы, которые их ограничивают. В таком случае у культурных консерваторов появляется основание для предпочтения ограниченного государства, которое существенно должно быть децентрализовано в отношении проведения социальной и культурной политики. Вопросы же культурной политики в таком случае могут рассматриваться как проблема, которая должна решаться на локальном или региональном уровнях, чтобы не подорвать механизмы традиции, так как последние формируются «снизу» вследствие реальных повседневных практик людей. Изменения самих традиций также должны быть, в первую очередь, прерогативой локальных сообществ или регионов. В целом же, последовательная культурно-консервативная позиция в отношении данного вопроса, на наш взгляд, должна исходить из принципов субсидиарности и традиционализма. При этом первый принцип здесь предполагает, что решения, связанные с культурной политикой должны решаться на самом низком уровне, на котором это возможно. Второй принцип указывает на то, что оправданным является решение на том уровне, на котором формируются определённые общие традиции. Общие же решения, касающиеся, например, вопросов

общенациональной культуры имеет смысл принимать при достижении консенсуса между сообществами на локальном и региональном уровнях.

Роджер Скрутон по этому поводу делает справедливое замечание: «Ценности приходят к нам разными способами, и где бы и когда бы они ни появлялись, они приносят с собой авторитет, мир и чувство принадлежности. Но они не возникают из политических программ»²⁹⁰. Кроме того, ценности не возникают и из экономической сферы, так как последняя основана на расчёте и связана с тем, что имеет цену. Ценности же, напротив, не связаны с расчётом и относятся к вещам, не подлежащим обмену. Область появления ценностей - это сфера гражданских ассоциаций. Стоит добавить, что Скрутон также в определённой мере солидаризируется с Хайеком по вопросу о спонтанности формирования традиций, ценностей и норм, лежащих в основе культуры. Хайек указывает, что «...наши традиционные, спонтанно появившиеся нормы морали совершенно естественны, а не искусственны, и вполне уместно было бы их назвать естественными законами»²⁹¹. Здесь речь не идёт о том, что традиционные нормы, институты и ценности заложены «в природе» человека или как-то биологически обусловлены. Скорее, акцент в данном случае делается на «неискусственности» традиционных норм, так как они не создаются целенаправленно рациональным путём, не выводятся при помощи разума и не устанавливаются каким-то специальным институтом, органом или человеком в соответствии с определённым планом. Правила и ценности складываются постепенно, претерпевают эволюционный отбор и передаются благодаря традициям, обучению и подражанию. При этом смысл определённых традиций почти никогда не может быть полностью рационально осознан отдельными индивидами. Так как традиционные нормы, ценности и институты формируются спонтанно внутри гражданского общества (внутри локальных сообществ и групп), одна из задач государства с точки зрения консерваторов –

²⁹⁰ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.143.

²⁹¹ Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность. С.247.

это обеспечение условий для функционирования гражданского общества как системы самоуправляющихся сообществ и ассоциаций.

Государство же должно опираться на те традиции, которые вырастают внутри сообществ. Национальная же культура государства чаще всего представляет собой искусственное явление, так как создаётся вследствие целенаправленной политики для формирования общенациональной идентичности. Однако, как подчёркивал исследователь наций и национализма Энтони Смит, национальная культура черпает своё содержание из определённых символов, мифов, которые существовали в прошлом²⁹². Национальная культура как условие формирования национальной идентичности, главной функцией которой является внутренняя интеграция, может предполагать различные меры со стороны государства. Однако такие меры, с одной стороны, должны опираться на сохранение региональных и локальных традиций, кроме тех, которые могут подорвать социальный порядок и привести к дезинтеграции. Она должна опираться на традиции взаимоотношений между различными субкультурами, которые сложились в государстве. С другой стороны, обеспечивать интеграцию и сохранение порядка.

Таким образом, государство играет роль защитника общего культурного наследия. При этом оно должно обеспечить возможность защиты как от внешних, так и от внутренних угроз. Внешние угрозы понимаются как угрозы дезинтеграции культуры из-за проведения культурной («мягкой») внешней политики со стороны других стран, а также с размыванием «общей культуры». Внутренние угрозы связаны с прогрессистскими тенденциями, разрушающими традиционные основы общества. Чаще всего эти тенденции, которые проявляются в эмансипирующих и эгалитаристских требованиях, становятся опасными, когда становятся основой для проведения политики, направленной

²⁹² Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 464 с.

на их реализацию. Как указывал Роберт Нисбет, данные требования, способны приводить к этатизму, централизации государства для их практического воплощения. Так как традиционные ценности и социальные институты формируются на уровне локальных сообществ и гражданских ассоциаций, а прогрессистские требования опираются на государственную культурную и социально-экономическую политику, у нас могут быть основания для того, чтобы считать ограничение государственного вмешательства в социально-культурные процессы требованием, вытекающим из культурно-консервативных принципов. К этим же аргументам можно добавить и антиэтатистские доводы культурно-консервативных либертарианцев о том, что государственное вмешательство подрывает систему стимулов, ответственных за поддержание в обществе традиционных институтов и ценностей, защищаемых культурными консерваторами. Однако остаётся вопрос о том, должно ли с точки зрения культурных консерваторов государство полностью отказаться от вмешательства в любые общественные сферы и ограничиться ролью «ночного сторожа»? Тогда может оказаться, что нелибертарианские основания, из которых мы исходим, отказ от принятия атомистической концепции индивида и от договорной контрактной концепции, могут привести нас к выводам, совпадающим с выводами либертарианцев и/или классических либералов. Итак, должны ли мы исходя из культурно-консервативных принципов прийти к либертарианской концепции? Означает ли что самая продуктивная культурная и социальная политика, которая может быть предложена культурными консерваторами – это та социальная и культурная политика, которая не реализуется государством вовсе?

Роджер Скрутон по вопросу о допустимости вмешательства государства в социальную и культурную сферы обозначал консервативную позицию следующим образом: «Роль государства меньше или должна быть меньше, чем того требуют социалисты, и больше, чем допускают классические либералы»²⁹³. Он напрямую заявляет, что государство не может ограничиваться ролью

²⁹³ Скрутон Р. Как быть консерватором. С.142.

«ночного сторожа» и выстраиваться по модели минимального государства, предложенного Робертом Нозиком. Но интерес представляет тот факт, что Скрутон не акцентирует внимание на культурной политике, государственной поддержке традиционных ценностей. Отказ от концепции государства «ночного сторожа» обусловлен тем, что «гражданское общество зависит от привязанностей, которые необходимо возобновлять, а в современных условиях эти привязанности не могут быть возобновлены без коллективного обеспечения благосостояния». То есть речь здесь, скорее, о необходимости сохранения некоторого уровня государственного перераспределения в области экономических благ.

С учётом аргументов консервативных плюралистов, в особенности Р. Нисбета и Дж. Грея, а также замечаний Р. Скрутона можно отметить, что одной из проблем, которая должна быть разрешена на политическом уровне, является вопрос о создании самоуправления, которое позволило бы представителям различных локальных и региональных сообществ самостоятельно принимать решения в соответствии со своими культурными особенностями, не выходящими однако за рамки соответствия общенациональной культуры (сами эти рамки должны определяться в каждом государстве индивидуально в соответствии с принципом плюрализма). Важно отметить, что плюрализм в рамках культурного консерватизма, отрицает позицию морального и ценностного субъективизма. Кроме того, коммунитарная позиция плюралистов подразумевает рассмотрение отдельных людей как социокультурно обусловленных существ, чьи цели и система ценностей формируются под влиянием сообществ, членами которых они являются. Поэтому плюрализм культурных консерваторов касается именно плюрализма сообществ.

Институциональным воплощением плюралистической системы является государство, в котором реализуются принципы федерализма и самоуправления. Они позволяют избежать того, что Роберт Нисбет называл «тотальной политической централизацией, которая может привести только к социальной и

культурной смерти»²⁹⁴. Интересен тот факт, что несмотря на склонность многих культурных консерваторов к ценностному и культурному плюрализму, далеко не все из них в своих работах однозначно поддерживали федерализм. Хотя с этой концепцией отлично сочетаются различные проекты культурных консерваторов, такие, например, как этноплюрализм французских новых правых и социально-плюралистический локализм Роберта Нисбета²⁹⁵. Модель федерализации, локализации и самоуправления также не просто не противоречит либертарианским положениям, но во многом является их следствием.

Вопросы культурного характера, по большей части, в таком случае должны быть перенесены на уровень локальных сообществ. В подобном случае традиционные институты и ценности, защищаемые культурными консерваторами, не отделяются от той среды, в которой они формируются естественным путём и не заменяются привнесёнными «извне».

Федерализм может быть решением проблемы о соотношении национального государства и локальных сообществ с их специфичными культурами, так как предполагает региональный уровень, занимающий промежуточное положение. Во-первых, наличие такого промежуточного уровня позволяет избежать изолированности локальных групп. Во-вторых, федерализм позволяет избежать проблемы однородных локальных юрисдикций, которые могут приобрести репрессивный характер в ситуации доминирования одной из политических фракций. В-третьих, наличие регионального уровня при федерализме позволяет создавать условия для посредничества, сотрудничества и переговоров между конкурирующими локальными группами. Это является залогом достижения компромиссов и

²⁹⁴ Nisbet R.A. *Community and Power*. New York: Oxford University Press, 1962. P. 245.

²⁹⁵ В отношении Р. Нисбета можно найти интересные замечания о том, что Нисбет внес один из самых больших вкладов среди консервативных мыслителей в обоснования локализма, социального и политического плюрализма. Но несмотря на это нигде эксплицитно не отстаивал федеративный вариант устройства, при этом, постоянно критикуя централизованное унитарное государство (Nagel R.F. *States and Localities: A Comment on Robert Nisbet's Communitarianism* // *Publius: The Journal of Federalism*. 2004. №34 (4). P.125–138).

решения сложных проблем. Таким образом, могут решаться вопрос о достижении консенсуса в условиях реального ценностного плюрализма в современных обществах.

Федеральный механизм предполагает также взаимодействия между национальным, региональным и местным уровнями, создавая, с одной стороны, условия для первичного формирования целей и ценностей внутри локальных сообществ. С другой стороны, он решает проблему, возникающую в условиях изолированности таких сообществ, связанную с невозможностью членов некоторых сообществ изменить своё социальное положение и выйти за пределы своей группы.

Локальные сообщества, имеющие внутреннюю иерархию и ролевую дифференциацию, позволяют людям определять своё место и формировать идентичность. Самобытность местных сообществ позволяет людям ассоциировать себя с ними. Подобная идентификация образует основу для формирования преданности и ответственности. В дальнейшем это позволяет сформировать зрелую привязанность к более абстрактным сообществам, включая нацию. При этом абстрактные привязанности можно назвать зрелыми, если они выбираются свободно, но при этом носят ограниченный характер. Подобные привязанности можно выбирать свободно, поскольку они ограничены, а ограничены они потому, что каждая лояльность конкурирует с другими привязанностями, возникающими из участия во множестве различных сообществ.

Небольшие, однородные, самобытные сообщества, безусловно, могут порождать сильные и глубокие чувства связи. Трудность в том, что чем меньше и более личностна группа, тем менее абстрактна к ней лояльность её членов. Если локальные сообщества хотят конкурировать с национальным политическим сообществом, они должны быть объединены в рамках территории, достаточно большой для того, чтобы быть связанной абстрактной идентичностью. Такое территориальное объединение должно содержать достаточное разнообразие групп и выполнять достаточный набор функций,

чтобы личные связи могли дойти до уровня политической идентификации. Другими словами, среди многих типов привязанностей, ограничивающих стремление к национальному правительству, полезно иметь привязанность к какому-либо субъекту, который может претендовать хотя бы на некоторый вид суверенного правительственного статуса.

Подобную систему привязанностей, позволяющую поддерживать одновременно национальную и локальную идентичности, на наш взгляд, можно обеспечить путём реализации на практике принципа федерализма, который позволяет удачно сочетать принцип национального государства с принципом самоуправления локальных сообществ, формирующих и поддерживающих традиции, а также формировать региональные традиции в ходе взаимодействия локальных групп на уровне политических институтов и принятия на их основе согласованных решений.

Также федерализм и местное самоуправление позволяют реализовывать на практике важный для консерваторов акцент на конкуренции. Сообщества и регионы, проводя различную социально-экономическую и культурную политику, способны мирно конкурировать между собой. Федерализм предполагает разделение власти между центром и регионами, что создаёт условия для конкуренции между различными уровнями власти. Регионы в рамках федерации могут конкурировать между собой за инвестиции, таланты, ресурсы и развитие, что способствует стимулированию экономического роста и инноваций. Конкуренция между регионами может также привести к улучшению качества государственных услуг и повышению эффективности управления. Конкуренция между регионами или уровнями местного самоуправления может способствовать развитию консервативных ценностей и традиций, поскольку она стимулирует сохранение и укрепление идентичности и культурного наследия. Конкуренция может также способствовать укреплению общественной ответственности и солидарности на местном уровне, что в свою очередь может способствовать укреплению консервативных ценностей.

Перечисленные политические (инструментальные) принципы можно, наш взгляд считать средствами реализации базовых принципов, характерных для культурно-консервативных концепций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование различных моделей культурного консерватизма позволяет понять, каким образом выстраиваются и обосновываются современные консервативные теории с учётом тех изменений, которые происходят в социально-гуманитарных дисциплинах, а также с учётом основных современных общественных тенденций. Сдвиг, который происходит во многих современных обществах, связанный с переориентацией на постматериалистические ценности потребовал от консерваторов ответов на новые вопросы, которые стали носить, скорее, культурный, нежели чисто экономический характер. Задачей же современных культурных консерваторов является формулировка собственной непротиворечивой концепции, которая стала бы полноценной альтернативой либеральным и прогрессистским теориям.

Основные задачи и проблемы, которые пытаются разрешить культурно-консервативные концепции, связаны с обоснованием легитимности неравенства, порождаемого консервативными ценностями; соотношением взаимного влияния государства, гражданских ассоциаций и рынка и их роли в поддержании / разрушении социального порядка и обуславливающих его устойчивость культурных факторов; вопросом о соотношении национальной и локальных культур. Различные модели культурного консерватизма по-разному решают данные вопросы.

Либертарные концепции культурного консерватизма, опирающиеся на идеи естественного порядка, позволяют анализировать отношения между государством и гражданским обществом через прагматический подход и рассмотреть роль стимулов, порожденных государством, оценив их влияние на ключевые для культурных консерваторов ценности. Достоинством либертарной модели можно считать попытку обоснования необходимости ограничения государственного вмешательства, которое одновременно может отвечать и либертарианским и консервативным принципам. Однако проблемы данных

концепций и теорий лежат в области методологического обоснования синтеза культурного консерватизма и либертарианства.

Коммунитарные культурно-консервативные концепции решают некоторые ключевые методологические проблемы, с которыми сталкиваются либертарная модель, и более последовательно обосновывают переход от коммунитарных методологических оснований к конкретным выводам. Наиболее обоснованными можно считать плюралистическую и национальную коммунитарные модели.

Отдельные концептуальные и методологические проблемы культурного консерватизма решены нами в рамках синтетической модели, в рамках которой можно учесть плюсы и минусы обоснований, исследованных моделей. Благодаря решению этих проблем и учёту различных аргументов существует возможность обозначить некоторые выводы относительно институциональных принципов. Методологическим основанием для такой модели можно считать исходную умеренно-коммунитарную установку, сочетающую как коммунитарные, так и индивидуалистические элементы. При этом коммунитарно-традиционалистская установка позволяет, с одной стороны, сохранять полезные институты и практики, поддерживать их стабильность, а элементы индивидуализма при таком подходе позволяют обосновать возможности принятия индивидуальных решений в рамках существующей ценностно-нормативной структуры. Сочетание антиэгалитаристских элементов с традиционалистской ориентацией делает возможным выработку консервативных представлений о справедливости (синтетическая модель в данном случае будет согласовываться с концепцией справедливости Джона Кекеса).

В перспективе при дальнейшей разработке основных положений культурно-консервативной политической философии и решения ряда актуальных проблем, которые являются прямым следствием принятия позиции об ограниченности применения рационального метода в политике, существует возможность развития отдельного направления исследований на основе

консервативного подхода. На данный момент эта задача является всё ещё актуальной, решается нами в рамках синтетической модели. Однако в отечественной и зарубежной науке обнаруживается дефицит позитивных консервативных концепций, так как в основном они носят критический характер. Несмотря на ограничивающий характер исходных позиций, характерных для консервативного стиля мышления, попытки отдельных предложений по вопросам политики ими уже делаются.

Изменения в социальной, экономической, культурной и политической сферах, безусловно, влияют на все интеллектуальные традиции в политической философии и требуют выработки новых ответов на актуальные общественно-политические вопросы. Поиск же этих ответов может происходить с опорой на концептуально-теоретические наработки, которые уже существуют в рамках отдельных интеллектуальных традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 623 с.
2. Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с.
3. Антонио Р. После постмодернизма: реакционная клановость // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т.7, №4. – С.32-62.
4. Антонова Е.А., Таранова А.Е., Антонова Е.Л. Славянофильская концепция национальной идентичности и культурного консерватизма сквозь призму современных социально-культурных трансформаций (опыт категориальной реконструкции) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2018. – №1. – С.14-24.
5. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.
6. Аристотель. Этика: сборник: перевод с древнегреческого. – М.: АСТ, 2020. – 416 с.
7. Баженов Г.А. Власть и рынок в трактовке Мюррея Н. Ротбарда // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2015. – №1 (49). – С. 57-59.
8. Баранов Н.А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – №5. – С.90-101.
9. Бенуа А. де. Актуальность Карла Шмитта / пер. с нем. В. Крюкова. «Велесова слобода», 2011.
10. Бенуа А. де. Вперед к прекращению роста! Эколого-философский трактат. – М.: ИОИ, 2013. – 103 с.
11. Бенуа А. де. Как можно быть язычником. – М.: Русская Правда, 2004. – 240 с.

12. Бенуа А. де. По ту сторону прав человека / пер. с фр. С. Денисова. – М.: ИОИ, 2015. – 144 с.
13. Бенуа А. де. Против либерализма (к Четвертой политической теории) / пер. с фр. А. Дугина. – СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 476 с.
14. Бенуа А. де. Что такое расизм? / пер. с англ. А.М. Иванова // Атеней. 1999. №5.
15. Бенуа А. Традиция и консервативная мысль / пер. с фр. А. Игнатьева. – М.: Тотенбург, 2017. – 186 с.
16. Бёр К. Консерватизм: многогранное понятие. Попытка описания и ограничения – поиски следов // Исторические Исследования. – 2016. – № 5. – С. 10-28.
17. Бердяев Н.А. Социальный кризис культуры // Новый град. – 1932. – №3. – С.46-53.
18. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. – Берлин: Обелиск, 1923. – 246 с.
19. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. С. Векслер. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 411 с.
20. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель / пер. с англ. А. Веретенникова // Логос. – 2002. – №5-6 (35). – С.1-18.
21. Боббио Н. Правые и левые // Неприкосновенный запас, 2003. №5 (31).
22. Борисов А.А. Американские консерваторы и мультикультурализм: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Борисов Андрей Александрович – Пермь, 2000. – 290 с.
23. Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика / пер. с англ. М. Кистелова, А. Куряева. – Челябинск: Социум, 2014. – 408 с.
24. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. – М.: АСТ, 2021. – 352 с.
25. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.

26. Гири́нский А. О консервативном балансе и традиционных ценностях. Размышления на тему идеологии // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т.21, №2 (120). – С.64-74.
27. Глазков Н.С. Значение дистинкции воображения и фантазии для консервативной идеологии: философия Роджера Скрутона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Вып. 21 (4). – С.592-601.
28. Глазков Н.С. Консервативное воображение Роджера Скрутона // Философские науки. – 2018. – №12. – С.114-126.
29. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. – М.: АСТ, 2021. – 800 с.
30. Голобородько А.Б. Консервативная революция: контрпросветительский модерн // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2010. – С.27-33.
31. Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / пер. с англ. П. Паршина // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 1. – С. 77-84.
32. Грановская О.Л. Исайя Берлин и концепция постпросвещеннического либерализма Дж. Грея // Вопросы философии. 2015. №9. С.79-87.
33. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности / пер. с англ. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. Фетисова. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
34. Гренье П. Дефиниции и диалог. Размышления консерватора поневоле о русском и американском консерватизме / пер. с англ. Т.Л. Ветошкиной, П.Б. Паршина // Тетради по консерватизму. – 2016. – №1. – С.15-30.
35. Григоров Е.В. Консерватизм: единство методологии, аксиологической системы, социальной реальности: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Григоров Евгений Валентинович – Краснодар, 2017. – 343 с.
36. Гринь М.В. Динамика либеральных идеологий в эпоху постмодерна // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – №133 (9). Режим

доступа: <http://ej.kubagro.ru/2017/09/pdf/89.pdf> (Дата обращения: 20.05.2023).

37. Данилевский Н. Россия и Европа. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 672 с.
38. Дёмин И. В. К вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политика и общество. – 2017. – № 9. – С. 42–57.
39. Дёмин И.В. Ален де Бенуа об истоках, мировоззренческих предпосылках и парадоксах теории прав человека // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: философия. 2021.
40. Дёмин И.В. Критика историзма в философии Лео Штрауса // Философская мысль. – 2017. – №12. – С. 79-90.
41. Денисов И.В., Павлов А.В. Политическое либертарианство // Тетради по консерватизму. – 2016. – №1. – С.89-100.
42. Жукова Е.А. Проблема рационального в западноевропейских идеологиях либерализма и консерватизма (конец XVIII – начало XIX вв.): дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01 / Жукова Евгения Алексеевна. – М., 2022. – 139 с.
43. Зильбер А.С., Луговой С.В. Консервативный либерализм И. Канта в свете либерального консерватизма Э. Бёрка // Философский журнал. – 2021. – Т.14, №3. – С.50-64.
44. Зорин Г. В. Вклад представителей неоавстрийской школы в теорию современного общества // Вестник СПбГУ. Социология. – 2011. – Вып. 3. – С.240-248.
45. Иглтон Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнareвой. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. –192 с.
46. Ионин Л. Консерватизм // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 3-73.
47. Канарш Г. Ю. Справедливость и идея сообщества // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – С. 77-86.
48. Канарш Г.Ю. Концепция «справедливого общества» в гуманитарных науках // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / под общ.

- ред. В. А. Лукова; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т гуманит. исследований. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 348-362.
49. Канарш Г.Ю. Справедливость // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – №3. С.251-253.
50. Канарш Г.Ю. Элитаристский дискурс справедливости: теоретические истоки // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1.– С. 83-98.
51. Кимлика У. Современная политическая философия / пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Изд. дом Гос. Ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
52. Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / Под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 311 с.
53. Константинов М. С., Николаев И. В. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма // Политическая концептология. – 2013. – № 4. – С. 213-226.
54. Константинов М.С. Коммунитарная критика либеральной концепции моральной нейтральности // Политическая концептология. – 2013. – №4. – С.240-250.
55. Кристол И. Неоконсервативное убеждение / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2004. – №6 (45). – С.170-174.
56. Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы / пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2010. – 406 с.
57. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А. В. Куряева. – М.: Мысль, 2011. – 482 с.
58. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 14-79.
59. Ланчава А.В. Американский католический консерватизм: современные аспекты интерпретации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2022.– Т.23, №1. – С.199-211.

60. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/leontjev/leontjev_vizantizm_i_slavyanstvo.html (дата обращения: 01.08.2023).
61. Линдси Дж., Плакроуз Х. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / пер. с англ. Д. Виноградова. –Individuum, 2020. – 480 с.
62. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т.3: Два трактата о правлении. – М.: Мысль, 1988. – С.137-405.
63. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
64. Макиавелли. Государь / пер. с итальянского М. Юсима. – СПб: Азбука, 2007. – 512 с.
65. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
66. Малахов В. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. – 1997. – № 1. – С. 171-175.
67. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Представление национализма: структура, содержание, критика // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – №3. – С.100-110.
68. Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. М. Левиной // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – С. 113-169.
69. Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.,1994.
70. Межуев Б.В. Постлиберализм как консерватизм трудящегося класса. Из интервью Бориса Межуева с Патриком Денином // Тетради по консерватизму. – 2021. – №4. – С.117-120.

71. Межуев Б.В. «Выбор Токвиля» и «выбор Бенедикта»: консервативная мысль в поиске «постлиберальной альтернативы» // Тетради по консерватизму. – 2021. – №4. – С.110-116.
72. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997.
73. Мизес Л. фон. Всемогущее правительство. – Челябинск: Социум, 2009. – 466 с.
74. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. – М.: Социум, Экономика, 2001. – 239 с.
75. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. – Москва: Catallaху, 1994. – 416 с.
76. Милль Дж. Ст. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10-15; № 12. – С. 21-26.
77. Мишурин А.Н. Уязвимость понятия политического Карла Шмитта // Философская мысль. – 2018. – № 10. – С. 67 - 74.
78. Мишучков А.А. Диалог цивилизаций: традиционные ценности в условиях глобализации: монография / А.А. Мишучков; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. – 520 с.
79. Мурзанова Л.А. Концепт неоконсерватизма в социальной философии: дис. ...канд.филос. наук: 09.00.11 / Мурзанова Ляйсан Азатовна. – СПб., 2018. – 312 с.
80. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. – М. : изд. Дом высшей школы экономики, 2013. – 288 с.
81. Мусихин Г.И. Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму? // Исторические исследования. – 2016. – №5. – С.70-77.
82. Мусихин Г.И. Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью // Общественные науки и современность. –2011. – №3. – С.119-133.
83. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.

84. Никандров А.В. Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры // Политика и общество. – 2012. – №12 (96). – С.45-50.
85. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
86. Нисбет Р.А. Возвращение священного / пер. с англ. Е.Д. Руткевича // Социологический журнал. – 1999. – №1/2. – С.77-95.
87. Ницше Ф. Воля к власти / пер. с нем. – СПб: Азбука, 2021. – 448 с.
88. Ницше Ф. Генеалогия морали / пер. с нем. В.А. Вейнштока. – СПб: Азбука, 2014. – 144 с.
89. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.
90. Новиков В. Что нам может дать Ротбард? // Экономическая политика. – 2009. №6. – С.174-182.
91. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
92. Носачев П. Интегральный традиционализм: между политикой и эзотерикой // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – №4 (31). – С.203-222.
93. Осколков П.В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого // Современная Европа. – 2019. – №3. – С.83-91.
94. Оукшотт М. Рационализм в политике. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
95. Павлов А.В. У истоков американского консерватизма: Роберт Нисбет // Политическая концептология. – 2011. – №4. – С.159-167.
96. Парсонс Т. Системы современных обществ. – М., 1997.
97. Платон. Государство / пер. С древнегреч. А.Н. Егунова. – М.: АСТ, 2017. – 448 с.
98. Подольский В.А. Философские предпосылки консерватизма // Философские науки. – 2014. – №5. – С.48-56.

99. Поляков Д. Б. Анархо-капитализм. Безвластие и экономика свободного рынка // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2015. – №4 (63). С.33-37.
100. Поспелова О.В. Политическая онтология и её методолого-теоретический контекст // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009. – Т.2, №3. – С. 202-211.
101. Рахшмир П.Ю. Культурный консерватизм в США / Пермский университет. – Пермь, 1995. – 138 с.
102. Рахшмир П.Ю. Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф. А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2012. – №3. – С.54-66.
103. Ремизов М. В. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // Тетради по консерватизму. – 2014. – № 1. – С. 79-83.
104. Ремизов М. В. Миссия консерватизма в современном мире // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – № 4. – С. 97-106.
105. Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. – 2002. – №5. – С.147-164.
106. Рендл М.В. Традиционализм в пространстве постмодерна: выход из культурного кризиса? // Общество: философия, история, культура. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionalizm-v-prostranstve-postmoderna-vyhod-iz-kulturnogo-krizisa/viewer> (дата обращения: 05.08.2022).
107. Ролз Дж. Право народов // Вопросы философии. – 2006. – №9. – С.79-105.
108. Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. / Науч. ред.и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
109. Рорти Р. Обретая нашу страну. Политика левых в Америке XX века / Пер. с англ. Хрестановой И.В. и Хрестанова Р.З. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 128 с.

110. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
111. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / пер. с англ. Б.С. Пинскера. – Челябинск: Социум, 2019. – 416 с.
112. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / пер. с англ. Б.С. Пинскер. – Челябинск: Социум, 2009. – 398 с.
113. Ротбард М. Оппенгеймер «Государство». Анатомия государства / пер. с англ. – М.: RUSTATE.ORG, 2019. – 136 с.
114. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
115. Руткевич А.М. Консервативный анархизм. Французские критики «антропологической ошибки» // История философии. – 2020. – Т. 25, №2. – С.81-95.
116. Руткевич А.М. Особенности русского консерватизма. Карта и территория. Тетради по консерватизму. – 2015. – 2(4). – С.9-22.
117. Руткевич А.М. Что такое консерватизм? – М.: Университетская книга, 1999. – 224 с.
118. Руткевич Е. Д. Социологическая концепция Роберта Нисбета // Социологический журнал. – 1999. – №1/2. – С. 27-43.
119. Руткевич Н.А. Неофеминизм: догматизм новой этики // Тетради по консерватизму. – 2021. – №4. – С.121-134.
120. Скрутон Р. В защиту элитизма / пер. Куртополова Д.В. // *Studia Culturae*. – 2017. – Вып. 4 (34). – С.166-178.
121. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых / пер. с англ. Н. Глазков. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 440 с.
122. Скрутон Р. Как быть консерватором / пер. с англ. Б. Дынина. – Москва, 2021. – 211 с.

123. Смит А. Теория нравственных чувств / пер. с англ. П. Бибикова. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 512 с.
124. Сморгунов Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 176 с.
125. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / пер. с англ. А. Калинина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
126. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка / пер. с англ. Н. Ильиной. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 256 с.
127. Тарасов О.И. Консерватизм: проблема терминологической неопределенности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – №4 (1). – С.18-23.
128. Тейлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. – 2006. – №2 (53). – С.130-131.
129. Тейлор Ч. Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – №1 (33). – С.218-253.
130. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
131. Терехов О.Э. Традиционализм, культурпессимизм, модерн: к идейным истокам немецкой «Консервативной революции» // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – №3 (41). – С.88-92.
132. Токвиль А. де. О демократии в Америке / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
133. Топоров Е.А. Извилистый путь американского консерватизма: от Рассела Кирка до неоконсерваторов // Философия и общество. – 2019. – №3. – С.62-81.
134. Трусов Ю.А. Проблема плюрализма ценностей в западной политической философии второй половины XX – начала XXI вв.: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01 / Трусов Юрий Александрович. – М., 2021. – 165 с.

135. Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.
136. Хайек Ф. А. фон. Пагубная самонадеянность / пер. с англ. Т. Виноградовой. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 288 с.
137. Хайек Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
138. Хайек Ф.А. Конституция свободы / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2018. – 528 с.
139. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшникова. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.
140. Халпер С., Кларк Дж. Неоконсерваторы: новая политическая группа интересов / пер. с англ. А. Смирнова // Прогнозис. – 2006. – №2. – С.57-85.
141. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. Закутина // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 1. – С. 231-250.
142. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
143. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. Шуваловой. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 320 с.
144. Хоппе Х.-Х. Понимая либертарианство правильно / пер. с англ. Парфенюк. – Москва: Библиотека Шевцова, 2018. – 129 с.
145. Хоуз Р. (Зло)употребление. Лео Штраус и его роль в реанимации Шмитта немецкими правыми. Случай Хайнриха Майера [Текст] / Роберт Хоуз; пер. с англ. Александра Писарева // Логос. – 2012. – № 5. – С. 68-86
146. Чалый В.А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // Кантовский сборник. – 2014. – №2. – С.47-51.
147. Чижков С.Л. Б.Н. Чичерин и Н.А. Бердяев. Два подхода к осмыслению консерватизма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т.15, Вып.2. – С.165-176.

148. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / пер. с нем. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 336 с.
149. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. – СПб: Наука, 2016. – 567 с.
150. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. С.Э. Борич. – Минск: Поппури, 1999. – 720 с.
151. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Образ и действительность / пер. с нем. Н.Ф. Гарелина. – Минск: Поппури, 2021. – 656 с.
152. Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 364 с.
153. Эвола Ю. Восстание против современного мира / пер. с итал. В. Ванюшкиной, О. Молотова, Е. Истоминой. – М.: Прометей, 2016. – 476 с.
154. Эвола Ю. Языческий империализм / пер. с нем. А. Дугина. – М.: Историко-религиозное Общество «Арктогея», 1994. – 172 с.
155. Янковская Г.А. Свой среди чужих, чужой среди своих. Культурный консерватизм Т. С. Элиота // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2018. – №2 (41). – С.155-163.
156. Armitage D. Edmund Burke and Reason of State // Journal of the History of Ideas. – 2000. – №61 (4). – P.617-634.
157. Backman J. Radical Conservatism and the Heideggerian Right: Heidegger, de Benoist, Dugin // Frontiers in Political Science. – 2022. – Vol.4. – P. 1-14.
158. Barclay L. The Answer to Kekes's Question // Ethics. – 1999. – Vol.110, No. 1. – P.84-92.
159. Benoist A. de. The Current Crisis of Democracy // Telos: Critical Theory of the Contemporary. – 2011. – №156. – P.7-23.
160. Block W. E. Libertarianism is Unique and Belongs Neither to the Right nor the Left: a Critique of the Views of Long, Holcombe, and Baden on the Left,

- Hoppe, Feser, and Paul on the Right // *Journal of libertarian studies*. – 2010. – Vol.22. – P.127-170.
161. Block W. Plumb-Line Libertarianism: a Critique of Hoppe // *Reason Papers*. – 2007. – Vol. 29. – P. 151-163.
162. Block W.E. Contra Hoppe and Brat on Immigration // *MEST Journal*. – 2016. – Vol.4, №1. – P.1-10.
163. Bozell L. B. Freedom or Virtue? // *Freedom and Virtue. The Conservative/Libertarian Debate* / Ed. G. W. Carey. Revised, updated ed. – Wilmington, Delaware: Intercollegiate Studies Institute, 1998. – P. 23-37.
164. Burnes E. J. Conservatism: toward a traditionalist normative epistemology. PhD Dissertation in Philosophical Sciences. – Glasgow: University of Glasgow, 2020. – 300 p.
165. Casey G. Feser on Rothbard as a philosopher // *Libertarian papers*. – 2009. – Vol.1, №34. – P.1-13.
166. Chmielowski M. Murray N. Rothbard's paleolibertarianism. In search for a political success during the Republican party presidential primaries 1992 // *Res Publica. Revista de Historia de las Ideas Potaticas*. – 2016. – Vol. 19, № 2. – P. 371-387.
167. Cockram N. R. The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // *Cosmos+Taxis*. – 2019. – Vol. 6, № 3/4. – P. 66–77.
168. Corey D.D. Roger Scruton on the Prehistory of Liberalism// *Cosmos+Taxis*. – 2019. – Vol.6, Issue 3-4. – P.21-30.
169. Deneen P. J. *Why Liberalism Failed*. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 225 p.
170. Deneen P. *Regime Change: Toward a Post-Liberal Future*. – New York, NY: Sentinel, 2023. – 288 p.
171. Devigne R. *Recasting Conservatism: Oakeshott, Strauss, and the Response to Postmodernism*. – Yale University Press, 1994. – 284 p.

172. Drolet J. F., Williams M. C. America First: Paleoconservatism and the Ideological Struggle for the American Right // *Journal of the Political Ideologies*. – 2020. – Vol. 25, № 1. – P. 28–50.
173. Drolet J.-F., Williams M. The view from MARS. US paleoconservatism and ideological challenges to the liberal world order // *International Journal*. – 2019. – Vol.74 (1). – P.15-31.
174. Ferreira J. Cultural Conservatism and Mass Culture: The Case Against Democracy // *Journal of American Culture*. – 1990. – Vol.13. Issue 1. – P.1-10.
175. Feser E.C. Hayek on tradition // *Journal of Libertarian Studies*. – 2003. – Vol.17, №.1. – P.17-56.
176. Gordon D. Deneen's Common Good Statism // *The Austrian*. – 2023. – Vol.9. №4. – P.18-21.
177. Gordon D. Multiculturalism and the Politics of Guilt: Toward a Secular Theocracy by Paul Edward Gottfried // *Mises Institute*. – 2002. – URL: <https://mises.org/library/multiculturalism-and-politics-guilt-toward-secular-theocracy-paul-edward-gottfried> (дата обращения: 20.05.2023).
178. Gottfried P. E. *Carl Schmitt: Politics and Theory*. – New York: Greenwood Press, 1990. – 152 p.
179. Gottfried P. E. *The conservative movement*. – Boston : Twayne Publishers, 1988. –140 p.
180. Gottfried P. E. The Sovereign State At Bay // *The Journal of Libertarian Studies*. 1992. – Vol.10, №2. – P.125-137.
181. Gottfried P. Hans-Hermann Hoppe and the Libertarian Right // *Property, Freedom, and Society: Essays in Honor of Hans-Hermann Hoppe*. – 2009. – P.27-36.
182. Gray J. *Post-Liberalism: Studies in Political Thought*. – New York; London: Routledge, 1993. – 358 p.
183. Gray J. *Two Faces of Liberalism*. – New York: The New Press, 2002. – 161 p.
184. Hamilton A. Scruton's Philosophy of Culture: Elitism, Populism, and Classic Art // *British Journal of Aesthetics*. – 2009. – Vol.49, №49. – P.389-404.

185. Hansen H. Left-Wing and Right-Wing Identity Politics: A Comparison of the Post-structuralist Turn in Left-Wing Extremism with the Ethnopluralism and Nominalism of the New Right // *Telos: Critical Theory of the Contemporary*. – 2023. – №204. – P.11-50.
186. Harnish B. Alasdair MacIntyre and F. A. Hayek on the Abuse of Reason // *The Independent Review*. – 2010. – Vol.15, №2. – P.179-199.
187. Harold P. Robert Nisbet's Visible and Invisible Communities // *The Catholic Social Science Review*. – 2010. – №15. – P.175-191.
188. Havers G. George Grant and Leo Strauss: Modernist and Postmodernist Conservatism // *TOPIA: Canadian Journal of Cultural Studies*. – 2002. – №8. – P.91-106.
189. Havertz R. Ethnopluralism and its ambiguities: racism with and without race // *Journal of Political Ideologies*. – 2023. – №2. – P.212-252.
190. Henrie M.C. Understanding Traditional Conservatism // *Varieties of Conservatism in America* / Ed. P. Berkowitz. – Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. – P. 1-30.
191. Hoppe H.-H. *Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order*. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2007. – 304 p.
192. Hoppe H.-H. On the Ultimate Justification of the Ethics of Private Property // *Liberty*. – 1988. – Vol. 2, №1. – P. 20-22.
193. Hoppe H.-H. The Case for Free Trade and Restricted Immigration // *Journal of Libertarian Studies*. – 1998. – Vol.13, №2. – P.221-233.
194. Hunter J. D. *Culture Wars: The Struggles to Define America*. – New York: Basic Books, 1991. – 432 p.
195. Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // *Journal of Law and Society*. – 1995. – Vol. 22, № 2. – P. 189-211.

196. Jackson Lears T.J. The Concept of Cultural Hegemony: Problems and Possibilities // *The American Historical Review*. – 1985.– Vol.90, №3. – P.567-593.
197. Kekes J. A question for egalitarians // *Ethics*. – 1997. – Vol. 107 (4). – P.658-669.
198. Kekes J. Against Egalitarianism // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. – 2006. – Vol.58. – P.137-156.
199. Kekes J. Justice: A Conservative View // *Social Philosophy and Policy*. – 2006. Vol.23, Issue 2. – P.88-108.
200. Kekes J. *Moral Wisdom and Good Lives*. – Ithaca: Cornell University Press, 1995. – 237 p.
201. Kekes J. Objections to Democratic Egalitarianism // *Journal of Social Philosophy*. – 2002. – Vol.33, No2. – P.163-169.
202. Kekes J. Pluralism and the Value of Life // *Social Philosophy and Policy*. – 1994. – Vol.11 (1). – P.44-60.
203. Kekes J. The Dangerous Ideal of Authonomy // *Criminal Justice Ethics*. – 2011. Vol.30, Issue 2. – P. 192-204.
204. Kekes J. What Is Conservatism // *Philosophy*. – 1997. – Vol.72, №281. – P.351-374.
205. Kekes J. *The Illusions of Egalitarianism*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. – 228 p.
206. Kirk R. Burke and Natural Rights // *The Review of Politics*. – 1995. – Vol. 13, No. 4. – P.441-456.
207. Kirk R. Burke and the Philosophy of Prescription // *Journal of the History of Ideas*. – 1953. – Vol. 14, No. 3. – P.365-380.
208. Kirk R. Burke and the Principle of Order // *The Sewanee Review*. – 1952. – Vol. 60, No. 2. – P.187-201.
209. Kirk R. Variety and Unity in Culture // *Cultural Conservatism. Theory and Practice*. 1991. – P.33-43.

210. Kirk R. Libertarians: the chirping sectaries // *Modern Age*. – 1981. – Vol. 25, № 4. – P. 345-351.
211. Kirk R. Return to Principle in Politics: Conservatives and Liberals Take Thought // *Southwest Review*. – 1956. – Vol. 41, No. 2. – P.142-152.
212. Kirk R. Social Justice and Mass Culture // *The Review of Politics*. – 1954. – Vol. 16, No. 4. – P.438-451.
213. Kirk R. *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. – Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. – 535 p.
214. Kirk R. The Cultural Conservatives // *The Heritage Lectures*. – 1988. – №151. – URL: https://thf_media.s3.amazonaws.com/1988/pdf/hl151.pdf (дата обращения: 02.08.2022).
215. Kirk R. What Are American Traditions // *The Georgia Review*. – 1955. – Vol. 9, No. 3. – P. 283-289.
216. Kukathas C. Multiculturalism as fairness: Will Kymlicka's multicultural citizenship // *Journal of Political Philosophy*. – 2017. – Vol.5, Issue 4. – P.406-427.
217. Legutko R. On postmodern liberal conservatism // *A Journal of Politics and Society*. – 1994. – Vol.8. – P.1-22.
218. Lind W.S., Marschner W.H. *Cultural Conservatism: Toward a New National Agenda*. – Washington, D.C. Free Congress Foundation, 1987. –146 p.
219. Lind W.S. What is Cultural Conservatism? // *Essays on Our Time*. 1986. Vol.2. №1. P.1-8.
220. Lowell Stone B. The current evidence for Hayek's cultural group selection theory // *Libertarian papers*. – 2010. – Vol. 2, №45. – P.1-19.
221. Lugg A. Was Wittgenstein a Conservative Thinker? // *The Southern Journal of Philosophy*. – 1985. – Vol.23, №4. – 465-474.
222. MacIntyre A. The Nature of the Virtues // *The Hastings Center Report*. – 1981. Vol. 11, № 2. – P. 27–34.
223. MacIntyre A. *Whose Justice? Which Rationality?* – Notre Dame (Indiana): Univ. of Notre dame Pres, 1988. – 410 p.

224. Mallock W.H. *Labour and the Popular Welfare*. – London: Adam and Charles Black, 1995. – 357 p.
225. Marsh L. *Diachronic Identity: Intimations, Perturbations, Antifragility and Toleration // Cosmos+Taxis*. – 2019. Vol.6, Issue 3(4). – P. 78-83.
226. McCann C. *Hayek: The Liberal as Communitarian // The Review of Austrian Economics*. – №15 (1). – P.5-34.
227. McIntyre A. *Is Patriotism a Virtue? The Lindley Lecture, University of Kansas, 1984*. – 20 p.
228. McPherson D. *Traditional Morality and Sacred Values // Analyse & Kritik*. – 2017. – Vol.39 (1). – P.41-62.
229. Meyer F. *In Defense of Freedom: A Conservative Credo*. – Chicago: Henry Regnery, 1962. – 179 p.
230. Morin O. *Cultural Conservatism // Journal of Cognition and Culture*. – 2022. – P.1-21.
231. Mulligan K. *Conservatism, Value and Social Philosophy // Cosmos+Taxis*. – 2019. – Vol.6, Issue 3(4). – P.15-20.
232. Nagel R.F. *States and Localities: A Comment on Robert Nisbet's Communitarianism // Publius: The Journal of Federalism*. – 2004. – №34 (4). – P.125-138.
233. Nelson M.T. *A Problem for Conservatism // Analysis*. – 2009. – Vol. 69, №4. – P.620-630.
234. Nisbet R. A. *The New Despotism // Studies in Social Theory № 6*. – Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. – P. 3–34.
235. Nisbet R. A. *The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom*. – New York: Oxford University Press, 1953. – 303 p.
236. Nisbet R. *Community and Power (formerly The Quest for Community)*. – New York: Oxford University Press, 1962. – 303 p.
237. Nisbet R. *Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age*. – 1980. – Vol. 24, № 1. – P.2–8.

238. Nisbet R.A. Conservatism and Sociology // *American Journal of Sociology*. – 1952. – Vol. 58, No. 2. – P. 167-175.
239. O’Hara K. Conservatism Then and Now // *Cosmos+Taxis*. – 2019. – Vol.6, Issue 3(4). – P.45-51.
240. O’Sullivan J. Conservatism and cultural identity // *Conservative Realism*, ed. by K. Minogue. – London: HarperCollins, 1996. – P. 23–43.
241. Oakeshott M. On Being Conservative // *Rationalism in Politics and Other Essays*. – Indianapolis: Liberty Fund, 1991. – P. 407–437.
242. Pankakoski T., Backman J. Relativism and radical conservatism / *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*, edited by Martin Kusch. – Abingdon: Routledge, 2020. – P. 219–227.
243. Perrin R. Robert Alexander Nisbet // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1999. – №143 (4). – P.695-710.
244. Pilbeam B. Conservatism and postmodernism: Consanguineous relations or «different» voices? // *Journal of Political Ideologies*. – 2001. – Vol.6. Issue 1. – P.33-54.
245. Podoksik E. Overcoming the Conservative Disposition: Oakeshott vs. Tönnies // *Political Studies*. – 2008. – Vol. 56. – P.857-880.
246. Raico R. Is libertarian amoral? // *Mises Institute*. – 2019. – URL: <https://mises.org/library/libertarianism-amoral> (дата обращения: 01.03.2023).
247. Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism // *British Journal of Political Science*. – 1986. – Vol. 16, № 4. – P. 455-473.
248. Rockwell L. The Case for Paleo-libertarianism // *Liberty*. – 1990. – Vol. 3, № 3. – P. 34-38.
249. Rothbard M. N. *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. – Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. – 321 p.
250. Rothbard M. N. Frank S. Meyer: the fusionist as libertarian Manque // *Modern Age*. 1981. – Vol. 25, № 4. – P. 352-363.
251. Rothbard M. N. *The Ethics of Liberty*. – New York: New York University Press, 2003. – 308 p.

252. Rothbard M. N. Why Paleo? // Rothbard-Rockwell Report, May 1990.
253. Rothbard M. N., Rockwell L. Why the Report? // Rothbard-Rockwell Report, April 1990.
254. Rothbard M.N. A Note on Burke's Vindication of the Natural Society // Journal of the History of Ideas. –1958. – Vol.19, №1. – P.114-118.
255. Rueda D. Alain de Benoist, ethnopluralism and the cultural turn in racism // Patterns of Prejudice. – 2021. – Vol.55, Issue 3. – P. 213-235.
256. Scruton R. A Political Philosophy: Arguments for Conservatism. – Bloomsbury, 2019. – 224 p.
257. Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. – St. Martin Press, 2018. – 176 p.
258. Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. – London: Palgrave Macmillan, 1991. – 352 p.
259. Scruton R. Culture counts : faith and feeling in a world besieged. – New York : Encounter Books, 2007. – 117 p.
260. Scruton R. England and the Need for Nations. – London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. – 54 p.
261. Scruton R. How to think seriously about the planet: the case for an environmental conservatism. – New York: Oxford University Press, 2012. – 457 p.
262. Scruton R. Modern Culture. – London: Bloomsbury, 2018. – 192 p.
263. Scruton R. The Meaning of Conservatism. – Harmondsworth: Penguin Books, 1980. – 198 p.
264. Scruton R. The Politics of Culture and Other Essays. – Carcanet, 1981. – 245 p.
265. Scruton R. The Significance of Common Culture // Philosophy. – 1979. – Vol. 54, № 207. – P. 51–70.
266. Scruton R. The uses of pessimism and the danger of false hope. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. – 232 p.
267. Seaton J. Cultural Conservatism, Political Liberalism: From Criticism to Cultural Studies. – University of Michigan Press, 1996. – 287 p.

268. Sheahan L. C. *Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke* // *Studies in Burke and His Time*. – 2019. – Vol. 28. – P. 28–63.
269. Sheahan L. C. *State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism*. Ph.D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. – 286 p.
270. Spektorowski A. The New Right: Ethno-regionalism, ethno-pluralism and the emergence of a neo-fascist «Third Way» // *Journal of Political Ideologies*. – 2003. – Vol. 8, Issue 1. – P. 111-130.
271. Spinner J. *Constructing Communities Edmund Burke on Revolution* // *Polity*. – 1991.– Vol. 23, №3. – P.395-421.
272. Stanlis P.J. *The Basis of Burke's Political Conservatism* // *Modern Age*. –1961. –P.263-274.
273. Thomson I. T. *Culture Wars and Enduring American Dilemmas*. – University of Michigan Press, 2010. – 270 p.
274. Trepanier L., Callahan E. *Tradition v. Rationalism: Voegelin, Oakeshott, Hayek, and Others (Political Theory for Today)*. – Lexington Books, 2018. – 284 p.
275. Trimcev E. *Conservatism: Empirical or Metaphysical?* // *Cosmos+Taxis*. – 2019. Vol. 6, № 3/4. – P. 3–14.
276. Tucker J. A., Rockwell L. H. *The Cultural Thought of Ludwig von Mises* // *The Journal of Libertarian studies*. – 1995. – Vol. 10, № 1. – P. 23-52.
277. Varga M., Buzogany A. *The Two Faces of the «Global Right»: Revolutionary Conservatives and National-Conservatives* // *Critical Sociology*. – 2021.– №48 (9). – P.1-19.
278. Versluis A. *A Conversation with Alain de Benoist* // *Journal for the Study of Radicalism*. – 2014. – Vol. 8, No. 2. – P.79-106.
279. Weyrich P.M. *Cultural Conservatism and Conservative Movement* // *Cultural Conservatism. Theory and Practics*. Lind W.S., Marshner W.H. eds. Free Congress Foundation. Center for Cultural Conservatism. Washington, D.C., 1991. – P. 19-31.

280. Woltermann C. What is Paleoconservatism? // *Telos*. – 1993. – №97. – P. 9-20.
281. Woods T. E. Defending the «Little Platoons»; Communitarianism in American Conservatism // *American Studies*. – 1999. – Vol. 40, № 3. – P. 127-145.
282. Young D. E. A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition // *Journal of Religion, Culture & Democracy*. – 2022. – Vol. 1. – P. 1-16.
283. Young M.C. Conservatism and Communitarianism: Two or One? // *Canadian journal of practical philosophy*. – 2020. – Vol.4. – P.58-71.